

Стюарт Дуглас

АПОКАЛИПСИС
ВЫНУЖДЕННЫХ ГНОСТИКОВ:

Карл Г. Юнг и Филип К. Дик

Касталия
2022

ББК 88
УДК 159

Стюарт Дуглас.

Апокалипсис вынужденных гностиков:

Карл Г. Юнг и Филип К. Дик — «Касталия», 2022. — 258 с.

В этой книге представлено сравнение гностических мировоззрений Карла Г. Юнга и писателя-фантаста Филипа К. Дика, две фигуры, которые сделали гораздо больше, чем кто-либо другой, чтобы возродить интерес к гностической традиции в современном мире. Несмотря на совершенно разные подходы, один из них был глубинным психологом, чьи уникальные прозрения и подход к психологии заставили его исследовать глубины бессознательного таким образом, что неизбежно привело его к частому касанию метафизических или духовных вопросов; другой был автором научной фантастики – есть несколько поразительных параллелей между их уникальными гностическими видениями. С относительно недавней публикацией личных дневников Юнга и Дика – «Красная книга» (2009) и «Экзегеза Филипа К. Дика (2011), соответственно, в которых они излагают свои гностические видения, представляется своевременным провести это сравнение.

Эта книга также исследует гностическую традицию в свете этих современных мыслителей, с намерением представить современный пересказ гностического мифа в надежде не только сделать его более доступным для современной аудитории, но и внести вклад в продолжение возрождения гностической традиции.

ISBN 978-5-521-16459-2

© Говард Самди, перевод, 2022

© Арджуна Горбачёв, редактура, 2022

© Денис Лапин, обложка, 2022

© «Касталия», 2022

Дорогие друзья!

Вот уже больше десяти лет, мы представляем Вам уникальные книги. Глубинная психология Юнга, древние и современные оккультные традиции, священные тексты восточных народов, темный путь, символическая поэзия, литература и еще много интересного. Вы можете приобрести книги как в бумажном, так и в электронном формате.

Добро пожаловать на наш сайт: <https://castalia.ru/>
Также на сайте представлены избранные главы издаваемых нами книг, множество отдельных статей, эссе, литературных творений.

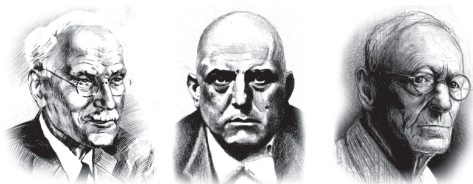
Наш проект представляет огромный лекторий, в котором есть как отдельные открытые лекции, так и серии обучающих курсов по глубинной психологии Юнга, Таро, Рунам, Алхимии и многим другим эзотерическим направлениям.

Также, мы проводим регулярные открытые лекции в Москве и Санкт-Петербурге. Всю информацию можно получить на странице руководителя проекта Олега Телемского

<https://vk.com/olegthelemskiy>

<https://www.facebook.com/oleg.telemskiy/>

*Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков,
а также другие психологические и эзотерические школы
для реализации совместных проектов.
Электронный адрес для связи aton93@yandex.ru*

castalia.ru

Содержание:

Список иллюстраций	5
Предисловие	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Введение	12
ГЛАВА ВТОРАЯ. Живые и мёртвые	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ex nihilo, ex plenitudo (Из ничего, из полноты)	48
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Тьма и свет	67
ГЛАВА ПЯТАЯ. Архонты и архетипы	75
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Пещера и тюрьма	89
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Сон и голограмма	98
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Семя и сноп	121
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Самость и гомоплазмат	126
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Дева и блудница	142
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Рабство и свобода	165
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Христос и София	194
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Воображение и третий глаз	217
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Вынужденный гнозис	233
Библиография	252

Список иллюстраций:

1. Старая Церковь	11
2. Краткое изложение гностических работ Юнга и ФКД . .	46–47
3. Монада. Единый	50
4. Великий невидимый дух и Вселенная	51
5. Божество с лицом льва, которое считается Демиургом	54
6. Пантеизм и панентеизм	59
7. Верхнее и нижнее царство в гностическом видении ФКД. . .	65
8. Акосмический панентеизм	65
9. Смягчённый и абсолютный дуализм в гностической космологии	70
10. Гностический бог Абраксас	82
11. Сад пальм и тюрьма из чёрного железа	96
12. Единая Самость	132
13. Дух в мире, но не мир	137
14. Наложение гностических эмиссаров Юнга и ФКД	140
15. Трёхсторонняя природа человека: дух, душа и тело.	145
16. Полярность внутри двойственности мужской и женской духовности и сексуальности	162
17. Возвращение к Плероме гностиков	184
18. Возвращение в гностическую систему Юнга	187
19. Кадуцей	207
20. Лабиринт, символизирующий одиссею жизни	213
21. <i>Mundus imaginalis</i> (Мир образов).	229

Апокалипсис, имя существительное.

1. Любое из класса иудейских или христианских писаний, которые, как предполагалось, показывали в откровениях конечную божественную цель.

2. Пророческое откровение, особенно о катаклизме, в котором силы добра побеждают силы зла.

3. Любое откровение или пророчество.

4. Любое универсальное или крупномасштабное разрушение или катастрофа.

Происхождение: от греческого *apokalypsis*, «откровение», *apokalyptein*, «раскрытие, снятие покрыва» (*apo-* + *kalyptein*, «покрывать, скрыть») + *-sis*.

Предисловие

Я вошел в старую церковь в городе, в котором я вырос. Я искал целевую карту (то есть карту с записью своей цели) для следующего этапа своей жизни. Я ожидал найти ее на подоконнике по левую сторону. Я нашел ее там, где и ожидал, однако немного удивился и подумал: «Она реальна!» Целевая карта была размером с игральную карту, но шрифт был очень мал. Я осмотрел карту, но единственные слова, которые я сумел прочесть, были: «Карл Юнг». Я спросил молодую женщину, может ли она прочесть слова на карте. Она собиралась это сделать, когда, отвлекшись на внезапный шум, я проснулся...

Дневник сновидений автора, июль 2015 г.

В заключительных замечаниях к моей первой книге «Белая птица, Черная змея, Красная книга» я писал о том, как Юнг признался, что чувствовал себя потерпевшим поражение в своей главной задаче: пробудить людей к тому факту, что они имеют душу, которую он сравнивал с сокровищем, похороненным в поле. Я предположил, что в этом не было никакой вины со стороны Юнга, однако, возможно, люди были виновны в том, что не полностью осознали, в чем суть жизни. Я пришел к выводу, что теперь эта вина особенно явно лежит на тех, кому близко гностическое мировоззрение, на котором основана его психология, на тех, кто продолжает дело Юнга. В то время я не чувствовал, что буду среди них, я думал, что мое исследование работ Юнга,

и, в частности, его гностического наследия, было завершено, и я мог перейти к другим вещам. Понемногу я понял, что чувствую себя призванным продолжить его незаконченное исследование. Эта фантазия, безусловно, предполагает многое, и ее результатом является эта книга.

В психологии Юнга завершение психологического развития и достижение психологической целостности требует примирения и интеграции всех противоположностей в психике. В своей первой книге я отметил, что в наше время нет ничего более важного для спасения человечества, чем восстановление подавленного женского принципа. Только после того, как феминность будет восстановлена в равенстве с мужским принципом, может произойти интеграция мужской и женской полярностей. Согласно Юнгу, равенство женского принципа требует не просто равенства женщин, но фактической эквивалентности женского принципа во всей его полноте, не только психологически и духовно, но таким образом, который закрепляет женское начало в образе женщины. Божественная женщина – так же, как божественная мужская фигура – представлена в образе Христа (для христиан); Юнг отверг представление о Церкви как о символе женского, как интеллектуальной абстракции, и призвал к личной фигуре. Для гностиков эта фигура – София. В гностической философии душа, дочь Софии, должна быть возрождена и восстановлена на ее законном месте, чтобы достичь «воскресения из мертвых» – как христиане говорят о втором пришествии Христа. Если должно быть второе пришествие, и оно необходимо, тогда для гностиков это будет пришествие Софии, потому что Христос и София едины, и это Софией, которой пренебрегали и которую теперь нужно восстановить, пронизано гностическое наследие Юнга и вся его жизненная деятельность, а его незаконченный проект – не что иное, как попытка возрождения Софии. Эта книга призвана внести свой вклад в эту задачу.

В начале этого проекта я имел совсем другое отношение к этому вопросу. Тем не менее, я недавно закончил читать «Экзегезу» Филипа К. Дика, личный путь американского писателя-фантаста, и был поражен параллелями, существовавшими между его работами и работами Юнга. Эти параллели рассматриваются в этой книге, но вкратце – у Юнга и Дика были мистические и паранормальные видения, которые они всю оставшуюся жизнь пытались понять и осмыслить. Суть их видений, несомненно, гностическая. Заинтригованный параллелями, тем более что два совершенно разных человека озвучили любопытно схожие видения с радикально разных точек зрения, я был вынужден попытаться пересказать современный гностический миф в свете их гностических видений. Тяга была слишком велика, чтобы сопротивляться. Тем не менее, несмотря на то, что их видения были, по сути, гностическими, оба они восприняли это без энтузиазма. На протяжении всей своей карьеры Юнг публично отрицал, что он был гностиком – или любым другим мистиком – несмотря на то, что его психология, без сомнения, основана на его гностическом видении, тогда как Дик, признавая, что его видение было гностическим, добавил, что он «не рад этому». Они вынужденные гностики. Исследование гностических видений Юнга и Дика в этой книге включает в себя исследование их личных дневников – «Красной книги» и «Экзегезы», которые, в первую очередь, являются их личными одиссеями, имевшими цель вернуть их потерянные или заброшенные души. Другими словами – эти дневники представляют их попытки восстановить Софию в своей жизни, так как душа является дочерью Софии. Точнее, возможно, душа – это София, поскольку она проявляется в индивидуальной психике. Принимая во внимание, что главная цель этой книги состоит в том, чтобы представить современное переосмысление гностической традиции в свете гностических видений Юнга и Дика, в ходе ее написания стало очевидно, что, в основном, речь идет о

возврате души, восстановлении Софии, и решающее место этого поиска – в гностической сотериологии.

Рисунок 1. Старая Церковь.

Действие моего сна разворачивается в старой церкви города, где я вырос. Это показывает, что моя духовная жизнь считает древнюю гностическую традицию своим домом. Рассматриваемая церковь расположена в центре грубого квадратного кладбища, которое, по моим воспоминаниям, имеет четверо ворот. Я решил проиллюстрировать этот сон в виде плана этой церкви, представленном в форме мандалы (рис. 1), символизирующей целостность, которую я ищу в ней. Мне приснился этот сон примерно в то время, когда я покинул прежнюю карьеру и обдумывал свое призвание на следующем этапе моей жизни. Этот сон прояснил: моя миссия, если я решу принять ее – продвигать работу Юнга не как форму психотерапии или как процесс психологического развития, а как современную практику древней традиции гностиков. Надеюсь, что эта книга не самоуничтожится в течение пяти секунд...

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Введение

Люди на Западе страдают от хронического духовного недуга: традиционные религиозные институты не в состоянии обеспечить подлинную связь с божественным, которой жаждут их приверженцы. Для большинства традиционным является христианство, которое численно доминирует в религиозной традиции на Западе. Для многих его доктрины превратились в простую догму, а его ритуалы, по большей части, стали небрежными, совершаемыми автоматически и лишенными смысла. Эту неудовлетворенность, которую испытывает так много современных людей на Западе, швейцарский психолог К. Г. Юнг лаконично выразил в образе «духовно мертвых», которые вернулись из Иерусалима недовольными, поскольку не смогли найти там то, что отправились искать. Пока еще неизвестно, находятся ли эти институты в упадке или могут воскреснуть сами. Несостоятельность Церкви вызвала отчуждение тех, кого иначе можно было бы считать, по крайней мере, номинально, христианами. Во-первых, есть те, кто отрекся от западной религии и заодно от любой формы духовности. Однако природа не терпит пустоты, и что-то – обычно безудержный материализм в разнообразных формах – заполняет пустоту, следовательно, для этих отступников новыми богами стали успех и избыток, слава, иногда собственная, но чаще всего – как нездоровый интерес к жизни модных «знаменитостей», удача, секс, наркотики, рок-н-ролл и тщетные поиски источника вечной молодости. В культовом фильме «На игле» (1996 год, режиссер Дэнни Бойл) главный герой Рентон рассказывает о жестокой погоне за современной светской жизнью, которой слишком часто

поддаются духовно нищие; это жизнь, посвященная погоне за карьерой и ипотечными кредитами с фиксированной процентной ставкой, новейшими «модными удобствами», такими как телевизоры большого размера и электрические кухонные приборы, а также за модной дизайнерской одеждой и соответствующими аксессуарами. Другими словами, это пустая, бессмысленная жизнь, которая заставляет людей забыть о том, кто они на самом деле, отвлекая все новыми шокирующими игровыми шоу по телевизору, вынуждая поглощать нездоровую пищу и так далее. Все это неизбежно ведет к роковому финалу – разрушению души и гибели, и жизнь неуклонно угасает в них, когда они находят конец своих дней в жалком доме престарелых.

Во-вторых, есть другие, которые также отвернулись от Церкви, но вместо этого искали духовную пищу в других местах; я видел на бампере одного автомобиля наклейку, кратко излагающую эту позицию: «Люди покидают Церковь и возвращаются к Богу». Действительно, я подозреваю, что Бог, вероятно, покинул Церковь. Возможно, покидая ее, он погасит свет. Многие люди, начиная с контркультурного движения 1960-х годов, смотрели на восток, чтобы заполнить зияющую пустоту внутри, отыскать этот свет, ища убежища в Трех Драгоценностях буддизма – Будде, Дхарме и Сангхе, ища даршан у просветленного мастера или практикуя один из йогических путей, обещающий единение с божественным. Другие попытались заполнить грызущую пустоту, обратившись к одному (или более) из движений, которые вместе составляют то, что обычно называют западной эзотерической традицией или западной мистической традицией. Эти традиции включают в себя неоплатонизм, герметизм, каббалу, алхимию, розенкрейцерство, масонство, теософию, мистическое христианство, эзотерическое христианство, неоязычество, викку и многие другие. Почти все эти традиции считались христианской церковью еретическими в то или иное время в истории и подавлялись –

часто довольно жестоко. Тем не менее, сущность их учений никогда не исчезала, а просто была вынуждена войти в то, что было описано как подземная река, лишь для того чтобы всплыть позже в другой форме. Возможно, вопрос о том, представляет ли эта река непрерывную цепь от нынешней эпохи вплоть до древности, или же эти неоднородные движения являются дискретными, но взаимосвязанными примерами той же духовной сущности, вновь возникающей из глубин коллективного бессознательного, является спорным. Бывший рок-музыкант, а ныне штатный писатель западной мистической традиции, Гэри Лахман, предполагает, что, по большей части, эта подземная река остается «скрытым источником, из которого несколько смелых душ [черпают] вдохновение». Одним значительным притоком этой могущественной подземной реки, которая недавно вновь стала видимой благодаря своей энергии, является то, что обычно, хотя и весьма вольно, называют гностицизмом. Работа двух смелых душ, которые испили из этого гностического источника, является главной темой этой книги.

* * *

Что такое гностицизм? Это современный термин, используемый для обозначения совокупности древних духовных традиций, обычно синкретических по своей природе, с историческими корнями, уходящими в далекую историю к Платону и иудаизму времен Второго храма. Если религия определяется как система доктрин и практик, неразрывно связанных с ними, обычно основанная на конкретной культуре и затрагивающая отношения человечества с божественным, то в той степени, в которой гностицизм можно считать религией, он отчасти схож с индуизмом, поскольку индуизм — довольно разнообразная семья взаимосвязанных традиций. Учитывая разнообразие внутри движения, нет ничего

удивительного в том, что гностицизм означает разные вещи для разных людей, а спектр определений, используемых для термина «гностицизм», широк; возможно, слишком широк. С одной стороны, в более четко определенном краю спектра термин обычно используется – часто неточно – для обозначения группы христианских ересей, возникших во втором веке нашей эры и процветавших в течение нескольких веков, прежде чем быть уничтоженными. Есть некоторые ученые (например, Дэвид Бракк, автор монографии «Гностики: миф, ритуал и многообразие в раннем христианстве», Издание университета Гарварда, 2010), которые предлагают еще более конкретное определение, в котором термин зарезервирован для именования исключительно определенной секты в гностицизме, известной как сифиане. На другом, «более слабом» конце спектра, находятся течения, относящиеся к нью-эйдж, которые используют термин для обозначения всего, что им захочется так назвать. Некоторые ученые (например, Уильямс, 1996) вообще поставили под сомнение ценность термина и даже пошли на то, чтобы предложить отказ от него ввиду сомнительной классификации. В то время как это может иметь смысл в академической среде, где уместна определенная строгость категоризации, в дискурсе, не связанном с наукой, это немного похоже на предложение отказаться, например, от самого термина «христианство». Сама идея кажется нелепой. Действительно, разнообразия в гностицизме, возможно, не больше, чем разнообразия в христианстве. Они могут иметь более или менее похожую теологию, но то, что делают евангелисты, радикально отличается от того, что делают католики, однако никто не предлагает отказаться от термина «христианство».

Бракк дает нам, пожалуй, лучшую модель для понимания того, что известно как гностицизм. Утверждая, что представление о существовании единой формы христианства в древности ошибочно, Бракк предлагает новую, «конно-скачковую» модель

раннего христианского развития. Он предполагает, что, как и лошадей в гонке, было несколько христианских групп, конкурирующих друг с другом, одна из которых стала доминирующей и, следовательно, стала предшественницей того, что мы сегодня знаем как христианство. Он утверждает, что различные секты, которые в настоящее время считаются гностическими, были просто лошадьми в гонке – вместе с разнообразными ранними формами христианства. Гонка оказалась выигранной протохристианством. Однако несмотря на полезность модели Бракка, она основывается на предположении, что протохристианскому коню не было предоставлено никаких особых привилегий и что все лошади в гонке имели равные шансы.

Маловероятно, что это имело место. В этой метафоре все слишком черно-белое, и первая лошадь, прошедшая отметку – это первая лошадь, прошедшая отметку и, таким образом, наиболее подходящая для цели, по праву объявленная победителем. Пытаясь понять отношения гностицизма с христианством, мы можем улучшить метафору скачек включением альтернативной модели, в которой победитель, то есть протохристианство, было подобно кандидату, избранному на выборах, где победителем становится тот, кто не всегда может быть наиболее подходящим для цели, но кто во время выборов лучше всего отвечает интересам избирателей, как они считают, или, возможно, как их вынудили считать. Для целей этой работы вместо термина «гностицизм», который будет включать историю, культурную среду, секты, учителей, кredo, ритуалы и все остальное, я буду использовать термин «гностический» (прилагательное), поскольку, на мой взгляд, он является более предпочтительным. В этой работе термин «гностический» используется для описания любой из группы связанных духовных мировоззрений, которые обычно основаны на провидческом опыте и которые обладают следующими фундаментальными характеристиками: (а) они монистичны: существует единственная,

невыразимая трансцендентная предельная божественность, из которой возникает все остальное; (б) их космогония включает процесс эманации мужских и женских сизигий из одного трансцендентного источника; (в) они дуалистичны и проводят четкое различие между трансцендентным царством света и сотворенным миром материи; (г) они считают, что сотворенный мир не был создан абсолютной божественностью, но вместо этого был создан меньшим, невежественным, иногда злым богом и его подчиненными; (д) считают, что творение возникло в результате какой-то ошибки или нарушения небесного порядка; (е) считают, что бог-творец и его подчиненные также создали людей, изгнали их из их истинного дома в трансцендентном царстве света и заключили их в мир материи; (ж) считают, что каждый человек содержит врожденную духовную сущность, являющуюся абсолютной божественностью; (з) включают духовное понимание через непосредственное внутреннее переживание, которое необходимо для спасения, и поэтому высоко ценится, в отличие от слепой веры; (и) это спасительное знание передается эмиссаром из трансцендентного царства; (к) цель каждого гностика – извлечь свою божественную сущность из заключения в падшем мире и вернуться к своему истоку в трансцендентном царстве света.

Стефан А. Хеллер, ученый, изучающий как гностицизм, так и юнгианство, а также епископ гностической церкви (современная, возрожденная гностическая церковь *Ecclesia Gnostica*), утверждает, что эта духовная традиция не переставала существовать. Хеллер сравнивает духовную проницательность с кругами на воде, вызванными брошенным в нее камнем: она расходится по всей вечности после того, как выходит из человеческого сознания. Гностицизм не является исключением, и, несмотря на его очевидную гибель около четвертого века нашей эры, он так и не исчез. Тем не менее, возможно, он остался бы неизвестным широкой публике, и, скорее всего, был бы отправлен на свалку истории,

если бы не несколько событий, которые привели к возрождению интереса к гностицизму в нашем современном мире.

Во-первых, в 1945 году произошло знаменательное открытие коллекции гностических текстов, известных как библиотека Наг-Хаммади, названная в честь небольшого городка в Верхнем Египте, недалеко от того места, где она была найдена. В то время одна из худших глав в человеческой истории подходила к концу, и открытие библиотеки было своевременным, если не синхронистичным. Коллекция состоит из пятидесяти трех гностических текстов в тринадцати папирусных кодексах в кожаных переплетах, которые считаются старейшими из известных существующих переплетенных книг. Во-вторых, каким бы значительным ни было открытие библиотеки Наг-Хаммади, ее содержание, наряду с духовной философией гностиков, без сомнения, оставалось бы интересным только для самых преданных исследователей, если бы не передовые работы некоторых ученых, которые представили гностиков миру. Возможно, наибольшая заслуга в этом принадлежит профессору Элейн Пейджелс, чья книга «Гностические евангелия», опубликованная в 1979 году, в этом отношении была новаторской, и, по словам выдающегося автора и исследователя гностицизма Ричарда Смоули, больше, чем любая другая, включая саму библиотеку Наг-Хаммади, способствовала знакомству широкой публики с древними гностиками.

В-третьих, в последние годы появилось несколько «возрожденных» гностических церквей, одной из которых является вышеупомянутая *Ecclesia Gnostica*. Некоторые из них справедливо отстаивают свое право на эпитет «гностическая», претензии других несколько менее обоснованы. В-четвертых, как отмечалось выше, многие люди на Западе жаждут подлинной духовной жизни, будучи недовольны растущей неспособностью христианства быть достойным хранителем духовного наследия Запада. Во времена, когда отсутствует подлинная религиозность, пустота

частично заполняется преобладанием гностических тем в популярной культуре, примером чего служат современные фильмы, такие как «Матрица», «Шоу Трумэна», «Темный город», «Лабиринт фавна», «12 обезьян», «Ванильное небо» и «Плезантвилль», которые, как утверждается, содержат гностические темы. Понятно, что мотивы гностической традиции возрождаются из глубин архетипических пластов и находят значительный резонанс в современном западном обществе.

* * *

Впервые я столкнулся с термином «гностицизм» при чтении автобиографии Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления» (1962) много лет назад. Книга настолько сильно поразила меня, что мой интерес вышел далеко за рамки простого любопытства. Фактически, я испытал глубокий, хотя и тонкий, резонанс с предметом (то есть с гностицизмом), несмотря на то, что в то время о нем ничего не знал. Тем не менее, я пошел по окольному пути, прежде чем обратиться к гностицизму. Я когда-то принадлежал к группе христианских отступников, которые искали духовной пищи вне институтов христианства. В соответствии со своими представлениями я вынес из всего многообразного религиозного опыта человечества то, что мне больше нравилось; это то, за что движение нью-эйдж часто называют «духовным супермаркетом». Мое первое знакомство с альтернативной традицией началось с тибетского буддизма. Однако несмотря на то, что я был очарован его духовной философией, не говоря уже о том, что пребывал несколько соблазненным его богатой символикой, я продолжал пытаться согласовать буддийские учения с христианской теологией, как я ее понимал. Две традиции казались настолько разными – по крайней мере, на первый взгляд, что одна (или обе) должны были быть «неправильными». Кроме того, оба учения были весьма раз-

личными выражениями одной, гораздо более глубокой, истины. Я рассуждал так: если я смогу примирить эти различия, я приближусь к этой истине, освободившись от особенностей какой-либо одной традиции. В попытке решить эту головоломку я обратился к сообществу самореализации Парамахансы Йогананды, особенно привлеченный его попытками примирить учение Библии с учением Бхагавад-Гиты. Примерно в это же время я столкнулся с работами английского бенедиктинского монаха отца Беда Гриффитса, который отправился в Индию, где «открыл вторую половину своей души». Его труды оказали большое влияние на меня, в частности, «Брак Востока и Запада» (1982), как и его усилия, направленные на то, чтобы подчеркнуть единство религиозных традиций. Я признал необходимость примирения противоположностей и поиска более глубоких, основополагающих истин.

Тем не менее, в моем изучении восточных традиций что-то просто не состыковывалось, и я чувствовал, что не могу полностью принадлежать ни к одной из них. Религиозная традиция возникает не в вакууме, а в культурном контексте, с которым она неразрывно связана. Следовательно, чтобы проникнуть в суть традиции, нужно уметь различать то, что принадлежит сущности традиции, и то, что принадлежит культуре. Кроме того, существует дополнительная трудность – проблема языка. Когда священный текст (или любой другой текст) переводится с одного языка на другой, что-то всегда теряется при переводе, и чем больше разница между исходным и целевым языками, тем больше теряется. Многие слова в английском языке имеют происхождение либо из латыни, либо из греческого, и поэтому понятно, что текст, написанный на греческом, например, потеряет при переводе на английский гораздо меньше, чем текст, переведенный, например, с санскрита на английский. Действительно, некоторые понятия в восточных традициях – и это нужно помнить, ведь мы имеем дело с понятиями, которые часто невыразимы – просто не имеют при-

емлемого перевода на английский язык, поэтому часто остаются непереуведенными в английских версиях. Таким образом, англоязычный читатель восточного текста, переведенного на английский язык, как правило, нуждается в некотором знании санскрита (или тибетского – и так далее), прежде чем начнет понимать значение текста. Кроме того, всегда существует деликатный, часто острый вопрос о возможности погружения в культуру, когда человек перенимает традиции другой культуры. По этим причинам, независимо от того, насколько я ценил и извлекал выгоду из моих встреч с восточными традициями, я всегда чувствовал, что мне чего-то не хватает. Казалось, мне не хватает буквально и метафорически того, что я могу описать как душу. Как сказал один сторонник западной мистической традиции, «Роза Запада не должна стремиться цвести как Лотос Востока». Эти слова сильно резонируют во мне. Учения Запада продолжали тянуть меня обратно, как магнит.

Мои попытки примирить свое христианское прошлое с изучением восточных традиций напоминают мне притчу о слепых и слоне, которая, как считается, возникла в буддизме Тхеравады и позже вошла в суфийскую традицию. Один из вариантов истории учит, что трое слепых подошли к слону, животному, с которым они не были знакомы. Будучи слепы, они пытались познать животное через прикосновения. Один подошел сбоку и коснулся его ноги, другой подошел спереди и нащупал бивень, а третий с другой стороны коснулся слоновьего уха. Когда они сравнили свой опыт, то вскоре обнаружили несоответствия в отчетах. Человек, который почувствовал ногу, описал ее как своего рода столб, одновременно шероховатый на поверхности, но довольно мягкий. Человек, который коснулся бивня, не согласился и описал слона как твердый и гладкий столб, а не мягкий и шероховатый. Третий человек оспаривал утверждения двух других, описывая слона как широкого и шероховатого, как кусок кожи. Каждый был частично прав, основываясь на своем ограниченном субъективном

опыте, но никто из них не смог полностью постичь слона. Другими словами, субъективный опыт каждого из них был в некоторой степени правдивым, но по отдельности им не удалось постичь объективную истину (если она существует). Однако если бы они объединили свои знания, то могли бы приблизиться к более полному представлению о слоне. Подобно трактовке мифов и грез, существует несколько способов интерпретации этой поучительной истории. С одной стороны, она говорит об ограниченности индивидуального восприятия. С другой стороны, каждый из этих слепых представляет подход, используемый различными духовными традициями в их попытках постичь трансцендентные тайны божественного.

Существует риск смешения метафор; подобное послание можно найти в учении мастера дзэн Басе, который сравнивал различные религии с разными пальцами, указывающими на Луну. Как и в истории о слепых, каждый палец представляет свою правду. Основное предостережение заключается в том, что если мы сосредоточимся на пальце, мы не сможем постичь Луну. Роль пальца заключается в том, чтобы просто указывать на Луну. Точно так же, как для GPS требуется обзор, по меньшей мере, с четырех спутников для определения точного геопространственного местоположения, возможно, нам понадобится несколько пальцев (то есть разные духовные перспективы), чтобы точно определить местонахождение «Луны». Если есть только один палец, и если он даже немного смещен относительно Луны, он укажет неверное направление. Точно так же, как если два пальца указывают на Луну не прямо, то их точкой пересечения будет не Луна. Однако если есть три (или более) пальца, то их пересечение образует треугольник (или многоугольник), и, даже если все три пальца слегка смещены, сохраняется шанс, что треугольник пересечения станет локусом, в котором находится Луна. Другими словами, множество разных точек зрения может дать нам лучшее, более всесторон-

нее понимание объекта нашего восприятия.

С другой стороны, хорошее – враг лучшего, и в изобилии вариантов, представленных «духовным супермаркетом», существует огромный риск сделать бессвязный и неряшливый выбор. Для жителей Запада, которые выходят за рамки своей родной духовной традиции, существует настоящий шведский стол из традиций мудрости, а также учителей и практик на любой вкус. Человека, избалованного выбором, выбор, например, одной только вишни может привести к чрезмерному излишеству, «духовному шоколадному торту», в то время как, скажем, «духовные брокколи» остаются нетронуты.

В «Четырех квартетах» поэт Т.С. Элиот (1943) утверждает, что конец наших исследований приводит нас к тому, с чего мы начали, но впервые получивших способность знать и понимать свои истоки. Для меня окончание моего исследования других традиций привело меня к тому, с чего я начал, к моим христианским корням в более широком смысле, хотя и в форме гностицизма. Десятилетия странствий по духовной пустыне не привели меня в Землю Обетованную, но я, по крайней мере, чувствую, что гностики, как древние, так и современные, предоставили мне карту.

Я всегда буду благодарен за восточные традиции и за инсайты, данные мне пальцами, указывающими на Луну. Яркость и структура, которые они привнесли в мое духовное понимание, неоценимы. Тем не менее, я христианин в глубине души, хотя и еретический, с западной душой и мышлением. Перефразируя известную пословицу, вы можете вывести человека из христианства, но вы не можете вывести христианство – в любом виде – из человека. Может быть одна Истина, но может быть множество выражений этой Истины. Говорят, что есть много скважин, но только один водоносный горизонт. Для меня в настоящее время это гностический христианский «колодец», из которого я черпаю воду.

Позвольте мне быть предельно ясным здесь: я ни в коем случае не предполагаю, что западные традиции во всем превосходят восточные традиции. Я просто заявляю, что для меня, как для западного человека, западные традиции практически, лингвистически, концептуально и философски более доступны. Есть много тропинок, ведущих к горе. Зачем идти на другую сторону горы, зачем выбирать альтернативный путь? Почему бы мне не встать на путь передо мной?

* * *

Эта книга не является еще одной работой по гностицизму, которая прослеживает его историю и пытается детализировать различные гностические школы древности, учителей, доктрины, практики и так далее. Эти основы были должным образом проработаны другими. Скорее, эта книга преследует две цели. Во-первых, необходимо представить сравнение уникальных гностических (или «гностического стиля») мировоззрений двух фигур, которые сделали больше, чем многие, чтобы сохранить жизнь, даже оживить в современную эпоху то, что Смоли называет «гностическим наследием». Этими современными «гностиками» (и здесь я использую термин очень широко) являются швейцарский психолог Карл Г. Юнг (1875–1961) и американский писатель-фантаст Филипп К. Дик (1928–1982). В этой работе Дик будет отныне именоваться «ФКД», как его обычно называют, полагаю, с известной долей любви, в среде его фанатов. Учитывая относительно недавнюю публикацию личных дневников как Юнга, так и ФКД, «Красной книги» (Юнг, 2009) и «Экзегезы» (Дик, 2011), соответственно, представляется целесообразным провести такое сравнение. И у Юнга, и у ФКД были совершенно разные подходы по достижению гностических видений. Один из них был глубинным (или трансперсональным) психологом, чьи уникальные идеи

и подход к психологии заставили его исследовать глубины бессознательного таким образом, который неизбежно направлял его к соприкосновению с тем, что можно считать метафизическими или духовными вопросами. Другой был автором научной фантастики. Тем не менее, как я надеюсь продемонстрировать в книге, между их видениями есть несколько поразительных параллелей, тем более заметных, учитывая их различные отправные точки. Однако в то время как эта книга, в основном, о гностических взглядах Юнга и ФКД, она также представляет собой попытку переосмыслить гностическую метафизику в свете их значительного вклада в эту тему.

Вторая цель книги – исследовать гностическую духовную философию в свете этих современных мыслителей с намерением представить древний гностический миф на языке современности. Юнг полагал, что миф, который остается статичным и не развивается, по сути, мертвый миф; только живой миф может дать людям столь необходимую психодуховную помощь. В сходном ключе ФКД, комментируя известный герметический афоризм «Как вверху, так и внизу», утверждал, что его автор пытался описать Вселенную как голограмму, но ему не хватало терминологии, с которой мы знакомы сегодня (Дик, 2001, стр. 257–258), и благодаря которой мы можем лучше описать и понять наш мир и наше место в нем. Держа в уме эти две идеи, я надеюсь дать гностической традиции современное «преобразование» в надежде не только сделать ее более доступной для современной аудитории, но и внести свой вклад в продолжение возрождения гностического духа, чтобы его растущее пламя не мерцало, не шипело и снова не угасло.

* * *

Одна из поздних работ ФКД, «Валис» (1981), является по-луавтобиографическим романом, в котором, кажется, созрели многие из его любимых тем, и в котором он представляет свое гностическое видение. В речи, произнесенной на конференции в Меце во Франции в 1977 году, и как он описал это в «Валисе», он сказал, что внутри него живут два разных персонажа, представляющие его эго и альтер-эго, две противоположные личности: один – правительственный исследователь со склонностью к науке, другой – человек вне науки, у которого необычные переживания, которые он не понимает и для которых у него нет объяснения (Дик, 1977). По словам Дика, оба подхода необходимы для истины. В другом месте, в своем романе «Божественное вторжение» (2008), он утверждает, хотя и ссылаясь на одного из персонажей романа, что у него два разума, один на поверхности, а другой в глубине. Другими словами, один сознательный, другой бессознательный. Точно так же в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» (1962) Юнг обращается к своим личностям № 1 и № 2, предшественникам своих эго и Самости, и постулирует, опять же, что одно – сознание, а другое в значительной степени бессознательно. Необходимость примирить эго и Самость, или сознательное и бессознательное, таким образом, чтобы прислушиваться к обеим сторонам, стала отличительной чертой юнгианской психологии. Поэтому, в соответствии с этой темой, в этой работе используется двойной подход: сознательная исследовательская, хотя и не научная, составляющая в сочетании с составляющей опыта, возникающего в результате взаимодействия с бессознательным.

Учитывая мой опыт в трансперсональной психологии, можно сказать, что книга неизбежно написана под влиянием этой дисциплины. Что такое трансперсональная психология? Определений много, и они различны. В качестве академической дисциплины трансперсональная психология исследует аспекты человеческого опыта, выходящие за пределы личности и обычно очень

ограниченного чувства личной идентичности, и пытается сделать это таким образом, который укладывается в научные или академические рамки. Учитывая попытку включить весь спектр человеческого существования, она охватывает гораздо больше, чем только психологию, и метафорически ее можно выразить как соединительный мост между областями психологии и духовности. На практике трансперсональная психология, как правило, стремится создать синтез теорий и практик ряда западных психологий с теориями и практиками некоторых мировых традиций мысли, особенно восточных, и тех, которые обычно называют шаманскими.

Трансперсональная психология бросает вызов привилегированной гносеологической гегемонии, пользующейся традиционными методами исследования (например, научным методом), и тому, что было принято, как подход для работы, подобной этой, то есть обычному «книжному» исследованию. Утверждается, что подходы, принятые в исследовании, не являются единственными способами приобретения знаний по данному предмету и ни в коем случае не являются лучшими способами. Например, Харт, Нельсон и Пухакка утверждают, что «истины» современной науки, так же, как и религии, больше не могут рассматриваться как абсолютная истина, а должны восприниматься как относящиеся к их контексту, будь то контекст языка, культуры, эпистемологических предположений и так далее. Они утверждают, что гносеологические методы как технических, так и гуманитарных наук были «сильно унижены [их] самостоятельно признанными пределами» (стр. 1), и что существует растущее признание – можно добавить, очень медленное и довольно неохотно одобряемое – альтернативных способов познания. Они выступают за открытый и развивающийся подход к эпистемологии, который охватывает несколько точек зрения, дополняет традиционные методы альтернативными подходами и включает в себя несколько дисциплин – например,

анализ и личный рассказ (личный нарратив).

Исследование в этой работе было основано на представлении о том, что единственное, окончательное толкование текста является ошибкой. Интерпретация всегда является функцией переводчика и всего, что он привносит в работу. Следовательно, некоторая степень субъективности – часто довольно ярко выраженная – присуща любой работе. Эта книга не является исключением. Признаю ее неизбежную субъективность. Действительно, это приветствуется, иначе эта работа была бы сухим рациональным анализом и не более чем отчетом. В этой книге используется подход к исследованию, предполагающий, что понимание приходит не только от интерпретации (или познания), а скорее от более целостного взаимодействия с текстом, в котором интуиция, воображение и ощущаемый смысл чтимы наряду с интеллектуальным анализом. Смыслу было позволено проявиться через искреннее участие. Метод исследования состоит в том, чтобы вступить в диалог с исследуемым текстом, выслушать его и позволить ему передать свое сообщение. Цель состоит в том, чтобы позволить гностикам поговорить с нами еще раз через эту работу. Хотя эта работа является исследованием, как описано выше, она не предназначена для научной мысли, и, чтобы сделать ее более удобной для чтения, ссылки были сведены к минимуму.

Основными источниками для этой работы являются «Красная книга» Юнга, «Экзегеза» ФКД и гностические тексты из библиотеки Наг-Хаммади. Также используются частые ссылки на канонические христианские писания. Гностическая духовная философия совпадает со значительной частью раннего протохристианства до его захвата Константином и последующей институционализацией в качестве средства контроля над массовым сознанием. ФКД предполагает, что Церковь как институт «посвящена обогащению меньшинства и эксплуатации большинства» (2008, Филип Дик, «Всевышнее вторжение», стр. 217). Тем не менее,

гностик может плодотворно учиться на традиционных христианских писаниях. Перефразируя квазигностического поэта Уильяма Блейка (1757–1827), христиане и гностики читают Библию день и ночь, но там, где один видит черное, другой видит белое. Другим важным источником и источником вдохновения для этой работы является фильм «Матрица» (Сильвер, 1999). Несмотря на то, что «Матрица» оказала влияние не только на гностиков, она, безусловно, должна оцениваться как современный гностический миф. Не признать ее было бы упущением любой работы, пытающейся переосмыслить гностический миф на языке современности.

Кроме того, трансперсональная психология фокусируется на эмпирическом опыте, и ее эмпирические методы исследования должны включать внутренние переживания, которые имеют решающее значение для осмысленного изучения не только психики, но особенно метафизических и духовных сфер. Следовательно, эта работа дополняет внешнее знание через исследовательский подход (описанный выше) внутренним эмпирическим знанием через практику работы со сновидениями.

Работа со сновидениями была, несомненно, необходима Юнгу как лично, так и профессионально. Наряду с активным воображением (о котором пойдет речь в следующей главе), работа со сновидениями является неременным условием применения психологии Юнга. Точно так же в своей «Экзегезе» ФКД (2011) утверждал, что содержащиеся в книге исследования приходили к нему из «сотен снов» (стр. 789). Он также заявил, что не самостоятельно писал свои романы, что они приходят изнутри, из какой-то другой части его самого, и что они часто содержат его сны (стр. 565). Поэтому вполне уместно, что в этой книге, посвященной работе Юнга и ФКД, в качестве экспериментального подхода используется работа со сновидениями. Я признаю субъективность в этом подходе, и в соответствии с основной темой

этой книги предлагаю примирение противоположностей: баланс между объективностью и субъективностью в виде включения как исследований, так и сновидений.

Бессознательное общается с помощью образов. Поэтому представляется разумным предположить, что любая работа, которая включает в себя исследование психики и пытается опустить палец в рябь, которая исходит из невыразимых глубин бессознательного, не говоря уже о метафизических сферах, должна каким-то образом воздать должное символам. Во время своих приключений в Стране Чудес Алиса размышляет о том, как скучно читать книги без рисунков, и, принимая это во внимание, в книге содержится ряд рисунков, призванных помочь проиллюстрировать обсуждаемые вопросы.

Наконец, эта работа в некотором смысле является продолжением моей предыдущей книги «Белая птица, Черная змея, Красная книга» (Дуглас, 2016 г.), поскольку она включает дальнейшее исследование гностического видения Юнга. Тем не менее, настоящая книга самостоятельна, но, по необходимости, должна повторить некоторые из основ, рассмотренных в моей предыдущей книге. Я постарался свести это к минимуму.

* * *

Я надеюсь, что эта книга будет интересна не только тем, для кого гностическое мировоззрение, в частности, Юнга и ФКД, имеет особую привлекательность, но и тем западным (и не только) людям, которые, отвернувшись от ортодоксальной религиозной традиции, в которой были рождены, вместо того, чтобы смотреть на восток, искали духовную пищу в гностическом притоке великой подземной реки западной тайной традиции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Живое и мертвое

Психолог Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года в Кесвиле, небольшом городке рядом с Боденским озером в Швейцарии. Первоначально Юнг был последователем и очевидным преемником, бесспорным наследным принцем новой дисциплины – глубинной психологии Фрейда, но позже отошел от Фрейда и разработал свою собственную форму глубинной психологии, которую он назвал аналитической психологией. Его величайший вклад в психологию включает концепцию архетипов и коллективного бессознательного, включения понятий архетипов эго, тени, анимы/анимуса и Самости; концепцию психологического комплекса; разработку психологических типов, работу с мышлением, чувствами, интуицией и ощущениями, наряду с взаимосвязанными психологическими установками интроверсии и экстраверсии. Однако краеугольным камнем его психологии является процесс индивидуации, который он рассматривал как центральный для психодуховного развития человека и в котором он пытался примирить и интегрировать все психологические противоположности, главными среди которых являются эго/Самость и сознательное/бессознательное. Он умер 6 июня 1961 года в Кейснахте на берегу Цюрихского озера, в возрасте восьмидесяти пяти лет.

* * *

Смоли (2006) отмечает «огромный вклад» (с. 163), внесенный Юнгом в поддержку пламени гностического огня, и считает, что Юнг – «вероятно, самая мощная сила в деле возвращения [гно-

стического наследия] обратно в массовое сознание» (с. 159). Без сомнения, это значительное достижение, и весьма удивительное, если вспомнить, что Юнг сделал это, имея в своем распоряжении лишь небольшое количество гностических текстов – тайник гностических текстов, известный как библиотека Наг-Хаммади, был открыт лишь в 1945 году, спустя десятилетия после того, как Юнг закончил свое изучение гностиков. Начиная с 1912 года, Юнг провел значительное исследование гностических текстов, которые были ему доступны. Это исследование, возможно, достигло своего пика примерно в 1916 году – который оказался решающим – и закончилось примерно в 1926 году. Оригинальное гностическое видение Юнга сформулировано в коротком тексте под названием «Семь проповедей мертвым». Написание «Семи проповедей» было вызвано паранормальным опытом: Юнг почувствовал, что его дом наводнили духи мертвых людей, которые объявили ему, что они вернулись из Иерусалима, не найдя то, что искали.

«Красная книга», которой Юнг первоначально дал латинское название «*Liber Novus*» («Новая книга»), представляет собой опубликованный личный дневник Юнга, в котором он старательно документировал свои чрезвычайно сложные встречи с внутренними психологическими процессами в течение двух с половиной лет, и которые он назвал «своей конфронтацией с бессознательным» (1962). Результатом этих встреч, как они показаны в «Красной книге», стала техника, разработанная Юнгом для работы с бессознательным содержанием, с которым он столкнулся в то время. Эта техника включала предоставление голоса подавленным и неизвестным аспектам личности, которых обычно избегают или игнорируют. Он назвал эту технику «*активным воображением*».

Юнг твердо верил в саморегулирующуюся природу психики, он считал это основным законом психического функционирования. Точно так же, как многие системы в человеческом теле

стремятся поддерживать физиологический гомеостаз, он полагал, что психика пытается поддерживать свое собственное равновесие, в котором любая позиция, принятая сознательно, вызовет соответствующую противоположность в бессознательном. Это интерпретация третьего закона ньютоновской механики на языке психологии. Кроме того, Юнг чувствовал, что одна из вечных загадок жизни заключается в примирении с бессознательным. Если переформулировать эту идею в терминах теории саморегулирующейся психики, то она звучит как примирение оппозиции между сознательной позицией и соответствующей бессознательной контрпозицией. Юнгу было необходимо безотлагательно разобратся с запутанной и сбивающей с толку фантасмагорией бессознательных образов, которые угрожали сокрушить его во время конфронтации с бессознательным, что заставило его со всей серьезностью принять вызов и разработать метод, который стал техникой активного воображения.

Процесс активного воображения включает в себя выражение бессознательного содержания (например, образа из сновидения) в форме внутренней визуализации – в произведении искусства, письме или танце – и затем персонификацию выраженного определенным способом, как если бы оно было автономным существом, отделенным от самого человека, после чего становится возможным вступить в диалектический обмен с этим «другим». Первый шаг в процессе активного воображения состоит в том, чтобы выявить бессознательное противопоставление в форме образа. Можно сделать образ более выразительным, выполнив его в любой технике живописи, превращая его в скульптуру, записывая его, перекладывая на музыку или выражая его суть в танце – либо в любой другой форме активного творчества. Для многих подобное может облегчить и усилить переживание образа. После того, как бессознательный материал получен, следующая задача состоит в том, чтобы зафиксировать полученный образ в сознании

и наблюдать его с неизменным вниманием. Сконцентрированное внимание чаще всего оживляет образ и вызывает его трансформацию. На этом этапе важно позволить образу развиваться естественным путем с минимальным вмешательством со стороны сознательного разума, который имеет пристрастие пытаться направлять процесс и, таким образом, может подвергнуть риску срыва всю инициативу. Изменения в воображаемых образах должны быть старательно отмечены, потому что, согласно Юнгу, они указывают на бессознательные психические процессы, которые состоят из образов сознательных воспоминаний. Таким образом, диалектика противоположностей сознательного и бессознательного происходит подобно тому, как водопад соединяет воду выше и ниже (Юнг, 1955–56). В этот момент между сознательным разумом и образами бессознательного может возникнуть примирительный диалог о взаимном уважении и сотрудничестве. Крайне важным для успеха этого метода является то, что в нем как сознательное, так и неосознанное отношение должно быть должным образом выражено как встреча равного с равным, в которой соблюдаются не только одинаковые права обоих участников (сознательного и бессознательного), но также делается попытка сбалансировать творческое выражение бессознательных образов с необходимостью осознанного понимания.

После того, как позиция бессознательного была выражена и была предпринята согласованная попытка понять ее значение, можно перейти к наиболее важной части процесса, в которой тональность усилий смещается с диалектического взаимодействия на оценку. Здесь необходимо, чтобы каждый сам определял, как он будет относиться к бессознательному содержанию таким образом, который позволит примирить различные сознательные и бессознательные позиции и, следовательно, интегрировать бессознательный материал. Юнг утверждал, что неспособность сделать этот жизненно важный шаг делает практикующего активное

воображение похожим на Парсифаля, который, не зная о своем участии в процессе, не смог задать жизненно важный вопрос. В активном воображении участие, а не просто наблюдение, является существенным, следовательно, «деятельным». Если этот этап оценки и интеграции завершен, он может привести к общепризнанной цели активного воображения, которая заключается в интеграции бессознательного содержания в сознательную позицию, ассимиляции его (то есть бессознательного) компенсирующего содержания, что приводит к целостному пониманию, в котором уважаются обе позиции, сознательная и бессознательная (там же).

Юнг впервые сформулировал процесс активного воображения в своем эссе «Трансцендентная функция», написанном в 1916 году, в том же году, в котором он записал последнюю из своих фантазий, содержащихся в «Красной книге» (хотя пройдет еще несколько лет, пока Юнг перепишет эти фантазии из своих заметок в то, что в конечном итоге будет опубликовано как «Красная книга»). Впоследствии интеграция сознательного отношения с бессознательными противоположностями – либо посредством активного воображения, либо в работе со сновидениями – станет центральной в аналитической психологии до такой степени, что если бы всю психологию Юнга можно было свести к одной фразе, то она звучала бы как «примирение и интеграция противоположностей». Как будет рассмотрено ниже, тема противоположностей в том виде, в котором она появляется в метафизической концепции дуализма, окажется центральной в метафизике гностической традиции.

Юнг написал «Красную книгу» за шестнадцатилетний период – с 1914 по 1930 год. В ней содержатся визионерские переживания Юнга с ноября 1913 года по июнь 1916 года, которые он первоначально записал в серии заметок, прежде чем это переросло в то, что мы знаем сегодня как «Красная книга». Понятно, что для него это была работа огромного значения. Тем не менее,

книга обрывается на полуслове – она так и не была завершена, поскольку его внимание переключилось на проекты, которые как он, по-видимому, чувствовал, имеют еще большее значение. Содержание «Красной книги» представляет собой описание многообразных артефактов из частых прогулок Юнга в царстве бессознательного. Однако именно психологический поход в поисках своей потерянной души в конечном итоге привел его к формированию нового образа Бога, созданного, помимо прочего, в духе гностической психокосмологии. «Красная книга» состоит из трех частей; последняя часть, которая называется «Проверка», содержит «Семь проповедей». Похоже, что «Семь проповедей» – это сублимация сырого опыта активного воображения Юнга, содержащегося в первых двух частях, которая и привела его к уникальному гностическому видению.

«Семь проповедей» можно также рассматривать как результат примирения Юнга с собой после его разрыва с Фрейдом. Около 1913 года близкие личные и профессиональные отношения Юнга с Фрейдом прекратились из-за профессиональных разногласий. Возможно, это было не самое недоброжелательное расставание, но вряд ли его можно назвать дружелюбным, даже несмотря на то, что Юнг испытывал большое уважение к Фрейду – по крайней мере, профессионально – до конца своей жизни. Тем не менее, раскол оказал глубокое негативное влияние на Юнга и способствовал началу серьезных психологических испытаний, которые он стал называть своей конфронтацией с бессознательным. Прожив этот бурный период жизни, Юнг почувствовал себя обязанным выразить свой опыт в чем-то конкретном, и, руководствуясь этим побуждением, завершил «Семь проповедей» в течение трех вечеров. «Семь проповедей» – единственная часть «Красной книги», которую Юнг разрешил опубликовать (лично) при жизни. Первоначальная публикация содержала подзаголовок «Семь проповедей мертвым. За авторством Василида из Александрии, где Вос-

ток встречает Запад» и раскрывала не только его гностическое вдохновение, но и, что не менее важно, его центральную тему встречи противоположностей. К концу своей жизни Юнг писал в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» (1962), что идеи, представленные в «Семи проповедях», были предшественниками всего его основного вклада в глубинную психологию. Как я утверждал в своей первой книге, гностическое видение Юнга было зарождающейся формой аналитической психологии (Дуглас, 2016).

Несмотря на личный и профессиональный интерес к гностицизму, который сохранялся у него на протяжении всей жизни, Юнг отрицал, что его следует считать гностиком. Вместо этого он утверждал, что является врачом, чья психология основана на эмпирическом опыте, а не философом, мистиком или тем, кто склонен к метафизическим спекуляциям. Он отказывался от обозначения своей психологии как гностической, считая это выдумкой критиков. Возможно, самый непреклонный ответ Юнга на такие обвинения (то есть, что он был гностиком) можно найти в письме от 29 июня 1960 года, за год до его смерти (но не опубликованном до 1973 года), в котором он отвечает на критику одного из его главных богословских критиков, еврейского философа Мартина Бубера (1878–1965). В этом письме, адресованном некоему мистеру Смиту, Юнг отрицает, что заявляет о чем-либо трансцендентном как таковом, помимо того, что можно наблюдать в психике в отношении тех вещей, которые можно считать трансцендентными или трансперсональными. Таким образом, он утверждает чисто эмпирический подход, который касается психических явлений, а не чего-либо метафизического. Юнг считает, что если психика утверждает существование Бога, то его профессиональное любопытство – возможно, обязанность – заставляет исследовать факт такого психического высказывания независимо от его истинности – или, иными словами, независимо от истинности утверждения о существовании Бога. Юнг опровергает ут-

верждение Бубера о том, что он (Юнг) является гностиком, отмечая, что то, что Бубер ошибочно интерпретирует как «гностицизм Юнга», на самом деле является психиатрическим наблюдением, предметом, о котором, как чувствует Юнг, Бубер ничего не знает. Далее Юнг предполагает, что Бубер основывает свое неправильное понимание позиции Юнга на «Семи проповедях», значение которых Юнг в письме пытается преуменьшить, описав их как личное произведение в стиле гностиков, которое создавалось как подарок к дню рождения друга почти полвека назад (когда Юнгу был сорок один). Он утверждает, что это не что иное, как поэтический пересказ психологии бессознательного. Тон письма выдает заметную степень раздражения, причем Юнг довольно подробно объясняет, что он исследует феномен и наблюдаемый факт Бога как автономного комплекса в душе, а не как Бога в себе. Он продолжает письмо обвинением богословов, таких как Бубер, которые проявляют настолько заметную степень предубеждения против науки, что это мешает им понять его эмпирическую точку зрения. Юнг завершает письмо, отвергая критику Бубера как исходящую от того, кто некомпетентен в таких вопросах и не понимает их области, то есть глубинной психологии, изучению которой Юнг посвятил всю свою жизнь. Хороший ход, Карл! Возможно, это была позиция публичной, профессиональной персоны Юнга, и это, вероятно, даже убедило некоторых людей и позволило ему какое-то время уклоняться от «гностического» эпитета, но Юнг в этом письме, как мне кажется, слишком много протестует. Личное метафизическое мировоззрение Юнга было несколько иным, и несмотря на его неоднократные опровержения, это мировоззрение было явно гностическим по своей ориентации.

Тем не менее, несмотря на неоспоримое влияние гностицизма на Юнга и его психологию, можно ли считать Юнга гностиком? Рискаю походить на «сидящего на заборе» (метафора, изображающая человека, который не выбрал сторону – прим. перев.),

вместо того, чтобы отвечать простым (или упрощенным) «да» или «нет», я считаю, что, вероятно, более уместно уважать работу человека, посвященную напряженности противоположностей, оставить место для неопределенности, а вопрос без ответа. Однако нет сомнений в том, что на протяжении всей своей жизни Юнг был глубоко увлечен гностицизмом, провел «серьезное» изучение гностических текстов, существовавших в его время, и поддержал метафизику – в частности, в «Семи проповедях», которые, бесспорно, гностичны и которые он приписывает Василиду, одному из величайших учителей-гностиков древности.

* * *

Филип Киндред Дик, родившийся 16 декабря 1928 года в Чикаго, США, был плодовитым писателем-фантастом, лауреатом многих наград. Он является автором сорока четырех опубликованных романов и около 120 коротких рассказов в этом жанре, и наиболее известен по ряду своих работ, адаптированных для кино: «Бегущий по лезвию» (выпущен в 1982 году по мотивам «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»), «Вспомнить все» (1990 г. – и переснятый в 2012 г.) на основе рассказа «Мы вам все припомним», «Особое мнение» (2002 г., на основе одноименного рассказа), «Час расплаты» (2003 г., на основе одноименного рассказа), «Помутнение» (2006 г., на основе одноименного романа) и «Меняющие реальность» (2011 г., на основе адаптации рассказа «Команда корректировки»). Хотя он изначально воспитывался как квакер, ФКД, как и Юнг, был христианином, в случае ФКД – епископалом, который, несмотря на признание гностического характера своей метафизики, никогда не отрекался от своего христианства (Пик, 2013). У ФКД была сестра-близнец, которая умерла вскоре после рождения. Это оказало глубокое влияние на ФКД и позже способствовало формированию его гностического

мировоззрения. ФКД скончался 2 марта 1982 года в возрасте 53 лет после инсульта, произошедшего двумя неделями ранее. Его прах был погребен рядом с прахом его сестры, которая умерла много лет назад; на его надгробной плите уже было начертано «ФКД». На протяжении всей жизни ему было трудно смириться с утратой сестры, но после смерти он, наконец, воссоединился с ней.

* * *

Смоли (2006) утверждает, что, несмотря на тот факт, что ФКД был отчислен из университета и обладал лишь незначительным формальным образованием, в современном мире он лучше, чем кто-либо другой, понимал гностицизм; что на протяжении всей истории мира было не так уж много тех, кто уловил гностическую традицию «так же интуитивно и выразил это [так же] хорошо» (стр. 182). Интересно отметить, что опытом, который способствовал гностическому видению Юнга, сформулированному в «Семи Проповедях», было столкновение с «мертвыми», а опыт, который привел ФКД к формулировке его гностического видения, был опытом встречи с «живым», а именно тем, что позднее было им названо «Обширной Системой Активного Живого Разума» (или, для краткости, *VALIS*).

У Юнга написание «Семи Проповедей» вызвано обрушившимся на его дом нашествием мертвых духов; почти так же ФКД испытал некоторую паранормальную активность в своем доме незадолго до события, которое привело к исследованию, задокументированному в «Экзегезе» (см. ниже), во время которого он сформулировал свое гностическое видение. В своем полуавтобиографическом романе «ВАЛИС» он утверждает, что в феврале 1974 года в его квартире был высокий уровень радиации, что привело к «обжигающему сиянию... словно разумному и живому»

(2001, стр. 117). 20-го числа этого же месяца он повредил зуб мудрости (в другом рассказе он утверждает, что это было два зуба), которые он удалил под наркозом. Позже в тот же день, после того, как он вернулся домой, он испытывал сильную боль и заказал в местной аптеке несколько обезболивающих препаратов с доставкой на дом. Несмотря на кровотечение изо рта и чувство слабости из-за суровых испытаний, он сам открыл дверь курьеру – вместо того, чтобы позволить сделать это жене. Когда он открыл дверь, то оказался лицом к лицу с темноволосой молодой женщиной, на шее у которой блестело золотое ожерелье в форме рыбы – христианского символа, который, как он утверждает, был в моде в Калифорнии во время контркультурного движения 1960-х годов. Пораженный кулоном, ФКД забыл о своей боли и лекарствах. Он спросил женщину о значении символа рыбы, и она ответила, что этим символом пользовались первые христиане. Услышав это, и на мгновение ослепленный тем, что он воспринял как луч розового света, отраженный от кулона, ФКД немедленно пережил воспоминание – точнее, то, о чем он позже расскажет, как о воспоминании – в котором он сам был ранним христианином во времена древнего Рима. Он кратко вспомнил «скрытную, полную тревоги жизнь христианина, на которого охотились римские власти» (там же, стр. 122). Воспоминание исчезло так же быстро, как и появилось, и ФКД снова оказался в Калифорнии в 1974 году, принимая болеутоляющее средство от курьера. Согласно ФКД, с розовым лучом пришли понимание и «острые знания» (2008, стр. 194) – другими словами, гнозис. Кажется, несколько ироничным, что именно удаление зуба мудрости вызвало гностическое прозрение ФКД. Учитывая дату этого видения и последующие видения, которые он испытал в следующем месяце (март 1974 г.), ФКД принял сокращенный термин «2-3-74», чтобы обозначить этот опыт. В другом месте он описал произошедшее как теофанию. Этот свет розового сияния, воспринятый от кулона в виде рыбы, напомина-

ет опыт христианского мистика Якоба Беме (1575–1624), который в 1600 году имел глубокое, мистическое переживание, продолжавшееся не более пятнадцати минут, в течение которых он был пленен лучом солнечного света, отраженным в оловянной посуде (Мэдден, 2008). В своем кратком видении Беме чувствовал, что он непосредственно видит природу реальности, которая включает в себя панентеистическую концепцию Бога. Опыт ФКД имел весьма схожий эффект, и ФКД, как и Юнг после его встречи с мертвыми, потратил остаток своей жизни, пытаясь понять и осмыслить его глубину и значение. У Юнга был переломный момент в 1916 году, у ФКД – в 1974 году. ФКД утверждал, что его видение «2-3-74» было связано со всей его «интеллектуальной жизнью» (2011, стр. 4636). Так же, как работа всей жизни Юнга была проработкой идей, изложенных в «Семи проповедях», работа всей жизни ФКД была «осмыслением и выражением» (там же, стр. 4636) его опыта «2-3-74» в форме научно-фантастических романов.

Гностическое видение ФКД кратко изложено в его книге «*Tractates Cryptica Scriptura*» (в переводе с латинского – «Трактат о скрытом писании»), но более полно сформулировано в «Экзегезе» (там же). «Экзегеза» для ФКД была тем же, чем «Красная книга» была для Юнга. Так же, как «Красная книга» была попыткой Юнга вновь обрести свою потерянную душу, ФКД обрел свою душу благодаря исследованиям, описанным в «Экзегезе» (там же, стр. 4018).

Юнг (1962) утверждал, что его последняя крупная работа, *Mysterium Coniunctionis* (1955–56), была его *magnum opus* («главное произведение», лат.), но с точки зрения любого, обладающего более мистическим или метафизическим интересом к его работам, и, конечно, с точки зрения его гностического видения, его настоящим *magnum opus* была «Красная книга» (2009) и, в частности, «Семь проповедей». Аналогичным образом ФКД утверждал, что его *magnum opus* был «ВАЛИС», в то время как

было бы более уместно считать его *magnit opus* «Экзегезу», поскольку в ней он излагает свое уникальное гностическое мировоззрение и работу своей жизни. Время от времени, работая над «Экзегезой», он чувствует себя вдохновленным; в других случаях это похоже на работу одержимого человека. Сам ФКД описывает это как «деятельность безумца» (2001, стр. 23). С одной стороны, это может выглядеть как работа человека, объятая гордыней, с другой стороны – может казаться текстом, написанном личностью, находящейся во власти психологической инфляции. В юнгианской психологии мана-личность – персонифицированный архетипический образ сверхъестественной силы, вторгающаяся доминанта коллективного бессознательного, архетип могущественного человека. Возможно, ФКД писал от имени своей мана-личности; в «Экзегезе» он часто упоминает «ВАЛИС» как вторжение в свой мир. Тем не менее, независимо от того, что завладело им, «Экзегеза» повсюду пронизана искренней попыткой понять и объяснить опыт «2-3-74» и полноту его значения. Несмотря на отсутствие формального образования, ФКД обладал обширными знаниями в области религии, традиций мудрости и философии. Следовательно, в дополнение к гностическому мировоззрению, «Экзегеза» опирается на множество источников – христианство, даосизм, буддизм, платонизм, неоплатонизм, герметизм и другие. Поэтому можно утверждать, что я проигнорировал другие влияния и был очень избирательным, подчеркивая только те особенности видения ФКД, которые соответствуют гностическим идеям. Действительно, это так, и в качестве защиты я должен отметить, что почти невозможно определить, в чем заключается окончательная позиция ФКД. Написанное ФКД в его «Экзегезе» часто парадоксально, что совершенно уместно, учитывая невыразимую природу загадок, которые он стремится исследовать; однако в других случаях просто противоречиво, когда он перерабатывает различные аспекты своего видения. ФКД

признает, что его «...разум беспокоится и суетится, противоречит сам себе, приходит к выводам, а затем произвольно отбрасывает их; экзегетика не строит, накопительного фактора нет» (2011, стр. 12016). Поэтому любые предварительные выводы, которые он рисует на последних страницах «Экзегезы», кажутся не более «окончательными», чем те, которые предлагаются на начальных страницах. Справедливости ради следует отметить, что ФКД никогда не намеревался публиковать «Экзегезу», в какой-то момент определив ее как «стопку куриных каракулей высотой в три фута, которые никому не нужны» (стр. 8949). Следовательно, у читателя остается достаточно свободы действий, чтобы трактовать этот текст в соответствии с любыми своими желаниями и целями, и все, что пытается сделать настоящая работа – это показать, что большая часть его видения в значительной степени соответствует гностицизму. В одной из записей он утверждает, что то, что он описывает как «герметическую гилозоическую космологию» итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), является контекстом, в котором он может лучше всего понять свой опыт. В результате он объявляет Бруно своим «главным человеком» (стр. 8071). Он утверждает, что работа его жизни состояла в том, чтобы «восстановить гностическое знание в мире в трешовой форме [то есть в своих научно-фантастических романах]» (стр. 8587), и что работа «представляет неизменную космологическую схему в соответствии с запрещенными (гностическими) учениями» (стр. 5891).

Подобно Юнгу, ФКД был невольным гностиком и не хотел признавать свой гностицизм. Он отмечал (1978), что его «обвиняют» в сочувствии гностическим идеям – обвинение, которое он предварительно принимает, прежде чем сухо отметить, что в прошлом он был бы сожжен на костре за свои еретические идеи. В своей «Экзегезе» он утверждает, что любой, кто знаком с гностицизмом, считает его гностиком, и пишет ниже: «Я недоволен

этим» (стр. 4370). В другом месте он утверждает, что объяснение видения «не вписывается в модель» (стр. 6831), в которую он предпочел бы верить, поскольку происходит через откровение. Тем не менее, несмотря на любое беспокойство, которое он, возможно, испытал при мысли о том, что его метафизика является гностической, он неохотно признает, что он слишком далеко в гностицизме, чтобы «отступать» (стр. 5761), и, таким образом, он явно, хотя и неохотно, принимает, что его видение «2-3-74» является гностическим. В «Экзегезе» он заявляет, что выполнил назначенную ему задачу, и его сущность – это гностическое знание (стр. 8248). Таким образом, можно увидеть некоторые поразительные параллели между гностическими работами Юнга и Дика (рис. 2). У обоих был мистический опыт, вызванный тем, что можно назвать только паранормальной активностью. У обоих были гностические видения в результате этих переживаний, которые сформулированы в относительно коротких текстах – «Семи проповедях» и «Cryptica Scriptura». Оба общались с бессознательным, особенно через сны, и утверждали, что их видения были результатом откровения, а не размышления. Оба провели остаток своей жизни, пытаясь понять и осмыслить свои гностические видения. В оставшейся части этой книги мы рассмотрим соответствия между их видениями более подробно.

	Юнг	ФКД
Гностическое видение:	«Семь проповедей мертвым»	«The Tractates Cryptica Scriptura» (Трактаты Загадочного Писания)
Гностические видения усиливаются:	Паранормальная активность: дом, полный духов, «мертвое».	Паранормальная активность: розовый луч от ВАЛИС, «живое».
Основное сочинение:	<i>Mysterium Coniunctionis</i>	ВАЛИС
Основное сочинение:	«Красная книга»	«Экзегеза»
Метод описания:	1. Сны	1. Сны
	2. Активное воображение	2. Гипногогические / гипнопомпические состояния сознания

Разработка гностического видения:	Вся карьера Юнга после «<i>Семи проповедей</i>» была объяснением содержащихся в нем идей. Аналитическая психология основана на «<i>Семи проповедях</i>».	ФКД провел остаток своей жизни, пытаясь понять и осмыслить свой опыт «2-3-74».
--	---	---

Рисунок 2. (Таблица) Краткое изложение гностических работ Юнга и ФКД.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ex nihilo, ex plenitudo

(«Из ничего, из полноты» — лат.)

Все-трансцендентное, полностью лишенное множественности — Единое «Я», независимое от всего остального... Это великое начало, полностью и истинно единое. Вся жизнь принадлежит ему.

Плотин

Как и первая книга «Ветхого завета» христианской Библии, так и самое мистическое из канонических евангелий «Нового завета», «Евангелие от Иоанна», начинают свои космогонии, как это вполне логично может показаться, с зарождения: «В начале Бог создал небо и землю» (Бытие 1:1, версия царя Иакова [KJV, Библия короля Иакова]) и «В начале было Слово, и Слово было от Бога, и Слово было Бог» (Иоанна 1:1-2, KJV). С другой стороны, гностические космогонии обычно начинаются с вечного царства до начала или, точнее, вне времени вообще. Например, «Тайная книга Иоанна» (она же «Апокриф Иоанна») из библиотеки Наг-Хаммади учит, что Единое, невыразимая первичная тайна, является безграничным, непостижимым, неизмеримым, невидимым, неопишущим и безымянным, поскольку до него ничего не существовало, что могло бы его ограничить, понять, измерить и так далее. Оноечно, потому что вне времени. Вместо того чтобы считать его Богом или божеством, или даже пытаться сравнить

с Богом, следует думать, что Единое больше, чем Бог, и ничто не предшествует ему. Точно так же в тексте «Евгноста Блаженная» говорится, что к окончательной божественности следует относиться как к Праотцу, а не как к Отцу. Отец – это начало Вселенной, но Господь – Предок без начала (Мейер, 2007).

Доминиканский богослов и, возможно, величайший мистик христианства Майстер Экхарт (1260–1327) предположил, несмотря на возражения богословов, что мистики всего мира говорили на одном языке. В следующем описании невыразимого Экхарт, безусловно, говорит на том же языке, что и гностические мистики:

Совершенное отражение Единого сияет само по себе в одиноком молчании, там благополучно сдерживается как единое целое и неделимо. Единство (Бога) ни в чем не нуждается, оно не нуждается в речи, но существует в непрерывном молчании. Непостижимый, как пустота, бездонная для созданий и для самой себя, в глубине своей ты возвышен в непостижимой, нетленной реальности; в возвышенности своей сущностной силы ты настолько глубок, что, постигая, поглощаешь свою простую землю, которая скрыта от всего, чем ты не являешься.

Meister Eckhart

Для гностиков Единый не только вне времени, но также вне пространства. Учение Сильвана сообщает нам, что неправильно представлять Бога как находящегося в каком-то месте, так как это локализовало бы Бога, возвышая место над тем, кто существует там, учитывая, что емкость считается выше того, что содержится в ней. Вторя древнегреческому философу Эмпедоклу (ок. 490–430 до н. э.), который присоединился к монизму и сравнил природу Бога с кругом, центр которого повсюду, а окружность – нигде

(рис. 3), Сильван учил, что Единый был одновременно в каждом месте, поскольку сила Единого повсюду, но суть его божественности не может быть ограничена каким-либо одним местом, потому что ничто не может вместить его. Для древних гностиков Единый был трансцендентной, невыразимой загадкой вне времени и пространства.

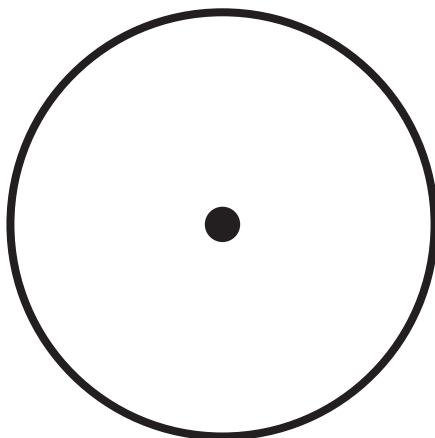
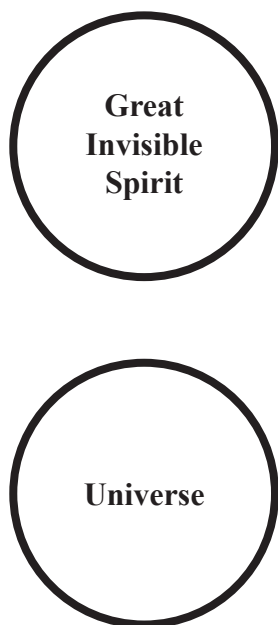

Рисунок 3. Монада. Единый.

* * *

Не существует единого гностического мифа о сотворении мира, хотя миф о сотворении в «Тайной книге Иоанна» де-факто может быть признан стандартом. Точнее, гностические мифы о сотворении разнообразны и чаще всего чрезвычайно запутанны, и кажется, что они имеют целью именно запутывать, а не просвещать. Таким образом, упрощенное описание, представленное здесь, является общим синтезом, взятым из ряда мифов о сотворении мира библиотеки Наг-Хаммади. Надеюсь, что оно подчеркивает характерные черты гностической космогонии, не увязая в деталях.

Гностические мифы о сотворении обычно соответствуют взглядам монизма. Другими словами, они соответствуют метафизической доктрине, которая воспринимает реальность как целое, основанное на едином, неделимом и вечном существе, известном как монада. В гностической космогонии монада считается полностью трансцендентной, невыразимой, безупречной, нетленной и, с точки зрения человеческого разума, непознаваемой. Она совершенно чужда созданному миру (рис. 4). Различные гностические школы относились к этой монаде по-разному. Например, сифиане называли ее «Великим невидимым духом», тогда как другие, такие как последователи гностического учителя Василида, называли ее «Плеромой». Эту высшую божественность лучше воспринимать как небытие, а не как бытие, поскольку она находится за пределами самой себя. Это Бог над Богом, и он больше похож на божество метафизики Майстера Экхарта, чем на Бога. Он пребывает в мире вне времени, в непостижимой глубине молчания.

***Рисунок 4.** Великий невидимый дух и Вселенная. В гностической космологии монада и Великий невидимый дух полностью трансцендентны и находятся вне проявленной Вселенной.*

Центральная идея учения о творении в христианском богословии постулирует, что Бог через волевой акт создал Вселенную *ex nihilo* (из ничего) и, как таковые, создатель и творение разделены. Гностическая космогония, напротив, эманационистская, она видит Вселенную как возникающую в процессе эманации из полноты (например, *plenitudo*, «обилие») Великого невидимого духа. Вся сотворенная реальность, или Вселенная, возникла из этого первичного единства через процесс последовательных эманаций мужчины/женщины, бинарные противоположности каждой пары, взятые вместе, образующие то, что называется сизигией. Из небытия Великого невидимого духа пришла полнота парных противоположностей. Эти эманированные существа, или силы, упоминаются гностиками как эоны, и вместе они составляют полноту Великого невидимого духа таким образом, что это не укладывается в концепцию Юнга о коллективном бессознательном, состоящем из архетипов. Последним из этих эонов является София, святая мудрость, которая в христианских формах гностицизма образует сизигию со своим супругом, Иисусом Христом. Современный гностический священник Джордан Стратфорд (2007) сравнивает этот процесс эманации с камнем, упавшим в неподвижное водное пространство. Гребень и впадина волны, вызванной первым всплеском камня, представляли изначальные и вечные бинарные противоположности, пустоту/наполненность, потенциал/существующую данность, мужчину/женщину, инь/ян и так далее. По мере того, как каждая последующая пара становилась все более удаленной от первоначального совершенства, они становились все более материальными, переходя из нематериального царства света в материальное царство, возникшее в результате ошибки, коренящейся в невежестве, которая привела к нарушению гармонии эонов в Плероме. Творение в результате ошибки – главная тема гностической космогонии. Например, в Евангелии от Филиппа подчеркивается, что мир возник по ошиб-

ке. Эта ошибка обычно приписывается Софии, которая, чувствуя себя отчужденной от первичного единства, стремилась подражать Великому невидимому духу. В порыве страсти она пыталась творить. Но поскольку она сделала это без одобрения Духа и без согласия своего супруга, результатом стало появление несовершенного и искаженного существа по имени *Иалдабаоф*, известного как *Демиург* (или «Создатель»), чье имя происходит от греческого слова, которое первоначально означало «художник» или «ремесленник». Демиург описывается как невежественная тьма, и в символике он обычно изображается с головой льва, телом змеи или дракона и глазами, в которых вспыхивают молнии (рис. 5).

Впоследствии Демиург, в сговоре со своими подчиненными, архонтами, создает невежественным действием материальный мир, а затем первого человека. Во-первых, Демиург попытался создать мир по «нерушимому образцу» первых эонов Плеомы. Тем не менее, он слепой (невежественный) Бог и поэтому не может видеть неразрушимое царство, он может лишь смутно воспринимать его благодаря силе, которую он получил от своей матери. Следовательно, созданный мир – это поддельный мир, возникший по воле невежественного духа Демиурга и его архонтов. Закончив, Демиург осматривает свое творение и заявляет своим архонтам, что он Бог. Подобно Богу «Ветхого завета», он также ревнивый Бог, утверждающий, что нет других Богов, кроме него. Конечно, заявляя об этом, как указывает «Тайная книга Иоанна», он тем самым признает, что в действительности должен быть и другой Бог, в противном случае к кому бы он мог ревновать?

Во-вторых, архонты под руководством Демиурга создали первого человека. Тем не менее, человек, которого они создали, был только психическим и материальным телом, и ему не хватало духовного света, чтобы ожить. Увидев работу Демиурга и его архонтов, София раскаялась в том, что спровоцировала ее, и мо-

лилась о прощении. Отвечая на ее молитву, Великий невидимый дух перехитрил невежественного Демиурга и вдохнул дух, полученный от Софии, в первого человека. В результате свет покинул Демиурга и вошел в первого человека, оживив его. Понимая, что у первого человека был свет, которого им не хватало, архонты разозлились и низвергли его в самые нижние слои материального мира, где, согласно гностикам, он остается пленником.

Рисунок 5. *Божество с лицом льва, которое, как полагают, представляет Демиурга.*

Гностические школы древности процветали в Александрии в Египте, и, без сомнения, египетская религия послужила если и не прямым источником, то, по крайней мере, источником вдохновения гностических мифов о сотворении. Самый древний миф

египтян о творении – это миф об Атуме (Эллис, 2012). Вначале ничего не было, и из небытия возник Атум, потому что становление – это его природа. Как Великий невидимый дух гностиков, Атум считается абсолютной реальностью и описывается как безупречный, нетленный и так далее. Он является Богом начала и конца, и, как таковой, пребывает вне времени. Все исходит из Атума, а по прошествии времени все вернется в Атум (там же). Присутствует явное сходство с фразой «Я Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (Книга Откровения 1: 8, KJV). Атум начинает творение с рождения близнецов. Из его чиха появляется бог сухого ветра Шу, а из его плевка – Тефнут, богиня влаги (там же), и все последующие творения исходят из этой первой пары (звучит так, будто мы всего лишь побочный продукт слизи и слюны Бога). Затем появляются богиня Нут, Вода Небес, и ее муж-брат Геб, бог Земли. Таким же образом у гностиков творение происходит как эманация мужских / женских сизигий из первичного небытия.

Ключевым принципом гностической космогонии является не столько идея сотворения, сколько ошибочность идеи, лежащей в основе процесса сотворения материального мира, повлекшая глубокое нарушение божественной гармонии. Когда София решила творить самостоятельно без согласия своего партнера, это привело к нарушению баланса первичной сизигии, что, в свою очередь, привело к рождению Демиурга, архонтов и сотворенного мира. Если бы изначальная сизигия оставалась в совершенном равновесии, единство сохранялось бы, и проявленная Вселенная не могла бы возникнуть. Возникновение мира требовало нарушения гармоничного равновесия, и, как следствие, беспорядок является не просто несчастным побочным продуктом творения, но, согласно гностической традиции, одним из фундаментальных принципов, на которых он основан.

*И что, Сократ, является пищей души?
Конечно, я сказал, знание [гнозис] – это пища души.*

Платон

Гнозис (происходит от греческого слова *gnosis*, «знание») означает прямое непосредственное переживание божественного в противоположность знанию в смысле информации – обычно чьей-то – о божественном. Это не уникально для гностической традиции. В той или иной форме гнозис является непременным условием всех форм мистицизма; другие традиции просто называют его иначе. Однако, как следует из названия, это основная часть гностического мировоззрения, и его достижение считается необходимым для спасения и конечной цели гностических систем – возвращения в Плерому. Испытать гнозис – значит иметь мистический опыт духовного роста, а достижение или приобретение гнозиса означает завершение духовного развития, состояние, которое является прямым аналогом просветления в восточных системах. Другими словами, гнозис накапливается постепенно благодаря мистическому опыту, и о достижении полного гнозиса можно говорить только после достижения полного духовного осознания. Поскольку гнозис считается необходимым для спасения человечества, в «Авторитетном дискурсе» (*«Authoritative Discourse»*; в переводе Джорджа В. МакРея этот текст называется *«Authoritative Teaching»* – «Авторитетное учение») библиотеки Наг-Хаммади, например, утверждается, что худшим грехом является невежество. Таким образом, гностическая традиция разделяет мнение буддизма о том, что просветляющая мудрость спа-

сительна, а невежество, которое считается одним из трех «ядов» в буддизме, противоположно спасению. Точно так же Юнг полагал, что худшим грехом человечества была неосознанность, и что знание истины о человеческом положении необходимо для психодуховного роста и исцеления. ФКД также осознавал необходимость гнозиса. В частности, он утверждал, что гнозис, который искали гностики, является единственным путем к нашему спасению (2001, стр. 265).

* * *

Как и большинство гностических мифов о сотворении мира, гностическое видение Юнга, сформулированное в «Семи проповедях», начинается с небытия. Как ни парадоксально, это ничто также является полнотой. Ничто одновременно и пусто, и полно. Как и некоторые древние гностики до него, Юнг называл это ничто/полноту «Плеромой». Известно, что датский нобелевский лауреат по квантовой физике Нильс Бор (1885–1962) заявил, что противоположность факту – это ложь, тогда как противоположностью одной глубокой истине может быть другая глубокая истина. Поэтому в мире повседневной реальности может показаться, что парадокс не имеет никакого смысла, а согласно гностикам – это фундаментальный принцип в невыразимом царстве парадокса – и, возможно, согласно Бору, если между невыразимым и квантовым царствами можно провести какую-то параллель. Таким образом, в соответствии с парадоксальной природой невыразимого, Плерома является одновременно и полнотой, и пустотой (стоит отметить, что двойственность для Бора была важнейшим фундаментальным законом реальности, и что когда его посвятили в рыцари, он разработал свой собственный герб, включающий даосский символ инь-ян (Розенблум и Каттнер, 2012); как будет обсуждаться ниже, двойственность, или тема противоположностей,

является сутью гностической метафизики).

Пустота/полнота гностической космологии может быть описана как смягченное апофатическое богословие. Апофатическая теология – это теологическая позиция, которая считает, что абсолютная божественность невыразима до такой степени, что мы можем говорить о ней только через отрицание. Она противоположна катафатическому богословию, которое пытается определить божественное с точки зрения того, чем оно является – подход, который сторонники апофатической перспективы отвергают, поскольку они видят его как попытку ограничить безграничное. Как отмечалось выше, «Тайная книга Иоанна» ссылается на Великий невидимый дух, но не определяет его, описывая его как «неподражаемый», «непостижимый», «неизмеримый» и так далее. Плерома Юнга апофатична в своем небытии, но поскольку она включает в себя всю полноту, апофатизм смягчается. У нее нет качеств, но она содержит все качества в состоянии потенциала. Гностический взгляд Юнга на Плерому обнаруживается в его «Психологическом комментарии к Тибетской книге великого освобождения» (1954). Комментируя восточную концепцию Единого Разума, которая является прямым коррелятом как Плеромы, так и коллективного бессознательного, Юнг заявляет, что у него нет характеристик. Нельзя сказать, что он создан или не создан, поскольку эти обозначения будут характеристиками. В самом деле, нельзя делать никаких утверждений об этом, поскольку он «нечеток, лишен характеристик и, кроме того, «непознаваем» (стр. 133).

Однако в концепции Юнга о Плероме и концепции Великого невидимого духа гностиков есть один общий фундаментальный пункт. Для гностиков абсолютная божественность совершенно отчуждена и полностью трансцендентна Богу над Богом; Плерома Юнга одновременно и полностью трансцендентна, как это ни парадоксально, и полностью имманентна. Принимая во

внимание то, что Юнг наследует гностическую точку зрения, из которой следует, что созданный мир отчужден от своего источника в невыразимом царстве, его концепция Плеромы остается тесно связанной с созданным миром. Подобно тому, как свет проникает в атмосферу, а электромагнитное излучение проникает в твердые объекты, Плерома Юнга проникает в сотворенный мир. Для гностиков Великий невидимый дух в пространственно-временном смысле далек от творения. Для Юнга это пространственно-временное разделение было разрушено, и Плерома наполнила мироздание. Это согласуется с, возможно, не совсем гностическим «Евангелием от Фомы», которое учит, что расколов кусок дерева или подняв камень, внутри можно найти божественное. Таким образом, в отличие от монистической космологии древних гностиков, гностическое видение Юнга *панентеистично*. Панентеизм (от греческого *pan* – «все», *en* – «в» и *theos* – «Бог» (то есть «все в Боге»)), в отличие от пантеизма, является метафизической доктриной, которая считает Бога больше Вселенной – то есть Вселенная существует внутри Бога. Бог одновременно трансцендентен и имманентен. Пантеизм (в переводе с греческого – «все есть Бог»), с другой стороны, выражает идею связи Бога со Вселенной, другими словами, Вселенная – выражение Бога, а Бог тождественен проявленной Вселенной (рис. 6).

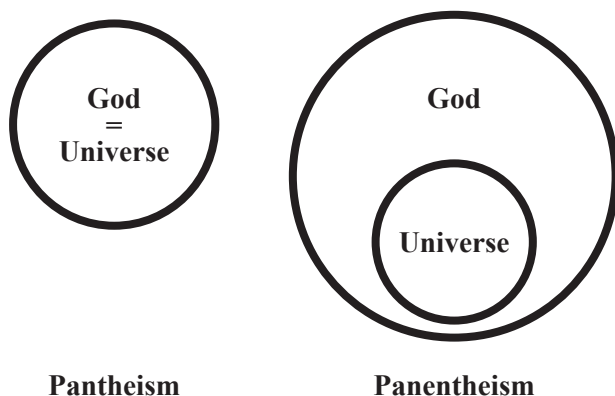

Рисунок 6.
Пантеизм
и панентеизм

Тем не менее, несмотря на полное отсутствие идей пантеизма в гностических писаниях, намек на них есть в «Евангелии от Филиппа», который предполагает переосмыслить обычные характеристики божественного царства как «высшего» и сотворенного царства как «низшего», и воспринимать их как «внутреннее» и «внешнее». Опираясь на следующий отрывок из канонического Евангелия от Матфея: «Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему в тайне» (Матфея 6: 6, KJV), Филипп утверждает, что внутреннее является полной Плеромы, а внешнее – это темнота испорченного мира. Модель Плеромы, предложенная Юнгом, лучше соответствовала бы внутренней/внешней модели (за вычетом искажения), чем модель высокого/низкого, которая характеризует большую часть гностической мысли. Видение Юнга также согласуется с панентеизмом «Герметического корпуса», который учит, что неправильно думать, что материя может существовать отдельно от Бога. Если бы это было так, это было бы не что иное, как запутанная масса. Материя изначально упорядочена, и этот порядок от Бога. Энергии, которые действуют внутри материи, являются частями Бога, который есть во всем. В герметическом представлении нет ничего, что не является Богом.

И для Юнга, и для герметиков, и для гностиков Плерома находится во взаимопроникающих отношениях с материальным миром, и различие между нематериальным и материальным – это качество или состояние, а не пространственно-временное разделение.

Гностическая космогония Юнга с точки зрения ее развития отличается от космогонии древних гностиков. Расширяя концепцию эманации бинарных пар противоположностей, изложение Юнга подчеркивает решающее значение дифференциации противоположностей в акте творения. Для Юнга дифференциация – это творение, и без дифференциации противоположностей не

может быть творения. Без дифференциации сизигии в Плероме остаются инертными и существуют – насколько их можно считать существующими в этом состоянии – только как потенциалы. В процессе дифференциации эти первоначальные объединенные «пары» – мы не можем назвать их парами в их унифицированном, недифференцированном состоянии – разделяются на диадку взаимодействующих, но полярных противоположностей, которые необходимы для воссоздания целого. Ничто не может существовать без одновременного существования его дополнительной противоположности. Нет жара без холода, нет света без темноты. В Плероме до дифференциации противоположности взаимно уничтожают друг друга и неэффективны, не «реальные». Только после дифференциации они становятся тем, что мы можем считать «реальным». Следовательно, фундаментальной характеристикой человеческой природы – человека как сотворенного существа – в гностическом мышлении Юнга является дифференциация противоположностей. Эта дифференциация противоположностей станет решающим фактором и отличительной чертой психологии Юнга.

В гностическом мифе Юнга о творении также отсутствует представление о том, что мир возник по ошибке. Действительно, по мнению Юнга, резкий контраст процесса эманации/дифференциации пар противоположностей следует рассматривать не как ошибку, но гораздо более позитивно – как происхождение самой жизни (МакГвайер и Шамдасани, 2012).

* * *

В духе гностических мифов античности, гностическая космогония ФКД также начинается с монады, которую он определяет в «Экзегезе» довольно просто – как «чувство в космосе, который понимает» (2011, стр. 7129). Из этой монады возникают

противоположности. В «Трактате скрытых писаний» (*Tractates Cryptica Scriptura*) он пишет: «Единый разум существует, но во взаимопроникновении двух соперничающих принципов» (2001, стр. 257). Соответствуя парадоксальной природе Плеромы Юнга, в конечной реальности ФКД Единый Разум и существует, и не существует. ФКД описывает космогонию двумя первопричинами, которые возникли из-за желания Единого отличить «то, что было, от того, чего не было» (стр. 266). Подобно гностическому мифу Юнга, в гнозисе ФКД дифференциация лежит в самом сердце Приводящего-к-возникновению. Это стремление к дифференциации привело к формированию того, что он называет «диплоидным мешком», содержащим пару андрогинных близнецов, вращающихся в противоположных направлениях, символизирующих инь и ян даосизма, при этом Единый представляет Дао. Диплоид (от греческого *diploos*, «двойной») – это биологический термин, который относится к клетке, содержащей два набора хромосом: один набор от матери, а другой – от отца. Таким образом, использование ФКД термина «диплоид» подчеркивает первичную сизигию, фундаментальную для гностической космогонии. Даосизм оказал глубокое влияние на мировоззрение ФКД (как и на Юнга), и это влияние здесь очевидно. Сильные параллели между космогонией ФКД и учением Дао дэ Цзин очевидны. Например:

Было нечто неопределенное и завершенное, появившееся до Неба и Земли. Как то, что пребывало и было бесформенно, пребывающее в одиночестве и не претерпевающее никаких изменений, проникая во все... Его можно назвать Матерью всего сущего.

Китайский философ Лао-Цзы

Как и в классических гностических мифах, но в отличие от

взглядов Юнга, космогония у ФКД также происходит в результате ошибки. Первоначальный план Единого заключался в том, чтобы андрогинные близнецы родились из диплоидного мешка одновременно. Однако в акте, напоминающем желание самостоятельного творения Софии, о чем говорится в «Тайной книге Иоанна», один близнец, мотивированный стремлением к существованию, вышел из мешка против часовой стрелки, став преждевременным и порочным, в некотором роде подобным Демиургу, ребенку-бастарду Софии. ФКД называет этого недоношенного близнеца «темным близнецом инь». Другой, ян-близнец, которого ФКД описывает как более мудрого, появился в срок и не имел дефектов. Результатом стало то, что каждый близнец был «унитарным энтелехом, единым живым организмом» (2001, стр. 266), состоящим из психики и сомы, но продолжающим вращаться в противоположном по отношению к другому направлении. Однако преждевременное рождение близнеца инь породило состояние упадка, что выражается в появлении «злоумышленников», таких как Демиург и архонты, в свою очередь приведших к возникновению «энтропии, незаслуженных страданий, хаоса и смерти» (стр. 266) и к тому, что ФКД будет называть «Тюрьмой из Черного Железа» (см. ниже). В другом месте, в соответствии с гностическим представлением о том, что сотворенный мир возник в результате разрыва божественной гармонии эонических сизигий, ФКД (2008) утверждает, что сотворенный мир возник в результате разрыва Божества (в оригинале употребляется слово *Godhead* («Бог» + «голова»); подобно слову *maidenhead* («девственный» + «голова»), оно может служить не только обозначением бога, но и указывать на место, где он проявляется – прим. перев.). Из-за «изначального раскола» (стр. 158) часть Божества осталась в трансцендентном царстве, а другая часть стала «испорченной» и пала, чтобы стать сотворенным миром. Следовательно, «Бог [потерял] связь с частью себя» (стр. 158, выделение в оригинале).

После эманации изначальных близнецов следующим шагом было то, что двое стали многими благодаря процессу диалектического взаимодействия, в котором «из них, как из гипerversенных, спроецировался интерфейс, подобный голограмме, который представляет собой многообразную Вселенную, где обитают существа» (Дик, 2001, стр. 266). Созданная Вселенная должна поддерживаться балансом первоначальных близнецов. Таким образом, для ФКД, как и для Юнга, Вселенная существует благодаря взаимодействию противоположностей. Космогония ФКД, несомненно, является уникальной вариацией, но в своей основе она, несомненно, является гностической. Из нее следуют два царства (рис. 7): верхнее, или ян, которое он описывает как разумное и волевое, и нижнее, или инь, которое описано как «механическое, движимое слепой, рациональной причиной, обусловленное, но без интеллекта, поскольку оно исходит из мертвого источника» (там же, стр. 269). Как и древние гностики, которые полагали, что мы оказались в ловушке в чужом мире и отчуждены от Плеромы, ФКД верил, что мы оказались в ловушке в нижнем царстве.

Ключевой особенностью гностической космологии ФКД является ее акосмический панентеизм. ФКД определяет панентеизм как метафизическую доктрину, утверждающую, что Бог одновременно и трансцендентен, и имманентен, другими словами, что он как за пределами всего, так и внутри всего (2011, стр. 18161). Подобно юнговскому, гностическое видение ФКД перекликается с «Евангелием от Фомы», в котором божественное можно найти, если расколоть кусок дерева или поднять камень. Пантеизм ФКД привел его к утверждению, что Бог близок, «как мусор в канаве, то есть Бог – это мусор в канаве, если говорить точнее» (1977). Эта идея заставляет вспомнить о рождении Христа в хлеву среди животных. Также она напоминает алхимическую концепцию превращения свинца в золото или, более прозаично выражаясь, «дерьмо, которое случается» в повседневной жизни – сырье для

преобразования индивидуальной души. Акосмизм, с другой стороны, является метафизической или философской концепцией, которая отрицает любую существующую реальность для Вселенной; только абсолют имеет какую-то реальность, а Вселенная – всего лишь иллюзия. Акосмический панентеизм создает большую, чем в панентеизме, конечную божественную реальность, охватывающую нереальную, или иллюзорную, Вселенную (рисунок 8).

*Рисунок 7. Верхнее и нижнее царство
в гностическом видении ФКД.*

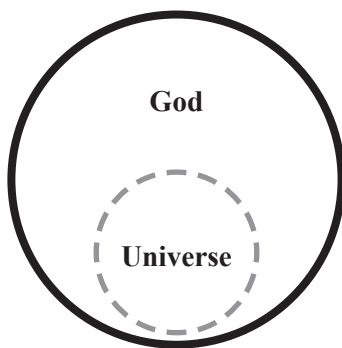

Рисунок 8. Акосмический панентеизм.

Для ФКД Бог больше мира или Вселенной, и только Бог полностью реален. Тем не менее, Бог окутан иллюзорной «внешней завесой» (2011, стр. 4910), которую ФКД уподобляет сфере, где каждый аспект испускает цветной свет, немного похожий на огни дискотеки. Согласно ФКД, акосмизму присуще гностическое знание (стр. 9324).

* * *

Гностические космогонии Юнга и ФКД имеют ряд существенных соответствий; однако они различаются в деталях, и, возможно, самым фундаментальным отличием в их представлениях является то, что для Юнга Вселенная реальна – по крайней мере, он не ставит под сомнение ее фундаментальное существование, тогда как для ФКД она не реальна. Эта тема будет рассмотрена более подробно в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тьма и свет

Если инь и ян не существуют, Единое (Великое Первоначало) не может быть раскрыто. Если Единое не может быть раскрыто, назначение двух сил прекращается. Реальность и ирреальность, движение и покой, интеграция и дезинтеграция, а также ясное и мутное – это разные субстанции. Однако в конечном итоге они едины.

Китайский философ Чанг Цай, 1020–1077

Гностики неизменно категоризируются – часто уничижительно – как дуалистические, и это обозначение, за вычетом неodobрения, в целом верно. Однако гностическая традиция не более дуалистична, чем иудео-христианская традиция, которая гласит, что:

В начале Бог создал небо и землю.

И земля была без формы и пустынна;
и была Тьма над лицом бездны.

И Дух Божий сошел на водную гладь.

И сказал Бог: Да будет свет; и был свет.

И увидел Бог, что свет хорош,
и Бог отделил свет от тьмы.

И назвал Бог свет Днем, а тьму назвал Ночью.

И был вечер, и было утро: день первый».

Бытие 1:1-5, KJV

Таким образом, дуализм появляется в самой первой строке Ветхого Завета христианской Библии; Небо и Земля, за которыми сразу следуют свет и тьма, день и ночь.

Возможно, будут оправданными некоторые пояснения относительно использования термина «дуальность». Термины «дуальность» и «дуализм» происходят от латинского слова *«duo»*, означающего «два», и в самом простом смысле дуализм относится к состоянию, в котором нечто разделено на две равные части, образуя, таким образом, в строгом смысле бинарные оппозиции, то есть комплементарные пары с противоположной природой, где каждая пара может быть представлена только с точки зрения ее противоположности, например, горячее и холодное, светлое и темное и так далее. Кроме того, существуют разные типы дуализма. В области философии, известной как «философия разума», главной задачей которой является исследование нефизического разума и его связи с физическим телом и остальным физическим миром, дуализм относится к дихотомии разум-тело. Ведущим сторонником этой философской позиции был французский философ Рене Декарт (1596–1650), который провозгласил: *«Cogito ergo sum»* («Я мыслю, следовательно, существую»). С другой стороны, в богословии дуализм обычно относится к представлению о том, что Бог и творение фундаментально разделены, тогда как в метафизике дуализм обычно наблюдается онтологически, и метафизика считает, что Вселенная основана на принципе полярных противоположностей, таких как свет и тьма, добро и зло, или, в даосской традиции, инь и ян.

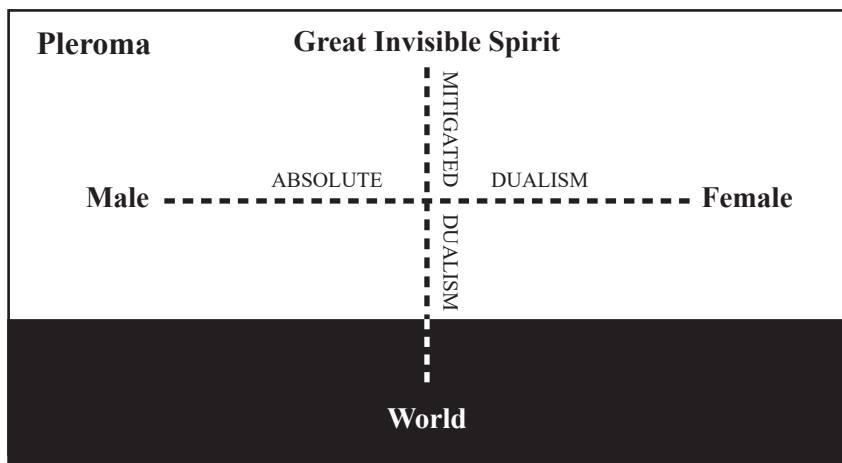
Онтологический дуализм далее делится на абсолютный (или

радикальный) дуализм и смягченный дуализм. В абсолютном дуализме есть два противоположных принципа, каждому из которых присвоен равный статус. Манихейство – часто связываемое с гностицизмом, но отличающееся от него – и зороастризм являются примерами абсолютной дуалистической философии (хотя в случае зороастризма расклад, похоже, сложен в пользу принципа света, поскольку обычно считается, что в конечном итоге он победит принцип тьмы – возможно, в этой связи не совсем абсолютный). С другой стороны, в смягченном дуализме существует дисбаланс между относительной силой и важностью двух принципов, причем один из них рассматривается как превосходящий.

Гностическая космология – это, прежде всего, форма смягченного дуализма, хотя также можно считать, что она содержит форму абсолютного дуализма (рис. 9). Во-первых, в том, что можно считать вертикальной осью, существует смягченный дуализм, поскольку Великий невидимый дух считается превосходящим и отделенным от испорченного мира тьмы, который заключает в тюрьму человечество. Во-вторых, в том, что можно считать соответствующей горизонтальной осью, существует абсолютный дуализм в терминах андрогинных, мужских/женских эонических пар, или сизигий, которые произошли от Плеромы и существуют в бинарной оппозиции друг к другу (например, добро и зло, свет и тьма и так далее).

Дуализм не только фундаментален для гностической доктрины, но и лежит в основе ее метафизики. Бесчисленные пары противоположностей в гностических текстах включают в себя: Плерому/мир, пустоту/полноту, бытие/небытие, мать/отца, свет/тьму, бога/дьявола, добро/зло, высокое/низкое, мужчину/женщину, жизнь/смерть, здоровье/болезнь, бодрствование/сон, опьянение/трезвость, свободу/рабство, движение/покой, видимое/невидимое, известное/непознаваемое и так далее. Как уже отмечалось, в гностической космогонии творение возникает в процессе

эманации парных противоположностей. Каждая последующая эманация приводит к паре противоположностей, которые не только еще более отдалены от Плеромы, чем предыдущая пара, но и более дифференцированы. На уровне сотворенного мира противоположности полностью дифференцированы, так что их основное единство часто не признается. Противоположности не просто часть жизни в этом мире, они фундаментальны для него. Нет противоположностей – нет мира.

*Рисунок 9. Смягчённый и абсолютный дуализм
в гностической космологии.*

* * *

Как отмечалось выше, дуализм находится в самом сердце гностической космогонии «двух источников» ФКД, в которой сотворение является результатом диалектического взаимодействия противоположных полюсов первичной сизигии. Он утверждает, что «в этот момент идет великая война между Богом и [дьяво-

лом]. На карту поставлена судьба Вселенной, ее текущее физическое существование» (2008, стр. 243). Однако несмотря на центральное место в его космогонии, природа противоположностей, свойственная его дуализму, и взаимодействие этих противоположностей не получают такого же всеобъемлющего и глубокого подхода, как в работе Юнга. Тема противоположностей, наряду с сопутствующей необходимостью их примирения и интеграции, является краеугольным камнем мировоззрения Юнга и, как таковая, является основным принципом аналитической психологии. Тема противоположностей – ключевой лейтмотив, пронизывающий всю совокупность юнгианских работ – изложена, главным образом, в его последней крупной работе, которую он назвал своим основным произведением, *Mysterium Coniunctionis* (1955–56).

Психология противоположностей Юнга основана на его метафизической предшественнице, сформулированной как гностическое видение Юнга – «Семь проповедей». Несколько парадоксально, что противоположности на самом деле не существуют в пустоте Плеромы, поскольку они уничтожают друг друга. Тем не менее, в той степени, в которой их можно считать существующими вообще, в полноте Плеромы противоположности существуют в гармоничном состоянии равновесия. Процесс дифференциации разделяет противоположности так, чтобы возникающее в результате энергетическое напряжение между полюсами противоположностей позволяло появиться творению. Следовательно, в гностическом видении Юнга фактически существуют три состояния дифференциации: а) полностью недифференцированные, устраненные противоположности в пустоте Плеромы; б) несколько дифференцированные противоположности в полноте Плеромы, которые становятся все более дифференцированными, чем дальше они исходят от источника Плеромы; и в) полностью дифференцированные противоположности сотворенного мира. По мнению Юнга, существование основано на принципе

противоположностей; ничто не может существовать без противоположного ему, без баланса (МакГвайр и Шандамасани, 2012). Без дифференциации творение является только неотъемлемым потенциалом Плеромы, а противоположности остаются в состоянии равновесия, которое Юнг назвал абсолютным совпадением противоположностей (1951). Это ключ к пониманию метафизики древних гностиков, Юнга и, в меньшей степени, ФКД. Созданный мир основан на разграничении противоположностей. Это суть гностической космогонии.

Решающее значение для психологии противоположностей Юнга имеет то, что недифференцированное состояние противоположностей является эквивалентом бессознательного. Без дифференциации противоположностей не может быть сознания. Под влиянием Экхарта Юнг утверждает, что Бог отличает себя от бессознательного, недифференцированного Божества, и возникающая в результате диалектика между Богом и Божеством ведет к сознанию (там же). Точно так же, как дифференциация противоположностей ведет к сотворению в гностической метафизике Юнга, в его психологии дифференциация также ведет к возникновению сознания. Гностическая метафизика Юнга и его психология могут быть обобщены следующим образом: не дифференцированные противоположности – это бессознательное; дифференциация противоположностей – это сознание. Если противоположности не дифференцированы, тогда творение рискует раствориться в Плероме. Если противоположности психологически не дифференцированы, человек рискует поддаться тому, что Юнг считал грехом бессознательного. Принимая во внимание, что гностик стремился к распаду противоположностей и, следовательно, к возвращению в Плерому, психология Юнга направлена на противоположное: примирение и интеграцию полностью дифференцированных противоположностей, более сознательную целостность. Юнг также указывал на опасность предпочтения од-

ного полюса пары противоположностей другому, и этот момент является важным для понимания его гностического видения.

В то время как в гностической космогонии зачатие без супруга (то есть дисбаланс мужской/женской сизигий) привело к разрыву космической целостности, что стало причиной возникновения нашего падшего мира, дисбаланс противоположностей на психологическом уровне приводит к расколу психики и утрате психологической целостности. Два полюса пары противоположностей могут показаться феноменально различными, но их сущность принципиально одна. Даже в творчестве, где противоположности разрываются на части, то есть полностью дифференцируются, они сохраняют свое основное единство. Феноменально природа противоположностей в творении *дифференцирована, но неразрывно объединена*. Нет горячего без холодного, нет света без тьмы и так далее. В конечном счете, противоположности никогда не могут быть по-настоящему разделены: они возникают из одного корня. Отмечая, что существует столько же ночей, сколько и дней, и что в течение года они распределены равномерно, Юнг считал, что счастливой жизни необходима уравновешенность мерой тьмы. Действительно, и счастье, и несчастье, как и все другие полярные противоположности, имеют смысл только по отношению друг к другу. Природа сущности противоположностей всегда вместе, а не или/или. Как сказал китайский философ Лао Цзы (605 г. до н.э. – 531 г. до н.э.): «Без тьмы не может быть света». Там, где оптимист видит стакан наполовину полным, а пессимист видит его наполовину пустым, Юнг и гностики (и даосы) понимают, что он не может быть одним без другого. У нас не может быть одного полюса пары противоположностей без другого, и в той степени, в которой мы стремимся исключительно к одному полюсу, мы неизбежно попадаем под чары его противоположности. Человек, который предстает обладающим одним полюсом без уравнивающего близнеца, психологически бо-

лен из-за дисбаланса (Юнг, 2009). Отклоненный полюс вытесняется в бессознательное, где он образует часть тени, и оттуда он в значительной степени разыгрывается автономно, что приводит к эффектам, которые могут варьироваться от умеренно невротического до катастрофического. Полнота Плеромы, охватывающая все, что есть, содержит в себе оба полюса: свет и тьму, добро и зло. Точно так же психологическая целостность требует принятия обоих полюсов. Существенная необходимость примирять противоположности и поддерживать их в состоянии равновесия стала фундаментальным принципом психологии Юнга. Здесь можно найти соответствие с учением буддизма. Наряду с невежеством, привязанность и отвращение образуют три яда в буддизме. Как и его буддийские коллеги, Юнг призывает нас идти по срединному пути между противоположностями, не будучи ни слишком привязанными, ни отвращенными от полюсов. Несбалансированная сознательная позиция вызовет компенсаторную бессознательную контрпозицию из-за саморегулирующейся природы психики. Если внутреннее психологическое состояние не становится сознательным, иными словами, если сознательные и бессознательные контр-полюса не примирены, то неразрешенный конфликт неизбежно встретится во внешнем мире в том, что обычно считается судьбой (Юнг 1951).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Архонты и архетипы

Ибо мы боремся не против плоти и крови, но против княжеств, против сил, против правителей тьмы этого мира, против духовного зла на высших постах.

Послание к Ефесеянам, 6:12, KJV

В резком контрасте с иудейско-христианской традицией, согласно которой Бог создал этот мир, гностики утверждали, что этот мир был создан не трансцендентной, окончательной божественностью, а внебрачным сыном Софии, Демиургом, а также его приспешниками, архонтами. *Archon* – это английская форма греческого слова *arkhon*, которое означает «лорд» или «правитель». В гностической традиции архонты были созданы Демиургом, чтобы управлять материальным миром и его обитателями. В Библиотеке Наг-Хаммади единственным текстом, посвященным исключительно теме архонтов, является «Реальность правителей» («Природа правителей» или «Ипостась архонтов», в английском варианте «Reality of the Rulers» («The Nature of the Rulers» или «The Hypostasis of the Archons»)) https://bibliotecapleyades.net/nag_hammadi/hypostas.htm).

Согласно исследователю сефитского гностицизма Джону Д. Тернеру (2007), явный подтекст этого названия заключается в том, что «правители» гностической космологии, Демиург и его

архонты, фактически считаются реальными. Гностики считали существование архонтов реальным так же, как и Юнг, который утверждал два тысячелетия спустя, что зло реально. В «Тайной книге Иоанна» София, последний и самый низший из эонов, исходящих от Плеромы, хочет зачать мыслью от самой себя. Однако она делает это без одобрения Духа и без согласия ее пары. Получившийся бастард был несовершенен и деформирован. Он описан как невежественная тьма с телом змеи и головой льва (рис. 5). Стыдясь за то, что она сделала, София отвергает свое потомство и выбрасывает его из Плеромы туда, где никто из других эонов не видит его. Она окутывает его облаком, чтобы его мог видеть только Святой Дух, Мать Живых. Она называет своего ребенка Иалдабаоф. В свою очередь Иалдабаоф, Демиург, объединился с недомыслием (*aranoia*) внутри него и создал архонтов. Не имея света от Духа свыше, Иалдабаоф и архонты создали первого человека в соответствии с божественными принципами, но подобными себе, и желали, чтобы человек дал им свет. Архонты вылепили физическое тело человека, но долгое время он был неодушевленным и не мог двигаться. Тем временем София раскаялась и хотела восстановить силу, потерянную при зачатии Демиурга. Впоследствии ангелы с небес посылаются вниз и советуют Демиургу вдохнуть дух, который он получил от своей матери Софии, в лицо первому человеку, чтобы тот поднялся. Демиург сделал это, потому что он невежественен и, как следствие, потерял свою власть над человечеством. Завидую тому, что первый человек был более умным и просвещенным, чем они, а также тому, что он не пребывал во зле, архонты бросают человека в глубины материального мира. Короче говоря, ключевым моментом является то, что Демиург и архонты создали человечество, чтобы получить то, чего им не хватало, свет Святого Духа. Человечество было создано как пища для архонтов. Смит (2008) описывает архонтов как «ужасный аналог духовных эонов», «злых миньонов Демиурга» (стр.

22) и далее объясняет символику ребенка-бастарда Демиурга: он не только незаконен в том смысле, что у него отсутствует отец, он также незаконен в том смысле, что что-то в корне неверно в его существовании. Этот недостаток является нарушением гармоничного баланса противоположностей в Плероме, символизируемого мужским/женским, когда София зачала без своей мужской пары. Символом дисгармонии является также то, что архонты – гермафродиты. Они обладают одновременно мужской и женской природой, но не полностью, что указывает на нарушение гармонии мужской/женской сизигий, и противоположности начинают расщепляться. «Откровение Адама» учит, что Демиург и архонты «разъяли нас» (Мейер, 2007, стр. 347). Следовательно, мы стали двумя видами существ, то есть мужчинами и женщинами. Таким образом, архонты ответственны за разделение первоначального андрогинного единства Плеромы, двойственность сотворенного мира. Созданные бастардом последнего эона, рожденного от Софии, архонты далеки от источника Плеромы и обитают в предельном пространстве на его нижних уровнях, прямо на пороге сотворенного мира. В результате архонты вторгаются в наш мир и оказывают на него влияние. Согласно «Первому Откровению Иакова», этот мир является местом обитания многих архонтов.

Исследовательница гностицизма Никола Дэнзи Льюис (2013) отмечает, что слово «архонт» происходит от греческого слова, обозначающего политического лидера, а также отмечает, что язык гностических текстов описывает их как «тех, кто угнетает нас через порабощение наших умов» и «похищение нашего аппетита», что «также носит политический характер» (стр. 135). Использование слова «аппетит» кажется уместным, учитывая, что архонты питаются нами. Она предполагает, что использование гностиками термина «архонт» может передавать глубокое политическое послание, и что мнение гностиков заключалось в том, что наши враги – это «те, кто на высоких постах». Намекают

ли гностики – и, возможно, Льюис – на то, что архонты контролируют, обманывают, оскверняют и заключают в тюрьму человечество через посредство лиц, занимающих высокие политические посты? «Реальность правителей» цитирует апостола Павла, который учил, что наша борьба не против плоти, но против авторитетов мира и духов зла на высших постах. Некоторые комментаторы, те, кого неизменно именуют «теоретиками заговора», утверждают, что у тайного правительства есть скрытая повестка дня, посвященная стремлению к полному порабощению человечества. Гностики не согласятся; человечество всегда находилось в рабстве. Матрица, которая является нашей реальностью, уже закрыла нам глаза, чтобы скрыть от нас правду.

Одним из фундаментальных моментов, которые следует отметить в отношении архонтов, является то, что их полномочия ограничены. «Реальность Правителей» утверждает, что ошибочно думать, что архонты имеют над нами власть. Архонты не способны «пересилить корень истины» (Мейер, 2007, стр. 196). Текст гласит, что Неподкупность смотрела сверху вниз, и архонты тьмы были очарованы ее изображением, отраженным в водах. Однако они были бессильны схватить ее, потому что у них была лишь душа, а те, кто с душой, не могут завладеть теми, у кого есть дух. Архонты не могут осквернить гностиков, которые осознали свою духовную сущность и обосновались в Плероме, где обитает девственный Дух, тот Дух, что превосходит архонтов и хаос их испорченного мира. Для гностиков семя Плеромы внутри каждого человека более могущественно, чем агенты тьмы, и те, чья жизнь исходит из чистого (девственного) Духа, те, кто пребывает в истине, находятся вне влияния архонтов. «Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога» (Матфея 5:8, KJV). Льюис (2013) комментирует, что хотя архонты «могут вредить нам, притеснять, осквернять, сажать в тюрьму и порабощать нас» (стр. 135), они могут применять свое насилие только к нашим телам; они не мо-

гут навредить нашему духу. Можно добавить, что в дополнение к насилию над нашими телами архонты могут в равной степени – что гораздо важнее – вредить нашему уму и душе. Дух, с другой стороны, безупречен, невосприимчив, нетленен и бессмертен.

Из-за своих ограниченных полномочий архонты вынуждены контролировать человечество путем обмана. Например, «Евангелие от Филиппа» учит, что архонты хотели обмануть людей, потому что они завидовали родству человечества с тем, что действительно благостно. Поэтому, обманывая, они взяли слова добра и присвоили им значение того, что дурно, чтобы связать добро со злом. Они делают это для того, чтобы поработить свободных людей. По мнению ФКД, сила архонтов – не что иное, как «простая окклюзия» (2008). Говорят, что величайшим достижением дьявола было убедить людей в том, что он не существует. То же самое можно сказать о Демиурге и архонтах.

* * *

Гностический Демиург и архонты прямо не упоминаются в «Семи проповедях». Однако фигура Демиурга косвенно появляется в представлении Юнга о гностическом боге Абраксасе, о котором «Семь проповедей» упоминают, когда мертвые просят дать им наставления по вопросу о Боге. Юнг заимствует имя «Абраксас» у Василида, который считается одним из великих гностических учителей второго века и которому Юнг псевдо-эпиграфически приписывает «Семь проповедей». Сохранились лишь фрагменты писаний Василида, и, как следствие, мало что известно и о нем как о человеке, и о его учении, и это может быть одной из причин, по которым Абраксас Юнга заметно отличается от описания, представленного Василидом. Для Василида Абраксас, происшедший от Плеромы, был лидером низшего класса ангельских существ (Рудольф, 1987) и считался всецело добрым. С другой

стороны, Юнг, впечатленный малоизвестным описанием Василида, представляет обновленного Абраксаса в «Семи проповедях», Бога, которого человечество забыло – или, точнее, от которого отреклось. Для Юнга Абракасас является высшим богом, хотя его не следует путать с абсолютной божественностью, Плеромой, и первой эманацией из Плеромы в системе Юнга. Абракасас – любопытно неоднозначная фигура, его двойственная природа воплощает как добро, представленное Богом, так и зло, представленное дьяволом. Юнг чувствовал, что односторонний (то есть всецелый Бог) богообраз иудео-христианства был неполным и не мог больше оставаться устойчивым, как одноногий стул. Согласно Юнгу, для того, чтобы богообраз был реальным, ему требовалась компенсационная тень, потому что все существующее отбрасывает тень. Богообраз отбрасывает тень – дьявола, который так же велик, как и он сам. Для Юнга и Бог, и дьявол были настоящими, и не может быть одного без другого. Созданный так же, как и Демиург, Абракасас отличается от абсолютной божественности, но тем не менее, не может быть полностью отождествлен с миром, и поэтому, подобно архонту, существует в предельном пространстве между Плеромой и творением. Для Юнга Абракасас – это Демиург.

Как отмечалось выше, гностическая космогония Юнга основана на разграничении противоположностей, и Абракасас возникает в ней как этап дифференциации, как в некотором роде не окончательно созданная жизнь, а потому – как соединение Бога и дьявола. Юнг описывает полярные противоположности природы Абраксаса как ничто и все, вечную пустоту и вечную полноту, вечную тьму и вечный свет, высокое и низменное, старое и молодое, «да» и «нет». Однако в отличие от сизигий Плеромы, в которых противоположности взаимно уничтожают друг друга, Бог и дьявол противостоят друг другу в образе Абраксаса.

Другая важная полярная оппозиция, воплощенная в Абраксасе, которая еще более отличает Абраксаса Юнга от гностического

Демиурга, состоит в том, что помимо того, что он является эманацией существа из высшей Плеромы, Абракасас одновременно является «монстром преисподней» (Юнг, 2009, стр. 521) с низким сознанием и примитивным осознанием, которое поднимается из глубин бессознательного. Кроме того, Юнг определяет качество «эффективности» как отличительный признак, а также связь, объединяющую Бога и дьявола в образе Абракасаса. Именно эта эффективность Абракасаса дает и Богу, и дьяволу способность действовать в сотворенном мире. Символически Абракасас обычно представлен с головой петуха, человеческим телом и хвостом змеи (рис. 10). Таким образом, Абракасас – это фигура, которая воплощает и объединяет противоположности, Бога и дьявола, добро и зло, Небеса и Землю: противоположности, которые сталкиваются в опыте человеческого бытия.

Юнг считал, что Абракасас – это не просто теологическая концепция или простое метафизическое умозаключение, выходящее за рамки человеческого опыта, а состояние, с которым может столкнуться психика. Такое столкновение Юнг описал как *нуминозное*, однако он ссылаясь не на опыт трансцендентальной предельной реальности, а тот опыт, который накапливается в глубинах бессознательного (Штейн, 2014). Чтобы испытать нуминозное, нужно столкнуться с *mysterium tremendum etascinans* («ужасной и захватывающей тайной» – лат.) – и удивительной, и ужасной в равной степени. Встретиться с Абракасасом – значит испытать всю полноту ужасной тайны нуминозного. Помня о необходимости принять обе стороны противоположностей, Юнг утверждал, что Абракасаса следует уважать как за очарование, которое он вызывает, так и за его ужасную тайну. Учитывая двойственность его природы – ведь он и Бог, и дьявол – Абракасаса нельзя не бояться и не любить, но, как это ни парадоксально, при этом необходимо и бояться, и любить (Юнг, 2009). Тем не менее, Абракасаса не нужно ни искать, ни отвергать, поскольку, подобно

завесе обмана архонтов – и Матрице – Абраксас окружает нас со всех сторон и будет искать нас. Вместо этого Юнг выступает за средний путь, сбалансированный между полюсами противоположностей: путь, который он сравнивает с распятием, сопровождаемый страхом быть поверженным (там же). В гностическом видении Юнга распятие означает напряжение между полюсами противоположностей.

Рисунок 10. Гностический бог Абраксас.

Несмотря на то, что в «Семи проповедях» нет упоминания об архонтах, можно провести параллель между ними и психологической концепцией Юнга об *архетипах*. Стратфорд (2007) описывает архонтов в их психологическом аспекте как «...силы, которые удерживают нас в искусственно построенной системе; ложная реальность телевидения, злословия, коррупции, потребительства и жадности. Архонты – это «силы, которые пребывают»; все те идеи, которые отделяют нас от полноты и правды жизни, от социальной справедливости, от сострадания» (стр. 45). По словам апостола Павла:

Ибо я делаю то, чего не позволяю; ибо то, чего я хотел бы, того не делаю; но то, что я ненавижу, то и делаю я. Если я делаю то, чего не хочу, я даю согласие закону, что это хорошо. Теперь это уже не я делаю, а это грех, живущий во мне. Ибо я знаю, что во мне (то есть во плоти моей) нет ничего хорошего, ибо воля присутствует со мной; но как выполнить то, что хорошо, я не нахожу. Ради блага, которого я желаю, не делаю, но ради зла, которого не желаю, делаю.

Римлянам 7:15-19, KJV

Психологически архонты – это все те силы, которые мешают нам делать то, что мы хотим, что мы должны делать, и заставляют нас делать то, чего мы не хотим или чего не должны. Эти силы являются негативными аспектами архетипов. В юнгианской психологии *архетип* (от греческого слова, означающего примитивную модель или исходный паттерн) – это исконный универсальный ментальный образ, который, как считается, был унаследован от самых ранних предков человечества и, как считается, существу-

ет в коллективном бессознательном и, следовательно, доступен, хотя и косвенно, индивидуальной психике. Проще говоря, архетипы представляют собой человеческую психологию так же, как инстинкты – человеческую биологию; однако это вряд ли отдаст должное концепции. Хотя они не могут быть непосредственно испытаны, архетипы оказывают свое влияние из глубины коллективного бессознательного и предрасполагают человека вести себя определенным образом. Иначе говоря, архетипы – это психологические схемы, которые моделируют поведение человека.

Крайне важно понять концепцию архетипов Юнга, заключающуюся в том, что они могут лишь придать форму, а не содержание человеческому опыту. Архетип обеспечивает психологический паттерн, а субъективный опыт индивида заполняет его. Архетип, унаследованный от коллективного бессознательного, пуст, свободен от содержания. Например, под влиянием архетипа героя человек может чувствовать себя вынужденным действовать вполне героическим образом. Если на это психологическое побуждение не воздействовать, то психика может ответить компенсирующим сном о герое, однако это будет не сам геройский архетип, появляющийся во сне, а его символическое представление в виде образа конкретного героя – например, Джеймса Бонда для одного человека и Александра Великого для другого. Для Юнга было важно различие между архетипом как таковым и разнообразными репрезентативными выражениями, которые он мог иметь в индивидуальной психике.

Архетипическая теория Юнга имеет свои корни не только в теории идей и форм Платона, но, что, возможно, более важно, также в рассуждениях немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) о различии между *феноменом* и *ноуменом*. Кант рассматривал ноумен, сущностную вещь в себе, как полностью трансцендентный объект, который совершенно непостижим для чувств, но может быть воспринят только разумом. Напротив, яв-

ление – это вещь или представление о вещи, которое может быть воспринято чувствами. Для Канта между ними существовала фундаментальная и непримиримая разница. Как я доказывал в своей предыдущей работе (Дуглас, 2016), существует четкая параллель между архетипом Юнга и ноуменом Канта и между представлением архетипа в его сознании и феноменом Канта. Однако следует отметить фундаментальное различие между теориями Канта и Юнга. Принимая во внимание, что для Канта расстояние между ноуменом и феноменом не может быть преодолено, для Юнга архетип как таковой парадоксальным образом непостижим по своей сути, но в то же время познаваем через его репрезентативное выражение в психике. Другими словами, архетип может быть испытан только косвенно.

В архетипической теории Юнга все архетипы имеют свои положительные и отрицательные стороны (1951) и, таким образом, способны оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. Подобно тому, как эоны и архонты составляют полноту Плеромы, архетипы составляют коллективное бессознательное. Другими словами, эоны и архонтов гностических систем можно считать соответствующими духовными или метафизическими аналогами психологических архетипов, и, следовательно, способными оказывать влияние на психику человека, косвенно формируя, даже контролируя человеческий опыт.

Юнг тоже так думал. В «Психологическом комментарии к Тибетской книге великого освобождения» (1954) он утверждает, что боги являются архетипическими мыслеформами, мирные и гневные аспекты которых символизируют противоположности – то есть полярные противоположности положительного и отрицательного объединены в одну и ту же фигуру.

По мнению Юнга, это имеет прямую параллель с психологическим опытом, в котором нет утверждения без соответствующего отрицания. «Где вера, там и сомнение; там, где есть сомнение,

есть доверчивость; там, где есть нравоучение, там и искушение. Только у святых есть дьявольские видения» (стр. 123). Противоположности определяют друг друга; они одно и то же. Во всех отношениях коллективное бессознательное – и его обитатели, архетипы, как в положительном, так и в отрицательном аспектах – по *сути*, одно и то же, что и полнота Плеромы.

* * *

Как и гностики с их концепцией правящих властей, Демиурга и архонтов, которые держат поработщенное человечество в заключении в сотворенном мире, ФКД также думал, что наш мир контролируется злонамеренными властями, которые навязывают нам «псевдо-реалии» с помощью «очень сложных электронных механизмов» (1978). В статье с типичным для него причудливым названием «Как построить Вселенную, которая не развалится два дня спустя» (там же), ФКД полагает, что как создатель воображаемых Вселенных в своих фантастических романах – Вселенных, которые не разваливаются через два дня – он в высшей степени компетентен для утверждения, что правящие власти обладают удивительной силой создавать ложные Вселенные в человеческом уме.

В своей «Экзегезе» он поясняет, что в соответствии с его акосмической перспективой мы не столько поработщены в ложном мире, потому что этого мира не существует, но, скорее, мы поработщены очень реальной и злой сущностью. Согласно ФКД, мы живем в падшем мире, в который мы были брошены, и где мы стали марионетками по милости невидимого кукловода, который представляет собой что угодно, кроме Бога. В результате мы вынуждены проживать свою жизнь «на надуманной стадии» (2011, стр. 6780). В одной записи «Экзегезы» ФКД размышляет о том, для чего служит этот мир, и в данном конкретном случае делает

вывод, что ему все равно, достаточно понять, что цель не в наших интересах, и мы должны быть спасены от этого. В гностической манере он позволяет себе предположить, что мы – не что иное, как источник энергии, используемый для питания этого падшего мира (стр. 6728).

В другом месте «Экзегезы» ФКД рассказывает про сновидение о фермерской семье, детей в которой называют «прядильщиками». Сельскохозяйственные угодья очень старые и загрязненные тяжелыми металлами, а отравление вызывает слепоту у детей. Мальчик смотрит на солнце сквозь такую толстую лупу, с какой только может сладить. Скоро он будет полностью слепым. ФКД интерпретирует прядильщиков как бессмертных, которые пришли в этот мир, отравились и потеряли способность видеть третьим глазом – способность видеть другие миры – отсюда и необходимость в очень толстом увеличительном стекле. Солнце является символом Христа, и мальчик с огромным трудом видит Солнце/Христа, а абсолютная слепота означает, что люди больше не могут читать священные писания. Бог не прекратил передавать свое послание, но огни потускнели, люди ослепли и больше не способны воспринимать божественное откровение (стр. 13913). В качестве альтернативы прядильщики могут рассматриваться как прядильщики этого мира, другими словами, архонты. Гностический Демиург считается слепым: одно из его имен – Самаэль, что означает «слепой Бог», что еще больше связывает прядильщиков и слепого ребенка с Демиургом и архонтами. Это говорит о том, что мы не только попали в отравленный мир, неспособные найти выход, но также несем ответственность за его создание. Эта идея, что мы являемся также архонтами – одновременно создателями тюрьмы, тюремными надзирателями и заключенными – пронизывает большую часть «Экзегезы»; например, «правят теми, кто правит» (стр. 6815).

Гностики видели мир иначе, чем мы сегодня. Они верили, что быть рожденным в этом мире – значит быть заключенным в тюрьму архонтами; уйти из этого мира значит стать освобожденным. Возможно, что в то время как нас учат праздновать жизнь и оплакивать смерть, гностики научили бы обратному: что мы должны оплакивать рождение в порабощении и праздновать освобождение из тюрьмы архонтов. Представление об этом мире как о тюрьме будет более подробно рассмотрено в следующей главе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тюрьма и пещера

– Но я вовсе не желаю путешествовать среди сумасшедших, – заметила Алиса.

– О, ты ничего не можешь с этим поделать, – сказал Кот. – Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая.

– Откуда вы знаете, что я сумасшедшая? – спросила Алиса.

– Ты, безусловно, должна быть сумасшедшей, – ответил Кот, – иначе ты не попала бы сюда.

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране Чудес»

Одной из определяющих характеристик гностической традиции является то, что человечество было заключено в тюрьму в материальном мире за счет обмана. Это повторяющийся мотив во многих текстах Библиотеки Наг-Хаммади. Например, «Тайная книга Иоанна» описывает этот мир как тень смерти, в которой человеческое тело – могила. Могила тела была создана из четырех элементов: земли, воды, огня и ветра, которые текст переопределяет как материю, тьму, желание и дух притворства, соответственно. Однажды созданное человечество было окутано завесой забвения и порабощено в материальном мире. Действительно, архонты поработили от начала времен не только человечество, но и «все творение». В «Евангелии от Филиппа» отмечается, что

архонты, обиженные на людей за их близость к Плероме и завидующие дарованному людям свету, хотели обмануть и поработить человечество навеки. Точно так же «Авторитетный дискурс» описывает архонтов, которые пытаются обмануть людей и поработить, тогда как не упоминающий обман архонтов «Трехсторонний трактат», тем не менее, противопоставляет свободу Плеромы сотворенному миру, который управляется невежеством и характеризуется пленом, послушанием и страданием. В весьма сходном ключе «Евангелие от Фомы» просто отмечает, как Спаситель удивился тому, что огромное богатство человеческого духа живет в бедности человеческого тела.

В самом гностическом фильме, «Матрице», Морфеус говорит Нео, что Матрица – это не что иное, как сгенерированный компьютером мир снов, разработанный машинами (то есть архонтами), чтобы поработить человечество и превратить его в источник энергии для машин. Морфеус держит батарейку, чтобы подчеркнуть свою точку зрения наглядно. Это важная, но неизменно недооцененная гностическая тема, и эта сцена из Матрицы прекрасно ее отражает. Как отмечалось выше, в самой гностической космогонии, «Тайной книге Иоанна», упоминается, что архонты создали этот мир и держат людей в нем в рабстве, чтобы питаться нами. Им не хватало света Плеромы, и поэтому они хотели создать человека по образу Божьему, чтобы свет Божий, отраженный в его образе (то есть человеке), мог осветить их. Другими словами, архонты создали человечество как источник энергии. Архонты – это энергетические паразиты, которые питаются людьми! План архонтов наглядно представлен у Карлоса Кастанеды, где дон Хуан, его учитель, заявляет:

Есть хищник, который пришел из глубин космоса и взял верх над нашей жизнью. Люди являются его пленниками. Хищник – наш господин и хозяин. Он сделал нас по-

слушными, беспомощными. Если мы хотим протестовать, он подавляет наш протест. Если мы хотим действовать независимо, он требует, чтобы мы этого не делали. Он захватил нас, потому что мы – пища для него, и он беспощадно выжимает нас, потому что мы его пропитание. Подобно тому, как мы разводим кур в курятниках, хищник разводит нас в курятниках... Поэтому его еда всегда доступна для него.

Кастанеда, 2017

Пойманные в курятник как источник пищи для архонтов – это не то, что большинство людей спокойно воспримут; отсюда и необходимость обмана, с помощью которого архонты держат человечество в тюрьме. Действительно, это как проглотить горькую таблетку – причем красную – возможно, именно поэтому так много людей принимают голубую таблетку, даже если они иногда заглядывали сквозь завесу и чувствовали вкус реальности. Как выразился Морфеус, люди просыпаются в своих постелях, продолжая видеть сны о мире, в котором они оказались в ловушке, но верят только тому, во что хотят верить. Точнее, верят тому, во что архонты обманом принуждают их верить. Согласно ФКД (2008), наш мир находится в заколдованном состоянии, где мы либо спим, либо пребываем в трансе, в котором что-то заставляет нас «...видеть то, что оно хочет, чтобы мы видели; помнили и думали то, что оно хочет, чтобы мы помнили и думали. Что означает, что мы являемся теми, кем оно хочет, чтобы мы были. Что, в свою очередь, означает, что у нас нет подлинного существования. Мы находимся во власти чьей-то прихоти» (стр. 188).

Платонизм считается одним из истоков гностической традиции (Пирсон, 2007), и можно увидеть четкую параллель между «Аллегорией пещеры» Платона и гностическим взглядом на человечество, заключенное в тюрьму в этом мире. В аллегории Пла-

тона, которая описана в Книге VII «Республики» – краткая выдержка из которой содержится в Библиотеке Наг-Хаммади – группа людей провела всю свою жизнь в качестве заключенных, прикованных к стене таким образом, что они могли смотреть только на сплошную стену пещеры. Позади и над ними находится огонь, а перед огнем, но за стеной, проходили другие люди, неся различные предметы, почти так же, как кукловоды прячутся за экраном и держат своих кукол над экраном, там, где их может увидеть аудитория. Заключенные не могут видеть тени проходящих людей, но тени предметов, которые те несут, проецируются на стену пещеры, где их могут видеть заключенные. Звуки людей, несущих предметы, отражаются от стены, на которую проецируются тени, создавая у заключенных впечатление, что тени издают звуки. Никогда не видя ничего другого, заключенные принимают свой мир теней за реальность. Они также не понимают, что тени основаны на реальности за пределами их видения. Точно так же гностики считали, что человечество подобно пещерным обитателям Платона, заключенным в иллюзорный мир тьмы. В какой-то момент один из заключенных освобождается от кандалов и поворачивается, чтобы увидеть огонь и предметы. Его глаза ослеплены светом огня, и он, неспособный правильно воспринимать объекты, из всех сил пытается понять, какие объекты на самом деле являются реальными, а какие нереальны. В замешательстве, испытывая боль, он возвращается к ложной реальности теней, к которой он привык, несмотря на свое заключение. Впоследствии его вытаскивают из пещеры на поверхность, где он слепнет от солнечного света. Из-за боли и шока он поначалу злится на это радикальное изменение обстоятельств. Постепенно его глаза приспособляются к свету и новой реальности, он осознает ее превосходство над пещерой. Теперь из жалости к тяжелому положению заключенных, которых он оставил, он возвращается в пещеру, чтобы помочь им сбежать. Однако привыкнув к дневному свету, он сно-

ва ослеплен – на этот раз теньями.

Затем другие заключенные из своей слепоты заключают, что его путешествие за пределы пещеры отрицательно на него повлияло, и не могут поверить в его утверждения о превосходстве верхнего мира. Поэтому другие заключенные выбирают тюрьму пещеры, а не свободу внешнего мира. Действительно, они убили бы любого, кто попытался бы вытащить их из пещеры. Подобно заключенному в пещере Платона, персонаж «Матрицы», Сайфер, не хочет убегать из генерируемой компьютером порабащающей матрицы. Вместо этого он выбирает псевдоблаженство невежества, а не столкновение с трудностями. Как заключенный, сбегавший из пещеры и увидевший свет, Сайфер знает о реальности мира снов, которая держит его в плену, но предпочитает остаться. Словно Иуда компьютерной эры, он предает Морфеуса и решает остаться в плену... При условии, что все забудет и получит свои тридцать сребреников, что в случае с Сайфером значит стать кем-то богатым и знаменитым – актером, который будет иметь возможность поужинать стейком в модном ресторане – хотя во время продажи своей души он знает, что все это будет иллюзией. Сайфер – человек, и нужно помнить об этом, а человеческий вид – не самое лучшее творение во Вселенной; в конце концов, он был создан Демиургом и архонтами. Человечество, по большей части, состоит из индивидуумов, созданных не самыми точными инструментами космической мастерской, они имеют неисправимую тенденцию слушать любого продавца-шарлатана, который говорит то, во что они хотят верить.

Хотите еще синих таблеток и стейков, сэр? Сайфер хотел стать известным актером. Возможно, тот, кто постоянно пытается стать новой голливудской звездой, похож на Сайфера; сотрудничает с тюремщиками, чтобы увековечить свою живую смерть в мире теней.

Подобно гностикам и Платону, метафизика ФКД постулирует, что наш мир – тюрьма. Согласно ФКД, это трагическое царство, в котором мы – заключенные, и главная трагедия в том, что мы даже не осознаем этого. Мы всегда были порабощены, но ошибочно полагаем, что мы свободны, потому что никогда не знали, что значит быть свободными. «Это тюрьма... металлического мира. Приводимая в движение винтами, машина размалывает нас, создавая страдания и смерть» (Дик, 2008, стр. 133). Архонты обладают бесконечной способностью вызывать в воображении всевозможные тюрьмы – «тонкие и грубые, тюрьмы внутри тюрем; тюрьмы для тела и, что еще хуже, тюрьмы для ума» (стр. 231). В своей «Экзегезе» он рассматривает наш мир как управляемый злыми силами, подчиненными тому, что он называет «ас-тральным детерминизмом». Он называет эту тюрьму «Черной Железной Тюрьмой» (ВІР), коварной и жестокой формой человеческого контроля, пронизывающей не только наш мир, но и все время и пространство (Дик, 2011, стр. 4868). Как и Матрица, ВІР повсюду окружает нас. Мы можем видеть ее за нашими окнами, мы можем видеть ее по телевизору – особенно по телевизору. Как и Нео, мы рабы ВІР, родившиеся в плену и порабощенные в темнице ума, которую мы не можем различить с помощью обоняния, вкуса или осязания. Описывая ВІР посредством аналогии, ФКД утверждает, что если Вселенную считать сознательной психикой, то ВІР будет «жестким окостеневшим комплексом» (там же, стр. 6806), комплексом, который не может развиваться, знает только хаос и разложение, и которому суждено повторять одну и ту же мысль снова и снова, как если бы она была в бесконечной спирали. ВІР – это беспощадный мир, из которого мы должны быть спасены. Интересно, что 2 февраля 2016 года я синхронно столкнулся с описанием ВІР как бесконечно повторяющейся мысли, так

называемого «Дня сурка», популяризированного одноименным фильмом 1993 года, в котором главный герой приговорен переживать один и тот же день, день за днем, пока не научится прерывать цикл, и этот день в фильме – 2 февраля.

В «Трактате скрытых писаний» (Tractates Cryptica Scriptura) ФКД также упоминает «Империю», ссылаясь на тиранию Римской империи, которая, по его мнению, продолжается и по сей день, хотя и в другой форме. Империя, по сути, является метонимом ВІР. Он описывает Империю как «институт, кодификацию безумия» (2001, стр. 264), безумную организацию, которая способствует безумию человечества, реализовывая ВІР через насилие, поскольку насилие является его природой. В других местах «Трактата» он связывает Империю с «незаслуженными страданиями, хаосом и смертью» (стр. 267). Согласно ФКД, ВІР существовала всегда или, возможно, вообще существует вне времени, и каждый, кто когда-либо жил, был заключен в железные стены тюрьмы, даже не осознавая этого (там же). В ключевой фразе «Трактата» ФКД заявляет, что «Империя никогда не заканчивалась», другими словами – мы все еще поработаны Империей и ВІР, или, по словам гностиков, мы все поработаны архонтами в падшем мире. Концепция ВІР ФКД и тот факт, что «красивый» мир, который мы видим, на самом деле является иллюзией, а также большая часть его метафизики – гностической или иной – вдохновлены его опытом «2-3-74».

В своем «Трактате» ФКД противопоставляет ВІР тому, что называет «Садом Пальмовых Деревьев» (PTG). Не ссылаясь на источник, он утверждает, что гностики верили в два временных периода: первое, или текущее время, характеризующееся злом, и второе, которое придет в будущем, и которое будет добрым. Первое он называет «Железным веком», представленным в ВІР, а второе – «Золотым веком» в виде PTG. Он также утверждал, что Железный век закончился в августе 1974 года и его сменил PTG.

Это несколько расходится с утверждением, что Империя [ВІР] никогда не заканчивалась. Однако это мнение ФКД; и оно не всегда логично и не всегда последовательно. Такова, без сомнения, большая часть его заметок. С точки зрения сути, а не временности, ВІР является метафорой материального мира, иными словами, поддельного мира, созданного архонтами, которые пытались, но не смогли имитировать эонические царства Плеромы и которые используют свое творение для порабощения человечества. С другой стороны, РТГ представляет собой неразрушимое, нетленное, эоническое царство, то есть Плерому, но не идентичен ей. Одно подделка, другое настоящее. Теперь верхнее (ян) и нижнее (инь) царства гностической космогонии ФКД, отмеченные выше (рис. 7), могут быть заменены или альтернативно представлены Садам Пальмовых Деревьев и Тюрьмой из Черного Железа (рис. 11).

Рисунок 11. Сад пальм и тюрьма из чёрного железа.

В другом месте ФКД описывает РТГ как «парк мира и красоты» (1977), мир, намного превосходящий ВІР, который он, в конечном итоге, заменит. В этом варианте схемы мир ВІР прошел, и теперь мы живем в промежуточном мире, в котором угнетение человечества и бесконечная война, которая неизменно сопровождают его, в некоторой степени смягчены. Кроме того, существует альтернативный мир, наложенный на этот, который проявится в будущем, когда «правильные переменные в нашем прошлом будут перепрограммированы» (там же). Когда мы пробудимся в этом новом мире, все будет так, как если бы мы всегда жили там, и нынешний промежуточный мир вместе с ВІР будет «искуплен милосердием» (там же) нашего духа и разума.

Независимо от того, живем ли мы в самом ВІР или в промежуточном мире, ФКД, как и гностики до него, несомненно, верил в то, что наш мир остается тюрьмой, навязанной бесчестными силами. По крайней мере, в настоящем Империя еще не окончилась. Мы все еще окружены Матрицей и находимся в плену.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сон и голограмма

Как вы можете доказать, спим ли мы сейчас, и все ли наши мысли – лишь сон? Или мы бодрствуем и разговариваем друг с другом в состоянии бодрствования?

Платон

Итак, в гностическом представлении материальный мир был создан Демииургом и архонтами. Это видение имеет две фундаментальные характеристики: а) это тюрьма и б) архонты удерживают людей в рабстве, вводя их в заблуждение о том, что материальный мир реален, когда он, по сути (согласно гностикам), иллюзорен. Принимая во внимание, что предыдущая глава имела дело с миром как тюрьмой, эта глава обращается к концепции мира как иллюзии.

В «Матрице» Морфеус спрашивает Нео, был ли он когда-нибудь уверен в реальности сна. Далее он спрашивает Нео: «Если ты не сможешь пробудиться от этого сна, как ты сможешь отличить мир сна от мира состояния бодрствования, то есть от мира, который ты считаешь «реальным» миром?» Британский врач Хейвлок Эллис (1859-1939) утверждал, что сны кажутся реальными и во всех смыслах могут считаться реальными до тех пор, пока они сняты, и что во время сна мы не можем говорить о согласованности бодрствующего состояния, так называемой реально-

сти. Точно так же гностические тексты Библиотеки Наг-Хаммади проясняют, что этот мир – иллюзия, что нас обманули, когда мы приняли его за реальность. Например, «Трактат о воскрешении» предостерегает от мысли, что воскрешение является иллюзией, учитывая, что цель гностика – освободиться от оков материи. Он заявляет, что именно этот мир, а не воскрешение из него, является иллюзией; иллюзия, в которой богатые стали бедными, или, по словам «Евангелия от Фомы», богатство духа оказалось в ловушке нищеты материального мира. В другом месте говорится, что понятие сна – это периодически повторяющийся гностический троп, используемый для описания иллюзорного состояния, в котором этот мир принимается за реальность. В «Реальности правителей» указано, что архонты погрузили в глубокий сон (то есть невежество) первых людей, прежде чем низвергли их в материальное царство. Поэтому человечество спит и не знает о своей ловушке в мире материи. «Откровение Адама» происходит, когда он спит, предлагая ему пробудиться от «сна смерти» (Мейер, 2007, стр. 344). Как в часто упоминаемом афоризме Эйнштейна, реальность – это просто иллюзия, хотя и очень упорная. Для гностиков этот мир – призрачный фантом, в котором архонты постоянно держат нас во тьме. Нас контролируют архонты, потому что они контролируют ложную реальность, в которой мы живем. Однако, согласно гностикам, архонты фактически бессильны, и их власть над нами существует только в той степени, в которой они могут обмануть нас, заставив думать, что ложная реальность на самом деле реальна.

Эта идея эффектно отражена в сцене сгибания ложки в «Матрице», в которой Нео встречает мальчика с бритой головой, похожего на буддийского монаха. Перед мальчиком лежат несколько изогнутых ложек, а одну он держит в руках, сгибая ее силой мысли. Он вручает Нео прямую ложку, предлагая попробовать согнуть ее. Когда Нео берет ложку, мальчик говорит ему, что он

не должен пытаться согнуть ложку, потому что это невозможно. Скорее он должен просто попытаться понять правду. «Какова правда?» – спрашивает Нео. Мальчик отвечает, что ложки нет, и сгибается не ложка, а он сам. Затем Нео переключает свое внимание на ложку, которая теперь отражает всю комнату. Когда он смотрит на нее, ложка начинает гнуться. Это говорит о том, что когда мы осознаем истину и «изгибаемся», то есть трансформируемся в свете осознанной истины и пробуждаемся от иллюзии тюремного мира, то мы больше не в его власти. Он перестает контролировать нас; мы начинаем контролировать его. Когда мы осознаем, что этот мир является иллюзией, мы преодолеваем его ограничения и становимся его со-творцами.

* * *

Несмотря на регулярные опровержения, Юнг часто совершал спекулятивные экскурсии в метафизику, но предположения никогда не приводили его к мысли, что в нашем мире есть что-то кроме объективной физической реальности. Он был глубоко укоренен в мире, и гипотезы о мире как иллюзии несколько не занимали его – во всяком случае, не в его публичных работах. Тем не менее, он исследовал отношения между психикой и тем, что мы переживаем как физическую реальность, в своей теоретической конструкции, известной как «*синхрония*».

Обычно описываемый как «принцип акаузального связывания», термин «синхрония» относится к феномену *значимого* совпадения – или частичного совпадения – двух событий: одного – события во внешнем мире, а другого – во внутреннем психологическом состоянии ума. По мнению Юнга, когда внутреннее психологическое событие, вызванное бессознательными образами, приходящими в сознание прямо или косвенно – через сновидение, идею или предчувствие – совпадает с внешней ситуацией с таким

же (или очень похожим) содержанием, тогда можно говорить о том, что происходит синхрония. Важно отметить, что эти события не связаны причинно-следственной связью, а совпадают только через общее присущее им значение, без которого являются просто случайными. Синхрония происходит в «психическом относительно пространственно-временном континууме», связывающем психику с материальным миром как два разных, но неразрывно связанных аспекта одной и той же фундаментальной реальности, в которой физическое и психическое могут действовать друг без друга и без причинной связи между собой (Шарп, 2010). Психика и материя – одно и то же, их сущность – это энергия. Хотя внутренние и внешние события отдельного случая синхронии могут быть феноменологически различными, их синхронность является выражением их фундаментальной неделимости.

Фактор, связывающий психику и материю, является архетипическим. В основе синхронных событий лежат трансцендентные, непознаваемые – но способные к косвенному переживанию – аспекты архетипов, которые Юнг рассматривает как *психоидные*. Юнг описывает (1962) психоид как душевный, квазипсихический фундамент, лишь частично психический, и, вполне возможно, имеющий совершенно другую природу, которая, как он предполагает, может быть духовной. Хотя он и не сомневался в целесообразности метафизических утверждений в письменной форме, пока они оставались его личными утверждениями – как свидетельствуют «Красная книга» и «Семь проповедей» – Юнг всегда проявлял осторожность в отношении таких заявлений в своих публичных работах. Тем не менее, в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях», одной из его последних публичных работ, он писал, что у нас есть веские основания предполагать существование непостижимой абсолютной реальности (там же). Кроме того, синхронию можно рассматривать как наблюдение упорядоченной целостности внутри коллективной психики, в которой частным

случае синхронии является двойственное выражение архетипической активности, исходящей из психоидного измерения психики. Два синхронных события являются выражением момента, а этот момент является архетипическим колебанием, происходящим внутри глубин коллективного бессознательного и возникающим из них. Юнг был сторонником теории единой реальности, *unus mundus* («единый мир» – лат.), подкреплявшей весь его опыт, и он, похоже, не предполагал, что физические явления могут представлять собой что-то иное, чем реальность.

* * *

В «Матрице» Морфеус инструктирует Нео: то, что он принимает за реальность, на самом деле происходит внутри компьютерной программы, и это «нейро-интерактивная» симуляция самой Матрицы. Во время симуляции самооценка Нео также не реальна; это просто «остаточное представление о себе», мысленная проекция оцифрованной личности. Здесь проявляется отголосок гностицизма Майстера Экхарта. Экхарт утверждал, что когда душа хочет испытать что-то, она проецирует изображение перед собой и затем входит туда. В гностической традиции Демиург, сопровождаемый своими архонтами, предстает слепой, невежественной, темной пропастью тени души. Он хотел создать мир по образцу неподкупной, плеромической гармонии. Однако он был невежественным (и высокомерным) и испытывал недостаток в истинной силе света Плеромы. Результатом стал искаженный, хаотичный мир, в который мы были заброшены и введены в заблуждение о его реальности. Точно так же архитекторы Матрицы спроектировали компьютерный мир снов, в котором человечество находится в ловушке. Пока мы не осознаем наше затруднительное положение, не достигнем гнозиса и не найдем выход, мы являемся лишь отдельными вирусами, софтом, управляемым архонтами,

работающим в операционной системе Матрицы. Нео испытывает замешательство, и в тоне, который выдает его недоверие и трудность в принятии истины, спрашивает, действительно ли мир, который он воспринимает, реален. Морфеус отвечает риторически: «А что реально? Как ты определяешь реальное?» Учитывая акосмическую метафизику этого вопроса (что Вселенная – иллюзия), неудивительно, что он занимает и ФКД на протяжении большей части писательской деятельности. Действительно, подобные вопросы бесконечно очаровывали его. В своих работах ФКД неоднократно возвращался к темам истинной природы нашего мира, реален ли вообще эмпирический или феноменальный мир, который мы обычно считаем «реальностью». В своих рассказах и романах он часто писал о фальшивых мирах, альтернативных реальностях и о том, что он назвал «множественными псевдомирами» (1977). Творчество ФКД (2011) насчитывает в общей сложности двадцать один роман (не считая рассказов), в которых изображается тема противостояния реального и поддельного мира.

По мнению ФКД, «...кто-то заставляет нас видеть Вселенную, которой не существует. Кто этот кто-то?... Сатана [то есть Демиург]» (2008, стр. 199). В другом месте он утверждал, что под нашим постоянно меняющимся феноменальным миром скрыта вечная, неизменная абсолютная реальность (1978). Он чувствовал, что этот мир Черной Железной Тюрьмы, управляемый Империей, является поддельным миром, наложенным на более глубинную реальность (2011, стр. 5688). Однако говорить, что это подделка – значит вводить в заблуждение, потому что на самом деле этого мира нет (стр. 6720). Повторяя тему «мира как иллюзии» в «Божественном вторжении» (2008), он описывает мир, который он называет нижним царством, как результат «прозрачных картин, сменяющихся с огромной скоростью» (стр. 65). В романе эти картины являются архетипическими формами из космоса, которые были спроецированы в нижнее царство, чтобы стать «ре-

альностью». Эта идея о мире, который не является по существу реальным, но только проявляется как таковой, близка к видению Эйнштейна, который говорил, что «в отношении материи мы все были неправы». То, что мы считаем материей (то есть физической реальностью) – это энергия, вибрация которой была снижена до такой степени, что она может быть воспринята чувствами. Для Эйнштейна мир не имеет значения, так как не имеет объективной реальности. Для ФКД наш мир – это просто призрак, падший мир, в который мы были брошены, поработанные злой сущностью, которая «проецирует данные, напоминающие мир» (2011, стр. 6720). В своей книге «Трактаты» ФКД заявляет, что феноменальный мир, который воспринимается как должное и считается «реальностью», на самом деле не существует. Его реальность не может быть подтверждена, и он считал, что это гипостазис информации, обработанной Единым Разумом (то есть Плеромой) (2001). Сущность Вселенной – информация. На самом деле это не трехмерное пространство, а пространство и время вообще. Другими словами, для ФКД этот мир подобен Матрице и является не более чем неверным толкованием основной реальности, сущность которой – информация.

Однако несмотря на продолжавшуюся всю жизнь одержимость стремлением понять природу реальности, ФКД чувствовал, что он так и не достиг сути. В речи, произнесенной в 1978 году, в конце своей жизни, он признает, что не смог решить эту задачу. Он вспоминает, как один студент попросил его дать содержательное определение реальности в одном предложении для работы по философии, на что ФКД смог ответить только: «Реальность – это то, что не исчезает, когда вы перестаете верить в нее» (1978). После целой жизни, посвященной изучению этой темы, он чувствовал, что не может более четко определить реальность. И все же – может ли быть более точное определение реальности? Тем не менее, он чувствовал, что пока мы здесь и продолжаем

заблуждаться, думая, что ВІР реальна, мы должны с ней бороться. С неподражаемым остроумием ФКД в одной из записей «Экзегезы» шутит, отмечая, что должен продолжать, как и «многие мытари и грешники, сборщики налогов и другие подонки» (2011, стр. 1467), вероятно, подразумевая, что он должен обладать известной долей терпения. Повторяя слова Эллис, этот бредовый мир «реален» для ФКД – и для нас – до тех пор, пока он существует, и пока мы здесь, нам приходится иметь дело с его сборщиками налогов, отбросами общества и всеми прочими. Кесарю – кесарево.

Относительно концепции мира как иллюзии ФКД добавляет одно фундаментальное замечание, которое в зависимости от трактовки либо отступает от метафизики древних гностиков, либо приближает к ней. Для гностиков этот иллюзорный тюремный мир был делом архонтов. Однако для ФКД (2011) мы, люди, являемся со-создателями, вместе с Империей – аналогом архонтов у ФКД – сотворения мира снов ВІР. В своей «Экзегезе» он утверждает, что мы «забывчивые творцы космоса» (стр. 15114), которые попали в созданную нами же во Вселенной тюрьму, не осознавая этого. В качестве альтернативы он описывает наш иллюзорный мир как массовую галлюцинацию, а также считает, что нам необходимо преодолеть ложное представление о том, что галлюцинация может быть только личной (стр. 6899). В «Трактате» он заявляет, что мы гипостатизируем информацию, которая нам подается в феноменальном мире (2001), хотя он не упоминает источник, из которого мы получаем эту информацию. В другом месте он утверждает, что «мы построили этот мир, эту матрицу пространства-времени» (там же, стр. 196). Если это так, то с точки зрения гностической традиции мы являемся архонтами, поскольку архонты создали этот мир.

* * *

В области науки и философии идея о том, что наш мир представляет собой голографическую проекцию, возникла в 1997 году, когда она была впервые предложена физиком Хуаном Малдасеной. Однако концепция Вселенной как голограммы – или, иными словами, иллюзорной Вселенной – вероятно, известна мистикам и традициям мудрости с незапамятных времен, хотя, возможно, тогда она и не называлась таковой. Например, идея о том, что Вселенная лишена реальности и создается сознательным наблюдением, восходит к ведической философии (Розенблум и Каттнер, 2012, стр. 3239). К идее голографической Вселенной также присоединился и ФКД, в многообразную космогонию которого входит Бог-создатель, который использует искусственный спутник, *VALIS* (*Vast Active Living Intelligence System* – «Глобальная Активная Живая Разумная Система»), чтобы спроектировать голограмму, которую мы ошибочно принимаем за реальность (2008).

Голограмма (от греческого *holos*, «целое», и *gramma*, «сообщение») представляет собой трехмерное изображение объекта, закодированного на двумерной поверхности. Простые примеры не слишком впечатляющих голограмм можно найти в защитном знаке на кредитной карте или водительских правах. Физика голографии выходит за рамки этой работы, но, популярно излагая, голограмма, как правило, создается путем разделения лазерного луча на два идентичных луча. Один луч, известный как объект-луч, направляется на объект, отраженный свет перенаправляется на двумерную поверхность, которая захватывает голограмму. Другой, опорный луч, направлен на двумерную поверхность. Именно интерференционная картина, возникающая в результате взаимодействия этих двух лучей, записывается на двумерную поверхность. Позже, когда интерференционная картина на двумерной поверхности освещается с использованием источника света, создается трехмерное изображение объекта. Голограмма имеет

некоторые существенные особенности. Если голографическое изображение просматривается с разных сторон, оно представляет трехмерное изображение исходного объекта в разных перспективах. Другое интересное свойство заключается в том, что, в отличие от обычного изображения, например, фотографии, которая при разрезании пополам создает только два отдельных фрагмента исходного изображения, голограмма, если ее разрезать пополам, образует две голограммы, каждая из которых содержит целое изначальное изображение. Это верно независимо от того, на сколько кусков голограмма нарезана; самый маленький кусок голограммы содержит все изображение. Кроме того, если часть изначальной голограммы разделена, то каждая из ее частей также содержит все оригинальное изображение.

В общих чертах теория о том, что Вселенная является голограммой, утверждает, что воспринимаемая нами Вселенная представляет собой трехмерное изображение – по сути, иллюзию, порожденную информацией. Придерживаясь этой точки зрения, ФКД утверждает, что то, что мы принимаем за реальность, фактически является иллюзией проецируемой голограммы (2011, стр. 12926). Он сравнивает Плерому с колоссальной голограммой (стр. 7192). Точно так же в «Трактате» он утверждает, что феноменальный мир не существует, а является просто «гипостазисом информации, обрабатываемой Разумом» (2001, стр. 261). Для ФКД герметическое изречение «Как вверху, так и внизу» относится к идее, что Вселенная – это голограмма, но у автора изречения отсутствовала современная терминология (стр. 257–258).

В «Евгносте Блаженной» Библиотеки Наг-Хаммади говорится, что Предок «видит себя в себе как в зеркале, и его образ представляет ему себя как его Отца, его Родителя, и как размышление, потому что он отражает неосознанное первичное существование» (Мейер, 2007, стр. 277). Точно так же мы могли бы думать, что «Евгноста» сравнивает творение с зеркалом Плеромы,

потому что ей не хватало слова «голограмма». В «Экзегезе» ФКД утверждает, что его идея о том, что Вселенная является голограммой, не оригинальна, а представляет собой лишь обновленное описание отражений, мелькнувших на стенах пещеры Платона. Подобно заключенным в пещере, которые ошибочно принимают тени, отбрасываемые на стену пещеры, за реальность, мы также ошибочно принимаем нашу голографическую Вселенную за реальность. Согласно ФКД, эта голографическая Вселенная представляет собой «ложную сатанинскую интерполяцию, образующую тюрьму, сокрытие информации, которая раскрыла бы нашу истинную ситуацию» (2011, стр. 6462, выделено в оригинале). В гностических терминах фундаментальная природа полноты Плеромы – энергетическая информация, и архонты исказили эту основную информацию, чтобы спроецировать иллюзорный мир, в котором мы заключены. По мнению ФКД, наша голографическая Вселенная создается взаимодействием двух гипервселенных таким же образом, как регулярная голограмма создается интерференционной картиной двух лазерных лучей (там же, стр. 6480). В этом голографическом представлении – вопреки его более раннему мнению, что Черная Железная Тюрьма и Сад Пальмовых Деревьев были двумя диполярными вселенными, отличными от нашей, одна хуже, другая лучше – ни Черная Железная Тюрьма, ни Сад Пальмовых Деревьев не идентичны нашей Вселенной. Скорее он чувствовал, что наш мир лучше рассматривать как голографическую композицию из двух, причем каждая из них функционирует как один из двух лазерных источников, необходимых для генерации голограммы (стр. 6489). Вместо того чтобы приравнивать Сад Пальмовых Деревьев к Плероме, высшему верхнему миру, и Черную Железную Тюрьму к Вселенной, или низшему созданному миру, было бы более точным рассматривать РТГ и ВРП как образующих пару противоположностей внутри полноты Плеромы, в которой они, как предполагает «Евангелие от Филипп-

па» – братья, которых необходимо примирить и растворить друг в друге, чтобы добиться возвращения в царство света. Эта схема перекликается с мнением христианского мистика Якоба Беме, который также верил в три мира. Во-первых, божественное царство, ангельский рай, во-вторых, противоположный темный мир огня и гнева. Оба эти мира невидимы и находятся за пределами восприятия чувств. Третий – наш мир, который является результатом вечной борьбы между двумя невидимыми мирами (Лакхман, 2015).

Гностическая идея мира как иллюзии и представление ФКД о голографической Вселенной находит отклик в работе Каструпа (Бернардо Каструп, «Brief Peeks Beyond: Critical Essays on Metaphysics, Neuroscience, Free Will, Skepticism and Culture» (2015) – «Краткий взгляд по ту сторону: критические очерки о метафизике, нейронауке, свободной воле, скептицизме и культуре»), характеризующего себя сторонником философии, известной как монистический идеализм (2011). Монистический идеализм согласуется с идеей о том, что сознание, а не материя, является основой всего сущего, так же, как и в концепции Экхарта о Божестве. Британский астрофизик, сэр Джеймс Джинс (1877–1946), склонный к идеализму, считал, что материальная Вселенная является производной сознания, а не сознание – производным материи, и предлагал рассматривать Вселенную как великую мысль, а не как великую машину. Каструп (2016) утверждает, что учитывая последние открытия в области квантовой физики, единственное мировоззрение, которое может оправдать экспериментальные данные – это идеализм, который «символически представлен во многих мифах о сотворении мира из разных культур и из истории». Кажется, что гностический миф о сотворении – за исключением недоброжелательности архонтов – является одним из них. В противоположность тому, что он описывает как «ужасное, коварное клеймо» (Каструп, 2015, стр. 3279), направленное на поддержание перспективы материализма, точка зрения Кастру-

па состоит в том, что сознание является единственным носителем реальности, в котором мы можем быть уверены (стр. 289). Он утверждает, что вся реальность – это квантовые возбуждения самосознания в Едином Разуме, сознательные агенты которого диссоциируют от целого, как при расстройстве множественной личности. Он описывает основу всей реальности, Единый Разум, метафорически – как поток трансперсональных переживаний, в которых наше личное сознание представляет собой просто локализацию или водоворот в потоке. Лично мой водоворот временами ощущается скорее как эмоциональный и ментальный вихрь, поэтому аналогия мне подходит. Весь опыт – это движение или возбуждение воды, а разум – это матрица, в которой водовороты (индивидуальное сознание), как локализованные паттерны потока воды, состоят только из струек воды (трансперсональное сознание) (стр. 338). Эта концепция вызывает образ нашей индивидуальности, запечатленной в вихревой структуре отпечатков пальцев. Иллюзия личной индивидуальности, отделенной от разума, является результатом этой локализации (стр. 297). В альтернативной аналогии Каструп (2015) описывает разум как страдающий от диссоциативного расстройства личности, в котором мы являемся его «альтер» (стр. 388). Диссоциативное расстройство личности – это психологическое состояние, при котором человек имеет две или более отчетливые и устойчивые диссоциированные личности, часто называемые «альтер» (альтернативная личность). Человек в таком состоянии испытывает непроизвольное переключение между альтернативными личностями, каждая из которых имеет свою собственную индивидуальность, характеристики и поведение. Согласно Каструпу, каждый из нас – отдельная, разобщенная личность Единого Разума. В общем, реальность основана на трансперсональном измерении сознания, в котором мы являемся тем, что Каструп описывает как диссоциированные комплексы (2015, стр. 436).

Каструп (там же) утверждает, что, будучи отдельным диссоциированным комплексом, мы можем иметь представление об опыте в целом только от второго лица. Первоначальный опыт Единого Разума, пульсация в потоке, отражается внутри отдельного водоворота (то есть одного из нас), и наша перспектива от второго лица первоначального опыта – это усиление эха. Это усиленное, отражающееся ментальное содержимое «в конечном итоге запутывает все остальное ментальное содержимое вне водоворота» (стр. 768). Подобно тому, как телевизор может воспринимать только канал, на который он в данный момент настроен, отдельный водоворот испытывает лишь те пульсации Единого Разума, которые отражаются в нем в любой из моментов.

Каструп (там же) продолжает объяснять согласованную реальность как «общую перспективу психической деятельности от второго лица, разворачивающейся в коллективном, запутанном сегменте сознания» (стр. 419). Предположительно, путаница возникает лишь с точки зрения первого лица. Он утверждает, что поскольку все мы разделяем одну и ту же реальность, «особая сюжетная линия», усиливаемая одним водоворотом, всегда должна быть такой же, как сюжетные линии, усиливаемые всеми другими водоворотами (стр. 964). Он признает, что то, как именно происходит синхронизация, «это открытый вопрос» (стр. 964), но это ни в коем случае не неправдоподобно, если учесть, что все водовороты в конечном итоге – это один и тот же поток как целое. Он описывает эту общую историю (согласованную реальность), возникающую из затемненного измерения коллективной психики, как сон Единого Разума. Каждый из нас является диссоциированным изменением Единого Разума, участвующим в коллективном сне (стр. 2654): «Наша индивидуальная психика объединяется на глубоком, потаенном уровне, и на этом объединенном уровне возникает сон согласованной реальности» (стр. 2662). В более ранней работе под названием «Призрачная реальность: погружение

в разум для раскрытия удивительной скрытой истории о природе» (2011) Каструп также постулирует, что реальность – это сон того, что он называет Источником – который, как можно разумно допустить, тождественен с Единым Разумом. Он предполагает, что «...нет различия между процессом восприятия и процессом зачатия... Зеркало восприятия потенциала зачатия Источника – его творение. Поэтому идея объективности может быть иллюзией нашего царства реальности» (стр. 1061). Очевидно, что Каструп, подобно гностикам и ФКД, видит наш мир как иллюзию, подобную сновидению.

Конечно, существует также четкая параллель между взглядом Каструпа (там же) на трансперсональную форму сознания, Единый Разум, в котором мы – индивидуальные, диссоциированные альтернативные личности, и концепцией Юнга о коллективном бессознательном, которая основывается на единоличном сознании, от которого наш эго-разум диссоциировался. Диссоциированные изменения Единого Разума (то есть нас) также можно сравнить с юнгианской концепцией *комплекса* в индивидуальной психике. В юнгианской психологии комплекс – это эмоционально заряженный кластер идей и/или образов, которые накапливаются вокруг определенного архетипа в психике. Когда комплекс констеллируется – активируется из-за какой-то внешней ситуации – результатом является эмоциональная реакция, сопровождаемая физическими симптомами или психическими нарушениями. Неизменно комплексы действуют с такой степенью автономии, что их можно рассматривать как узловые точки в психике или отщепленные части психики, которые действуют в соответствии с их собственной волей и законами, что чаще всего противоречит привычной позиции сознания (Шарп, 2010).

Точно так же, как комплекс является отщепленной частью индивидуальной психики, альтер Каструпа (или водоворот) является отщепленной частью сознания Единого Разума. Другими

словами, комплекс является для индивидуальной психики тем, чем является альтер для Единого Разума. Если это так, то комплекс находится в психике индивида, который сам по себе является комплексом внутри Единого Разума; комплекс внутри комплекса.

Каструп (2011) рассматривает сознание как феномен нелокальной области, в которой опыт каждой сознательной сущности (водоворота) внутри «переживается до бесконечности... как постоянные переживания или квалиа» (стр. 345). Квалиа – это индивидуальный пример субъективного, сознательного опыта. Он также ссылается на шаблоны мышления, которые формируют основные строительные блоки всего, что когда-либо испытывалось (стр. 1243). Соответствия с коллективным бессознательным Юнга и архетипами очевидны, и можно утверждать, что, по сути, Единый Разум Каструпа является коллективным бессознательным, а его паттерны мышления являются архетипами. Действительно, он устанавливает связь между тем, что коллективное бессознательное «в некоторой степени связано с идеей универсальной памяти квалиа» (стр. 411). Совершенно ясно, что теории Каструпа в целом совпадают с теориями Юнга и ФКД. Действительно, мировоззрение Каструпа, похоже, находится где-то посередине между Юнгом и ФКД, что обеспечивает перспективу, которая помогает согласовать некоторые различия.

Яростный противник материалистического мировоззрения, Каструп (2016) утверждает, что последние экспериментальные результаты в области квантовой физики продемонстрировали, что идея о существовании Вселенной «вне», независимой от нашего разума, теперь несостоятельна. Разработки квантовой физики все больше подтверждают идею о том, что не существует вселенной, независимой от сознания, и что наш мир является иллюзией или, по крайней мере, далеко не таким реальным, как принято верить.

Возникшая в 1900 году, квантовая теория сейчас формирует

теоретическую основу большей части современной физики. Физики Розенблюм и Каттнер (2012) отмечают, что квантовая теория, идущая вслед за классической физикой, которая, как теперь известно, представляет собой мировоззрение, имеющее принципиальные недостатки, должна рассматриваться охватывающей классическую физику как особый случай, а не заменяющая ее, поскольку классическая физика делает адекватную работу по объяснению природы объектов больших, чем молекулы, и это – только очень хорошее объяснение их поведения, и из всех сил пытается объяснить явления на атомном и субатомном уровнях. Другими словами, классическая физика удовлетворительно работает только в конечной зоне спектра существования. С другой стороны, квантовая теория прекрасно объясняет квантовые явления, но – по крайней мере, пока – не может объяснить мир более крупных объектов. Возможно, это связано с ограничениями в технологии для наблюдений, а не с какими-либо недостатками в теории (там же). Тем не менее, одна треть экономики США зависит от продуктов, основанных на квантовой механике (стр. 98), и большом количестве современных технологий, основанных на квантовых принципах (стр. 239) – например, лазеров, транзисторов и магнитно-резонансной томографии (МРТ) (стр. 1483). Кроме того, в отличие от своего несовершенного предшественника, с момента своего появления более ста лет назад квантовая теория до сих пор выдержала испытание временем. Розенблюм и Каттнер (2012) утверждают, что это самая «проверенная в бою» теория в науке – без каких-либо прогнозов, основанных на ее принципах, когда-либо доказавших свою ошибочность (стр. 940). Подводя итог, насколько было продемонстрировано до настоящего времени, квантовая теория верна, тогда как классическая физика является лишь приближительной (стр. 533).

Казалось бы, квантовая теория настаивает на том, что физический мир, который мы воспринимаем, фундаментально зави-

сит от нашего наблюдения за ним и, вполне вероятно, от нашего *сознательного* наблюдения за ним. Похоже, что это приводит к неизбежному выводу о том, что наблюдение объекта, находящегося в определенном месте, фактически вызывает его присутствие. Его существование становится действительностью только после сознательного наблюдения, таким образом, по-видимому, отрицая любую физическую реальность нашего мира независимо от нашего наблюдения за ним (стр. 260).

Квантовые эксперименты показали, что малые частицы – хотя, теоретически, и любые объекты – демонстрируют двойственность волновых частиц. В зависимости от выбора эксперимента, маленький объект – например, фотон или атом – может быть показан: а) существующим в виде частицы в определенном месте, б) появившимся в виде волны, распространяющейся по большой площади; но не в двух формах одновременно. Принимая во внимание, что волна частицы может быть рассеяна по чрезвычайно широкой области, когда наблюдатель смотрит в заданное место в этой области, то либо частица будет найдена там немедленно, либо нет (стр. 1337). Таким образом, наблюдение волновой формы потенциально преобразует аналоговое явление в бинарное суждение, в котором если частица была найдена, что-то стало причиной возникновения. Экстраполируя эту идею, мы могли бы считать Плерому аналогом, а созданный мир – бинарным: полюса противоположностей в Плероме могут быть мгновенно колеблющимися, так что мужчина не является мужчиной, а женщина не является женщиной, тогда как сотворенный мир, созданный посредством сознательного наблюдения, является бинарным в том смысле, что для возникновения творения требуется напряжение между дифференцированными противоположностями. Розенблум и Каттнер (2012) подчеркивают, что волна потенциальной частицы в определенной области отражает вероятность ее нахождения в этом месте, а не вероятность ее фактического присут-

ствия. Именно действие по обнаружению частицы в этом месте посредством наблюдения фактически заставляет ее там находиться. Это, как они говорят, хитрая сущность того, что они называют «квантовой загадкой» (стр. 1354). В квантовой теории получается, что вы можете съесть свой кусок пирога или просто съесть пирог, но не одновременно и то и другое. В известной мере это не случай волны или частицы; это случай как волны, так и частицы: два состояния просто не могут наблюдаться одновременно. Древние гностики любили бы квантовую физику.

Розенблюм и Каттнер (2012) продолжают, что хотя сам факт наблюдения существования частицы в определенном месте является субъективным опытом для наблюдателя, ее квантово-вероятностная волна или волновая функция объективны в том смысле, что она одинакова для всех. Следовательно, квантовое описание этого явления не требует никакой частицы в дополнение к волновой функции частицы, так что форма волны частицы объективно является синонимом самой частицы (стр. 1381). Нет фактической объективности существования частицы (стр. 1765). Кроме того, частица одновременно «существует» повсюду, покрытая осциллограммой, пока ее наблюдение в определенном месте не заставит ее существовать в этом месте (стр. 1892). Объективно говоря, физическую реальность имеет только форма волны, а не частица (стр. 1765). Концентрация волны в определенном месте посредством сознательного наблюдения приводит к появлению частицы (стр. 1785), но только для тех, кто наблюдает. Обобщая, форма волны объективна, а частица субъективна. Частица не имеет объективного существования. В ответ на хорошо известный коан: «Если дерево падает в лесу и там никого нет, издает ли оно какой-нибудь звук?», квантовая физика отзывается громким «нет!» – нет, если нет сознательного наблюдателя. Если сознательного наблюдателя нет, то падающее дерево не только не издает никаких звуков, но нет ни дерева, ни леса тоже. Тем не менее, Плерома,

Единый Разум ФКД и Единый Разум Каструпа в целом могут рассматриваться как сознательные наблюдатели с неисчерпаемой возможностью воплощать сны в жизнь, независимо от каких-либо *человеческих* наблюдателей. Итак, падающее дерево издает какой-нибудь звук? Бог услышал его еще до того, как оно существовало. Если – или, возможно, когда – квантовые принципы масштабируются до более крупных объектов, то реальных людей тоже нет! Мы можем существовать только как человеческие формы волны и возникать только тогда, когда нас наблюдают. Опять же, умозрительно экстраполируя эту идею, возможно, мы являемся формами волны в коллективном бессознательном и подпадаем под иллюзию отдельного «я», когда мы наблюдаем нашу конкретную форму волны или, в терминологии Каструпа, мы – акт наблюдения определенной пульсационной установки сознания Единого Разума, приводящего к существованию водоворота. Бессознательное почти неизменно символизируется водой, и это кажется тем более уместным, учитывая выводы квантовой физики относительно волновой природы реальности.

Тот факт, что ненаблюдаемые объекты являются простыми вероятностями, что на самом деле ничто не является реальным до тех пор, пока его не наблюдают, повышает вероятность того, что мы живем в мире снов. Однако Розенблум и Каттнер (2012) не заходят так далеко, а утверждают, что наблюдение создает объективную реальность, которая одинакова для всех остальных (стр. 1809). Тем не менее, это, по-видимому, приравнивает «объективность» к физической данности. Общая иллюзия, хотя на самом деле не данность, в какой-то степени объективна. Квантовая теория, по-видимому, не исключает идею о том, что наше восприятие конкретной объективной реальности фактически является иллюзией. Мы можем предположить это на основе результатов квантовой физики, но мы просто не можем доказать это... пока нет.

На сегодняшний день квантовые эффекты были продемонстрированы только для небольших объектов; однако если квантовая теория верна для объекта любого размера, то более крупные объекты – дома, автомобили, люди – на самом деле не существуют, пока их не наблюдают. Розенблум и Каттнер (2012) утверждают, что мы никогда не видим этого «...сумасшествия с большими вещами. На большие вещи всегда смотрят целеустремленно» (стр. 2112). В самом деле? Кто смотрит на дерево в глубине леса посреди ночи? Оно перестает существовать, когда солнце садится, и мы не можем его видеть? Эйнштейну, например, не понравилась бы идея о том, что луна может перестать существовать, когда он не смотрит на нее (стр. 2323). Эта идея, без сомнения, сбивает с толку большинство людей. Итак, если крупные объекты постоянно наблюдаются, кто является наблюдателем? Для всех объектов нашего мира это, конечно, не человек. Возможно, постоянная иллюзия нашего мира состоит в том, что Единый Разум, или Плерома – или, возможно, архонты – или разум в целом, всегда наблюдают за ними, или компьютер, который управляет Матрицей, всегда онлайн.

Розенблум и Каттнер (2012) предполагают, что труднее всего принять подтекст квантовой теории, заключающийся в том, что процесс наблюдения не только создает настоящую реальность, но и «также создает прошлое, соответствующее этой реальности» (стр. 2302); другими словами, цепочка событий, ведущих к данной реальности, не существует до тех пор, пока эта реальность не станет реальностью. Вывод состоит в том, что благодаря сознательному наблюдению мы можем создать историю, «обратную во времени» (стр. 2302). Это придает больший вес утверждению ФКД, что великий секрет, известный лишь немногим, в том числе Св. Павлу, гностическому Симону Магу, Беме и Бруно, заключается в том, что «мы движемся назад во времени» (2001, стр. 258). ФКД выглядит все более адекватным.

Еще одним любопытным свойством квантового мира является принцип запутывания. Запутывание – это явление, при котором однажды запутавшись, частицы остаются соединенными друг с другом, так что действия, выполняемые над одной, немедленно влияют на другую, независимо от расстояния, разделяющего их: феномен, который так расстроил Эйнштейна, что он описал это как «жуткое взаимодействие на расстоянии». Например, если две частицы перепутаны, то когда наблюдается поляризация одного близнеца (что приводит к тому, что он имеет поляризацию), поляризация другого близнеца устанавливается немедленно, независимо от расстояния между частицами (Розенблюм и Каттнер, 2012, стр. 3453). Любые два объекта, которые когда-либо взаимодействовали друг с другом, остаются запутанными навсегда, что приводит Розенблюма и Каттнера к выводу, что в нашем мире существует «таинственная универсальная связь» (стр. 2821), которая выходит за рамки простой физической. На психологическом уровне эта взаимосвязь может быть не чем иным, как коллективным бессознательным Юнга, а на метафизическом, духовном или психоидном уровне Юнга это будет соотноситься с Плеромой, которая пронизывает все существующее.

Отмечая, что квантовая теория имеет влияние далеко за пределами того, что мы считаем физической сферой как областью науки, Розенблюм и Каттнер предостерегают людей, не являющихся физиками, от включения квантовых идей как аргументов в теории в других областях, предлагая тем, кто делает это, осознавать, что идеи «просто предложены» (стр. 2861) квантовой физикой, а не «получены из нее». Тем не менее, квантовая теория, по видимому, излагает явные намеки на то, что наша так называемая реальность является иллюзией, и что только сознание делает эту иллюзорную реальность существующей. Розенблюм и Каттнер отмечают, что нет никакого способа интерпретировать результаты квантовой физики, не касаясь сознания (стр. 2931). Но мир

науки обычно поставляет то, что часто называют «сложной проблемой сознания», в слишком сложной обертке. Между тем, мы в самом деле зависим от мистиков и мудрецов, от авторов научной фантастики, от мира, не стесненного научными пределами, чтобы исследовать природу первичной реальности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Семя и сноп

Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

От Матфея 13: 31-32, KJV

Основным принципом гностической традиции является то, что внутреннее ядро каждого человека – это искра божественного света. Наши тела и души могли быть вылеплены Демиургом и его архонтами, но наша фундаментальная сущность – это кусочек древнего массива Плеромы. Каноническое «Евангелие от Луки» провозглашает: «Царство Божие внутри вас» (От Луки 17:21, KJV). Точно так же оспариваемое гностическое «Евангелие от Фомы» утверждает, что если бы царство было на небесах (то есть в каком-то трансцендентном царстве «там вверху»), то птицы попали бы туда раньше людей, и если его найдут под морем, то рыба будет там первой. Скорее, Царство Божие как внутри, так и снаружи. Лахман (2015) кратко отражает суть божественной искры, когда описывает ее как «наше божественное наследие, некоторую небольшую часть эманации истинного Бога» (стр. 2360). В «Евангелии от Филиппа» божественная искра сравнивается с

жемчужиной, которая не теряет своей ценности, когда покрыта грязью, и не увеличивается в ценности, когда помазана ароматными маслами. Она остается навсегда драгоценной в глазах ее владельца; сущность божественной искры – это Плерома, и каждая божественная искра, по сути, важна для Плеромы.

Однако из-за ошибки Софии и работы архонтов эта божественная искра стала изгнанной в материальный мир. Для гностиков божественная искра заключена в материю. Известный физик-теоретик Стивен Хокинг описал человеческую расу как химический шлак на планете среднего размера, вращающейся вокруг средней звезды во внешнем пригороде Вселенной. Он считает, что человечество незначительно, и сомневается в том, что Вселенная создана для нашей пользы. Гностики склонны соглашаться с тем, что физическое тело, созданное архонтами, является простым химическим шлаком, но отличие их видения состоит в том, что этот шлак, которым мы являемся, содержит божественную искру. И созданный мир, если не вся Вселенная, не был создан для нашей выгоды. Он был создан архонтами для выращивания человечества.

* * *

Гностическое видение Юнга имеет свою версию в отношении божественной искры. Несмотря на то, что сотворенные существа были отделены от Плеромы, каждое существо, тем не менее, содержит в себе сущность Плеромы. Согласно Юнгу, мы находимся внутри Плеромы, и Плерома также находится внутри нас, что отражает принцип – общий для большинства западных эзотерических школ мысли, но чаще всего связанный с герметизмом – что бесконечность макрокосма отражается внутри конечного микромира. Квази-гностический (или невольный гностик) поэт Уильям Блейк (1757–1827) утверждал, что бесконечность со-

держится в песчинке, повторяя тем самым утверждения древних гностиков – не говоря уже о притче Христа о горчичном зерне, которую Юнг повторял в «Семи проповедях» – что вся Плерома находится в самой маленькой частице, поскольку как бесконечное, так и бесконечно малое, как противоположности, содержатся в Плероме. В «Психологическом комментарии к Тибетской книге великого освобождения» Юнг заявляет, что «душа, несомненно, не маленькая, но сама сияющая Божественность» (1957, стр. 63). Если мы заменим термин «душа» – часто рассматриваемый как божественная, внутренняя сущность человека – на «божественную искру» и отметим, что Юнг упоминает Божественность, а не Бога («Godhead», а не «God»), тогда он фактически повторяет свое гностическое утверждение, что божественная искра, по сути, то же, что и Плерома. Юнг продолжает, что «душа – это свет Божества, а Бог – это душа» (стр. 63). На языке гностиков это означает «Божественная искра – это свет Плеромы, а Плерома – это божественная искра».

Юнг также отмечает отчуждение божественной искры от Плеромы. В своем «Психологическом комментарии к Тибетской книге великого освобождения» (1954) он утверждает, что траектория западной культуры привела к тому, что человеческий разум оказался изолированным от изначального единства со Вселенной до такой степени, что он больше не микрокосм и не образ космического макрокосма. В результате фактор в психике, который действует как посредник между сознательным умом и бессознательным, перестал быть крупницей *anima mundi*, Мировой Души. Другими словами, эго стало отчуждено от коллективного бессознательного, душа оторвалась от Божественности, и, с точки зрения гностиков, божественная искра отчуждена от Плеромы.

* * *

В гностической системе ФКД также присутствует концепция божественной искры. В «Экзегезе», в строке, которая могла прийти прямо из Библиотеки Наг-Хаммади, он заявляет, что «мы – божественные искры, плененные тленными телами» (2011). Он считает, что «безусловно, основным ключом» гностической традиции является «встреча с уже знакомым посреди инопланетного пейзажа» (стр. 15428), в котором индивидуальное, как частичная самость Единой Самости, Единого Разума, Плеромы, распознает нечто, что оно уже видело, другими словами, себя. Знакомое, о котором он говорит – это не знакомое человеческое эго и повседневный мир, это нечто иное, как божественная искра, помнящая себя и как часть, и как целостность Плеромы. Он утверждает, что это основной ключ к философии гностиков, и в этом их гнозис. В другом месте «Экзегезы», прежде чем добавить, что искра равна всему универсальному разуму, он ссылается на изречение «микрокосм содержит макрокосм». Он исходит из понимания, что Бог внутри наблюдает за Богом снаружи, что напоминает высказывание Майстера Экхарта о том, что глаз, которым он видел Бога, был тем же самым глазом, которым его видел Бог. Затем ФКД отмечает, что искра и Бог взаимодействуют друг с другом в диалоге, проходящем через тело – очевидна параллель с осью эго-Самость – и в то время, когда божественная искра общается с Богом, – продолжает ФКД: «Сатана находится за стойкой Макдональдса, заказывает говяжьи гамбургеры и прохладительные напитки в пластиковых стаканчиках, подумывая о том, как сохранить свою власть» (стр. 1424).

С точки зрения своего голографического взгляда на вселенную, ФКД считает, что божественная искра в каждом из нас является фрагментом всей космической голограммы, «неповрежденным гештальтом, но «диммерным» или менее определенным» (стр. 5974). Так же, как фрагмент голограммы содержит всю голограмму, в голографическом представлении божественная искра

как фрагмент Плеромы содержит всю Плерому, только в меньшей степени. Если это звучит как парадокс, то потому, что так оно и есть. Как отмечалось выше, парадокс, по-видимому, является нормой в единоборстве с самыми глубокими тайнами. В другом месте «Экзегезы» ФКД утверждает, что часть голограммы внутри нас – это божественная искра, это то, что подразумевается под термином «Логос», иначе говоря – Христос. Божественная искра – это обитающий в нас Христос.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Самость и гомоплазмат

Я свет, пришедший в мир, и всякий верующий в меня не должен пребывать во тьме.

От Иоанна 12:46, KJV

Хотя прямое внутреннее переживание божественного является обязательным условием спасения в гностической традиции, самого по себе гнозиса недостаточно для обеспечения освобождения и возвращения в Плерому. Гнозис должен служить связующим звеном с эмиссаром, или Спасителем, из трансцендентного царства света, который спускается с вершины, чтобы пробудить человечество от его сомнамбулического заключения в мире тьмы. В христианизированных формах гностической мысли этот эмиссар, конечно же, Христос: «Я свет миру: тот, кто следует за мною, не будет идти во тьме, но будет иметь свет жизни» (От Иоанна 8:12, KJV). Точно так же в гностической литературе Христос был послан, чтобы принести свет в мир. Например, в «Тайной книге Иоанна» Спасителем является свет от света, то есть божественной искры, которая спускается в «глубины тьмы и недра преисподней» (Мейер, 2007, стр. 131), чтобы пробудить человечество от его заключения в тюрьме, которая является «тюрьмой тела» (стр. 131). Согласно «Евангелию от Филиппа», Христос пришел, чтобы исправить падение, которое произошло в начале, то есть когда София допустила ошибку, а Демиург и его приспешники со-

здали материальный мир. Предшествующие Христу воплощения тех, кто приходил сюда из Плеромы, не смогли вырваться и попали в ловушку в мире материи. Затем Христос пришел из Плеромы, принеся оттуда духовную пищу и давая свет жизни всем тем, кто хотел этого, чтобы они не умерли, но смогли избежать мира тьмы. По словам апостола Павла, «В Нем обитает вся полнота Божества» (Колоссянам 2: 9, KJV). В гностических терминах полнота Плеромы проявляется в божественной искре пресуществленного Христа. «Реальность правителей» учит, что Спаситель приходит в этот мир, чтобы раскрыть дух истины. Его миссия – научить человечество всему, иными словами, передавать гнозис и помазывать людей «маслом вечной жизни» (Мейер, 2007, стр. 198). В результате помазанники будут «...освобождены от слепых мыслей. Они попрут смерть, которая исходит от власти. И они поднимутся в бесконечный свет, где пребывает это потомство» (стр. 198). Слепая мысль, о которой идет речь – это заблуждение, что этот тюремный мир архонтов является реальностью. Понятие «попирания» смерти интересно, и оно вполне может быть отголоском одного из высказываний в «Евангелии от Фомы». Ученики спрашивают Христа, когда он им явится, а Спаситель отвечает: «Когда вы разденетесь, не стыдясь, и возьмете свою одежду и положите ее себе под ноги, как маленькие дети, и попрете ее, тогда [вы] увидите сына живого» (Мейер, 2007, стр. 144). Метафорически, наша одежда – это физическое тело, и когда мы сбрасываем оковы материи в архоническом тюремном мире, тогда мы «попираем» смерть и можем подняться в наш истинный дом в царстве бесконечного света. Использование образа одежды – троп из гностической литературы, и он появляется также в «Евангелии от Филиппа», где говорится, что гностики должны быть одеты в совершенный свет. Архонты не могут видеть тех, кто носит тело света, и больше не могут удерживать их в своей мирской тюрьме.

В «Семи проповедях» Юнга нет Спасителя, однако есть некоторые поразительные параллели между Спасителем гностической традиции и одним из наиболее значительных компонентов психологии Юнга – возможно, центральной идеей, лежащей в основе всей его работы – психологическим постулатом, на который он ссылался как на Самость. В юнгианской психологии Самость является как объединяющим, так и упорядочивающим центром всей психики (то есть включает как сознательный, так и бессознательный ум). Так же, как это является центром сознательного разума, Самость является центром всей психики. Юнг описал Самость как «центр тяжести психики». По мнению Юнга, осознание того, что мы гораздо больше, чем наше эгоистическое «я», что на самом деле мы являемся нашей Самостью – это цель жизни. Другими словами, для Юнга самореализация была конечной целью человека. Учитывая, что Самость охватывает как сознательное, так и бессознательное, она может быть пережита частично либо непосредственно в той степени, в которой Самость осознается, либо косвенно, посредством воздействия или посредством символов, возникающих из бессознательного. Бессознательный компонент Самости считается архетипом целостности, который как архетип находится в коллективном бессознательном. Если, как полагает Эмпедокл, Бог – это круг, центр которого повсюду и окружность которого не существует нигде, то по аналогии Самость может считаться центром психического круга, а коллективное бессознательное – его неограниченной окружностью. Тем не менее, считается, что безграничное местонахождение Самости простирается за пределы бессознательного (личного и коллективного) до непсихического (*психиодного*, см. выше) измерения бытия, так что Самость, в конечном счете, является объективной целостностью за пределами психического царства и поэтому невыразима.

Процесс осознания Самости, который Юнг назвал *индивидуацией*, включает в себя примирение и интеграцию всех противоположностей в психике, главным из которых является объединение сознательной и бессознательной частей психики. Однако эту цель следует рассматривать как теоретический постулат, который никогда не может быть полностью реализован, потому что, согласно Юнгу, противоположности внутри бессознательного всегда создают новый материал для примирения и интеграции. Следовательно, в практическом смысле Самость остается неизвестной и непостижимой. Тем не менее, Самость может быть испытана, по крайней мере, до некоторой степени, индивидуальной психикой. В той степени, в которой Самость находится за пределами психики, она может воздействовать на психику только косвенно, влияя на творящую символы функцию психики, согласно теории Юнга, и эти символы, в свою очередь, могут возникать в сознании. Таким образом, можно сказать, что в гностической системе Юнга эмиссар есть не что иное, как символ Самости, который передает свой спасительный гнозис в сознание посредством бессознательного. Примеры символов Самости включают Христа, мандалу, крест и так далее. Тогда увиденную в этом свете, а не спускающуюся с трансцендентных высот царства света, Самость Юнга можно считать эмиссаром из бессознательных глубин. Однако эмиссар сверху и Самость снизу – это одно и то же. В конечном счете, Плерома и коллективное бессознательное едины. Будучи божественным эмиссаром, Самость – это не только краеугольный камень психологии Юнга, но и центр его гностического видения.

В психологии Юнга Самость считается Богообразом, символическим представлением внутренней концептуализации Бога, которая одновременно является центром всей совокупности сознания (сознательного и бессознательного), а также объединением всех противоположностей внутри сознания. В гностической традиции, с другой стороны, Богообраз (то есть образ Бога) –

это не образ невыразимой, предельной Божественности (то есть Плеромы), поскольку он находится не только вне слов, но и вне образов. Скорее, образ Бога, по меньшей мере, в христианизированных формах гностической мысли, является эманацией Плеромы, которая во всех намерениях и целях является эмиссаром, или Спасителем, другими словами, Христом. Точно так же Самость в гностической мысли Юнга в своих положительных аспектах более или менее совпадает с гностическим эмиссаром. Для Юнга архетип Самости иллюстрируется фигурой Христа. Если мы мыслим в терминах психодуховного континуума, тогда Самость – это психологический аспект Христа, а Христос – духовный аспект Самости. Это одно и то же в разных измерениях бытия. Тем не менее, для понимания гностического Христа Юнга или его обновленного Христа крайне важно то, что он отличается от традиционного христианского Христа в одном очень важном аспекте. Бесспорно, в самой яростной критике ортодоксального христианского богословия он осудил Христа как лишенного целостности из-за того, что он олицетворял только свет и не содержал в себе ничего, что можно было бы даже отдаленно считать тьмой. Юнгианская мысль, в значительной степени основанная на его гностическом видении, «Семи проповедях», пронизана слиянием противоположностей, и Гностический Христос не является исключением. В отличие от традиционной фигуры Христа, которая является полностью доброй, Христос Юнга также должен был воплощать зло. Отвергая христианскую доктрину *privatio boni* («лишение блага» – лат.), которая утверждает, что зло само по себе не субстанционально, а есть просто отсутствие добра, Юнг, как отмечалось выше, рассматривал зло как нечто субстанциональное и имеющее силу в мире и психике человека, как и добро. Противоположности основаны друг на друге. Нет добра без зла, нет света без тьмы. Следовательно, если есть надежда на восстановление божественного единства, то гнозис Юнга тре-

бовал, чтобы переосмысленный Христос воплощал в себе и добро, и зло – в отличие от христианского Христа, очищенного от зла, которое теперь несет его брат Люцифер. Юнг напомнил нам психодуховный закон, высказанный апостолом Павлом, который гласит: «...когда я делаю добро, зло присутствует со мной» (Римлянам 7:21, KJV).

Коварное следствие доктрины *privatio boni*, согласно Юнгу, в сочетании с полностью благодатным Богообразом заключается в том, что оно приводит к утверждению, что все доброе исходит от Бога, а все зло приписывается человечеству. Потому что при отсутствии какой-либо субстанции для зла все плохое, что приписывается Люциферу, Сатане, дьяволу, находится только в личности. По мнению Юнга, это несправедливо обременяет человечество отверженной от Богообраза тьмой, в которой Христос, в некотором роде похожий на гностического эмиссара из царства света, становится посредником между противоположными полюсами трансцендентного, совершенного доброго Бога падшего человечества, рожденного во грехе. Однако не носитель спасительного гнозиса, а Христос (Самость) становится не только посредником, но и локусом в психодуховном царстве, где необходимо примирить, интегрировать и в конечном итоге превзойти все противоположности: сознательное и бессознательное, Самость, зло и тьму.

Последний момент, на который следует обратить внимание в этом контексте, относится к тому, к чему ведет психологический предикат Самости – хотя это редко, если вообще когда-либо упоминается в юнгианском своде (насколько известно автору) – а именно, что в конечном итоге существует только Единая Самость. Моя Самость – это ваша Самость; они одно и то же. Мы можем переживать эту Самость по-разному и иметь с ней совершенно разные отношения, но, тем не менее, это Единая Самость. В этом отношении Самость может быть уподоблена кристаллу с бесчи-

сленным количеством граней. Самость каждого человека – это всего лишь индивидуальная грань кристалла, Единой Самости. Единый Разум существует; Единая Самость существует, и эта Единая Самость является полнотой Плеромы.

Мы могли бы считать, что индивидуальная Самость немного напоминает рецепторный участок на поверхности клеточной мембраны, в котором процесс индивидуации или самореализации включает в себя эго – внеклеточную молекулу в нашей аналогии – связывающую рецепторный участок индивидуальной Самости на поверхности клетки с Единой Самостью (рис. 12).

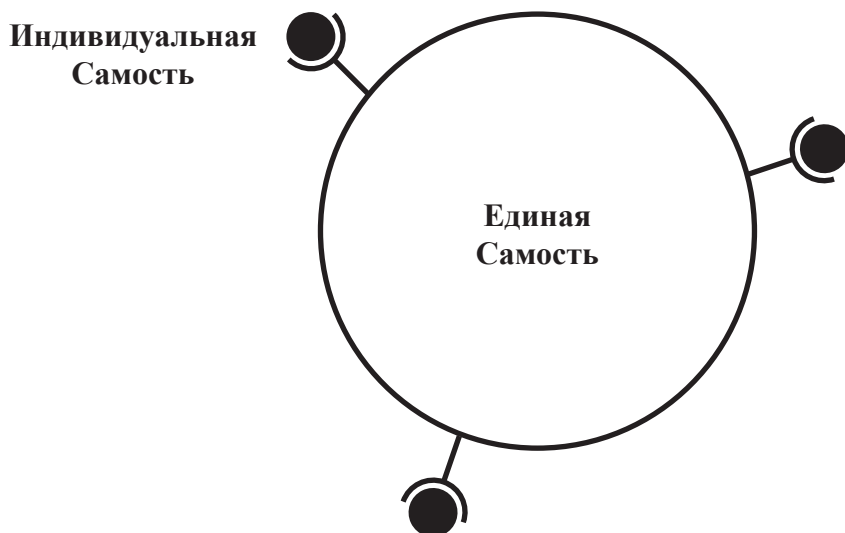

Рисунок 12. Единая Самость.

Индивидуальная Самость – только аспект Единой Самости.

В гностической системе ФКД концепция эмиссара или его эквивалента также является центральной. В своей «Экзегезе» он признает, что его до некоторой степени охватывает идея «доброго незнакомого Бога, вторгающегося в наш запутанный хаотический мир» (2011, стр. 4839). Он был убежден, что из-за грубого, неверного восприятия истинной природы «реальности» и человечество как вид, и планетарная экосистема больны и остро нуждаются в «божественном докторе-сущности» (стр. 6279), чтобы исцелиться. В «Трактате скрытых писаний» ФКД упоминает этого духовного врача, другими словами, своего гностического эмиссара, под неологизмом «*плазмат*» – это бессмертная форма энергии, которую он определяет как живую информацию и которую отождествляет со Святым Духом. Посредством процесса, который он описывает как перекрестное связывание, плазмат может объединяться с человеком так, что человек постоянно присоединен к плазмату, что приводит к (снова неологизм ФКД) «*гомоплазмату*», бого-человеческой сизигии. Этот процесс, по мнению ФКД, был начат Христом и может рассматриваться как рождение Духа свыше. Таким образом, как и у гностиков до него, но в отличие от Юнга, эмиссар ФКД приходит сверху. Согласно ФКД, плазмат как семя живой информации почти два тысячелетия бездействовал в погребенных кодексах Библиотеки Наг-Хаммади, и для ФКД в этом раскрывается истинное значение притчи Христа о горчичном зерне – скрытом семени гнозиса, надолго похороненном в Верхнем Египте и обнаруженном в 1945 году, семени, которое может вырасти в дерево, достаточно большое для того, чтобы новое поколение гностических гомоплазматов могло вернуться домой и жить. Понятие гомоплазмата у ФКД, а также самореализация Юнга и «стыковка» с Единой Самостью – напоминают слова апостола Павла:

Я распят с Христом: тем не менее, я живу; но не я, но Христос живет во мне; и жизнью, которой я сейчас живу во плоти, я живу по вере Сына Божия, который возлюбил меня и отдал себя за меня.

Галатам 2:20, KJV

Истинный христианин становится Христом, индивидуальный юнгианский гностик осознает Самость, а ФКД-гностик становится гомоплазматом.

ФКД продолжает, что посредством перекрестной связи возникает «межвидовой симбиоз», при котором плазмат – предположительно, мужское начало, хотя и не сформулированный таковым – как энергетическая форма живой информации путешествует по зрительному нерву в шишковидную железу человеческого мозга, которую он затем использует в качестве женского начала (хоста), в котором объединение мужской и женской полярностей производит активную форму плазмата (2001, стр. 260). Именно через это действие плазмата как эмиссара свыше, ВАЛИС, аналог Плеромы у ФКД, передает свой гнозис.

ФКД описывает плазмат «таинственным, как ртуть» (2011, стр. 8339), таким образом, сознательно или неосознанно связывая свою концепцию плазмата с римским богом Меркурием и его греческим аналогом Гермесом. Гермес считался посланником или эмиссаром богов, действующим в качестве связующего звена между Небом и Землей и посредника между богами и человечеством. Точно так же Юнг считал Гермеса символом посредничества между сознательным разумом и бессознательным. Таким образом, и для ФКД, и для Юнга гностический эмиссар связан с Гермесом.

Близко к словам «Евангелия от Матфея» – «Перешеек – это врата, и узок путь, ведущий к жизни, и немногие найдут его»

(Матфея 7:14, KJV), ФКД выражает мнение, что путь к окончательному освобождению – долгий, узкий, трудный путь (2011), и что эмиссар сверху, такой как Христос, является незаменимым проводником.

Без эмиссара мы бы слепо бродили по пустыне, и ФКД продолжает, что эмиссар инициирует процесс воссоединения с божественным. Точно так же в сюжете «Божественного вторжения» (2008) Бог был изгнан с планеты Земля, которая теперь захвачена силами тьмы. Эмиссару, несущему в себе Бога, необходимо спуститься на Землю, чтобы восстановить божественный порядок, пробуждая людей к тому факту, что они являются заключенными в нижнем царстве. Спаситель необходим, чтобы «взорвать стены [тюрьмы], разорвать металлические ворота, чтобы разорвать каждую цепь» (стр. 133). В гностическом видении ФКД Христос не стал жертвой, чтобы искупить наши грехи; он пришел как архетипический, бессмертный человек, чтобы показать нам путь (назад) к бессмертию. С точки зрения голографического взгляда на Плерому, роль Спасителя заключается, во-первых, в том, чтобы на практике продемонстрировать ее реальность, а во-вторых, в устранении заблуждения в том, что наш мир реален, показав, что на самом деле он является иллюзией (2011, стр. 9324).

* * *

Два человека были в конфликте, который иногда был довольно жестоким, но все же мультяшным. Конфликт разрешен и теперь они друзья. Один из них теперь является государственным служащим, а другой – отшельником, принявшим более простой, созерцательный и устойчивый образ жизни. Правительственный чиновник приходит к отшельнику за помощью, и из своей медитативной кельи или пещеры отшельник советует ему, что его простые спосо-

бы могут обеспечить людей едой, когда мировые системы дадут сбой или сломаются. Отшельник, похоже, мой отец, и, посетив своего отца в городе, я иду навестить маму и сестер. Моя мама (во сне) индийская женщина. Я обнимаю ее, и она говорит мне, что у нее новая машина. Она могла выбрать из множества цветов, и она выбрала розовый.

Журнал сновидений автора, январь 2017 г.

Однажды ночью, во время написания этой книги, я запросил сон, в котором комментируется роль гностического эмиссара. У этого сна неожиданный результат. Его содержание – в основном, личный материал; однако если я попытаюсь интерпретировать его в контексте темы данной главы, то, возможно, он предоставит некоторую информацию, которая имеет отношение к делу. Сон подсказывает, что Дух может быть получен только путем ухода из мира, будь то временно – например, в повседневной созерцательной практике – или более продолжительным образом отрешения. Это созерцание Духа из места отвлечения обеспечивает необходимое духовное питание для тех в современном мире, в ком внутренняя организация в значительной степени противоположна духовной жизни. Дух не от этого мира. От мира, но не от этого. Темноволосая (индийская) женщина с розовым (автомобилем) сразу же заставляет меня вспомнить о темноволосой женщине в опыте ФКД «2-3-74», чья подвеска с рыбой выпустила в него луч розового света. В гностической системе ФКД гнозис (то есть спасительная информация) передается человеку через розовый луч, запущенный из ВАЛИС, Всеобъемлющей Системы Активного Живого Интеллекта, которая, по сути, является Богом. Таким образом, с точки зрения ФКД, эмиссар, то есть Христос или Дух, обозначенный мужским началом в гностической традиции, не спускается как таковой, а скорее отправляет гностическую ин-

формацию извне этого мира. Напротив, душа, обозначенная как женское начало, символизируемая матерью Софией и ее дочерьми, находится в мире очень долго (рис. 13). Отношения между духом и душой будут более подробно рассмотрены в следующей главе.

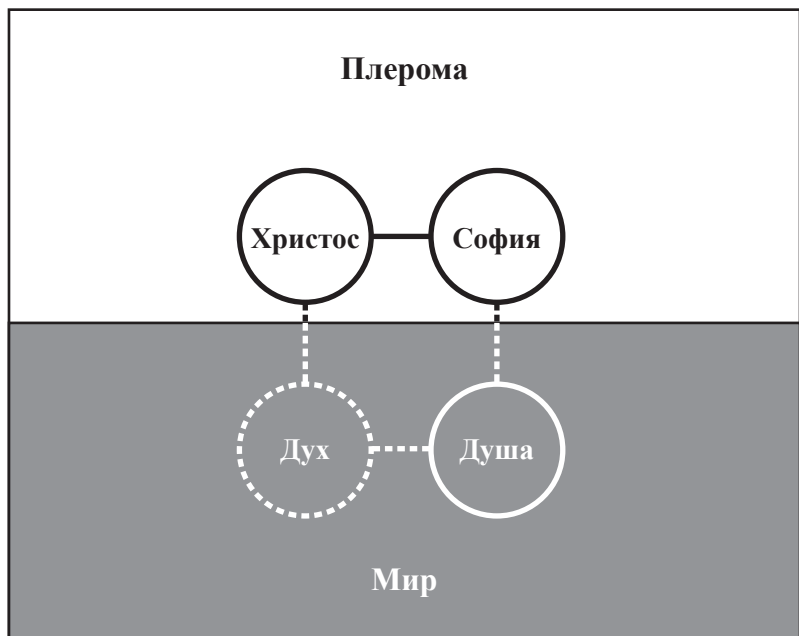

Рисунок 13. Дух от мира, но не от этого мира.

В одном из вариантов видения ФКД считает, что все мы принадлежим одной космической сущности или Богу, и что мы как творцы создали этот поддельный мир и затем добровольно вошли в него. В данном видении ФКД наш спуск в мир-тюрьму был результатом волевого действия, в отличие от гностического представления о том, что мы были заключены здесь про-

тив нашей воли. Это напоминает миф Платона или Эр, в котором перевоплощающиеся души пьют из реки Лета (реки забвения), побуждающей их забыть о своих предыдущих воплощениях в следующей жизни. В видении ФКД мы охотно забыли свою личность, пострадавшую в мире из-за нашей амнезии, прежде чем натолкнуться на подсказки, которые были преднамеренно выдвинуты создателем, чтобы пробудить нас к истине, «когда все становится слишком грубо – или более глубоко, чтобы установить ограничивающий фактор в путешествии преднамеренного самобмана и заключения в тюрьму, чтобы оно окончательно закончилось (свист в нужный момент)» (2011, стр. 8395). Эти подсказки были оставлены с помощью «хитрости», создатель знал, что в конце концов они будут найдены, напоминая ему о том, кто он на самом деле, что созданный мир – иллюзия, и что он заключен в нем (стр. 8361). Причина, по которой у создателя была такая возможность, заключалась в том, что он мог проникнуть в творение на всех уровнях с помощью божественности, не осознавая, что он это делает (стр. 8449). Почему именно создатель будет чувствовать необходимость в этом, ФКД не дает адекватного объяснения. В этой конкретной метафизической схеме мы едины с Богом, мы – создатели, и мы являемся архонтами, но, как это ни парадоксально, также спасателями и теми, кого нужно спасти. *Salvador salvandus* («для Спасителя» или «для того, что должно быть спасено» – лат.), как ФКД любил выражаться. Когда мы осознаем природу Христа в себе, мы одновременно и Спаситель, и спасенный; не два, а один. «Я и Отец мой Едины» (От Иоанна 10:30, KJV). ФКД утверждает, что в этом одно из его главных прозрений за годы дешифровки опыта «2-3-74». Его исследование привело к пониманию, что он един с Богом. В этом гнозис ФКД. Он утверждает, что высшее осознание, которое может иметь человек, это то, что он – Бог (2011, стр. 8387). Каждый из нас является Богом или, по крайней мере, может им быть. Коллективно мы – Единый,

а индивидуально – микрокосм Единого.

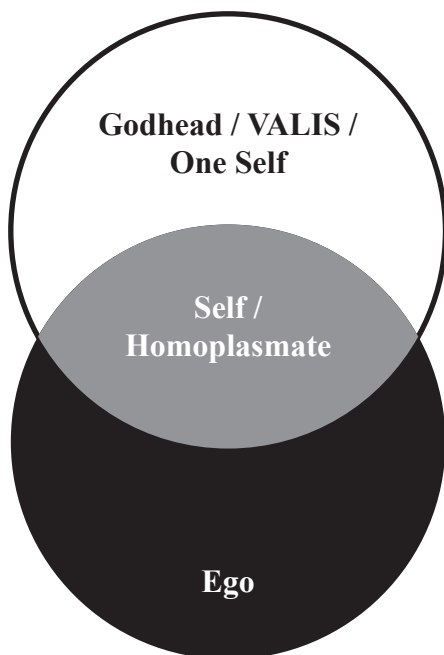
Идея не нова: создатель претворяет существование мира, а затем каким-то образом входит в него и подвергается его ограничениям, так что существуют два аспекта создателя – неограниченный во внешнем сотворении и ограниченный во внутреннем сотворении. Каструп (2016) приводит ряд примеров из мировой мифологии для этой же концепции. Например, у одного коренного австралийского народа есть миф о божетворце Кароре, который видит сотворение мира во сне. Затем он просыпается внутри своего собственного сна и становится объектом его ограничений. Во время сна следующей ночи Карора направляет сон на новые аспекты мира, прежде чем проснуться, еще раз во сне. Каструп отмечает чередование двух разных состояний сознания: состояние сновидения с неограниченной способностью творить и состояние осознанного сновидения в самом сне, где силы Кароры очень сильно ограничены. Каструп приходит к выводу из этого мифа – и других, которые он цитирует – что: а) наша Вселенная является ментальным творением (например, сон, иллюзия или мысль, в зависимости от конкретного мифа); б) вообразив существование Вселенной, Создатель входит во Вселенную. Эти мифы учат тому, что вместо того, чтобы считать Вселенную «вне», независимой от разума, ее нужно признать находящейся в разуме Бога как продукт божественного воображения. Таким образом, Вселенная может рассматриваться как сон Бога, в который он входит, чтобы испытать свое собственное творение. Живые существа – не что иное, как бесчисленные проникновения Бога в творение (там же). Как божественная искра Плеромы, микрокосма от макрокосма, люди делают это же каждую ночь. Во время самого глубокого сна мы едины с создателем вне сновидения, а затем мы «просыпаемся» в мир сновидений согласованной «реальности». Согласно Корнелии (2014), известный мифолог Джозеф Кэмпбелл (1904–1987) поддержал эту точку зрения, говоря о жизни как о великом сне

одного сновидца, в котором персонажи сновидения (мы) также видят сны (стр. 1001).

* * *

Если наложить гностические схемы эмиссаров Юнга и ФКД, подчеркивающие их связь с верхним царством Божества (Плеромы)/ВАЛИСа (Единого Разума) и сотворенным миром, в котором находит себя человеческое эго, это может привести к следующему (рисунок 14):

**Pleroma /
One Mind**

The World

Рисунок 14. Наложение эмиссаров Юнга и ФКД.

В конце своей книги «Трактаты» ФКД заявляет, что несмотря на множество имен, которые у нас могут быть, есть только один Бессмертный, который приходит в качестве эмиссара, и мы являемся этим существом, подобно тому, как у Юнга на самом деле существует только Единая Самость.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дева и блудница

Маленькая Алиса упала в дыру, ударилась головой и ушибла душу.

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране Чудес»

Дискуссии с участием терминов «дух» и «душа» могут быть двусмысленными и непоследовательными, а зачастую и неоправданными. Когда один комментатор использует «дух», другой использует «душу» для обозначения, по-видимому, одного и того же. Они используют термины, которые на редкость взаимозаменяемы, как если бы они были синонимами. Например, Оксфордский словарь английского языка, который действительно должен содержать более четкие знания, определяет «душу» как духовную часть человека! Без сомнения, большая часть путаницы связана с невыразимой природой того, для выражения чего термины используются. Однако во многих случаях их взаимозаменяемое использование – просто литературная лень. Это различие между духом и душой было фундаментально важным для гностиков, и мне кажется, что здесь требуется внести ясность.

Душа чаще всего воспринимается как жизненный фактор в человеке (или в животном), который уникален для каждого и определяет его индивидуальную сущность. С другой стороны, дух, как правило, является элементом или, возможно, средством, посредством которого человек связан с божественным. Билл Плот-

кин, исследователь дикой природы, экотерапевт и глубинный психолог с юнгианскими взглядами, предоставил полезный дискурс по этому вопросу, включая определения «духа» и «души», весьма важные в любом обсуждении, включающем данные термины. Плоткин (2003) определяет душу как «жизненное, таинственное и дикое ядро нашего индивидуального «я», сущность, уникальную для каждого человека, качества, обнаруживаемые в слоях самости намного более глубокой, чем наши личности» (стр. 25). Душа – это сущность каждого человека. Она носит личный характер и представляет собой индивидуальность человека и все, что является уникальным в этом человеке. В самой сути нашего существа наша душа – это наше самое внутреннее «я», наше истинное «я», в отличие от человека, с которым мы обычно отождествляем себя и которого подаем миру. А дух Плоткин определяет как «единую, великую и вечную тайну, которая пронизывает и одушевляет все во Вселенной и все же превосходит все» (стр. 25). В отличие от души, дух безличен, является общим для всех людей и образует матрицу нашего коллективного космического гражданства. Если душа – это существо с бытием, тогда дух – это бытие. Часто считается, что он приходит «свыше», но дух в равной степени находится внутри. Он одновременно трансцендентен и имманентен. Он содержит все и даже пронизывает все. Если определение духа звучит во многом как определение Плеромы, то это потому, что он во многом похож на Плерому; Плерома известна как Великий Невидимый Дух. Продолжая различие между духом и душой, Плоткин отмечает, что «душа охватывает и призывает нас к тому, что является наиболее уникальным в нас. Дух охватывает и привлекает нас к тому, что является наиболее универсальным и общим» (стр. 25). Используя грубую (очень грубую) аналогию, мы можем уподобить душу нашему индивидуальному телевизору, а дух – телеканалу, на который мы все можем настроиться. Попросту говоря – один дух, много душ, где, как говорит Плоткин, «каждая

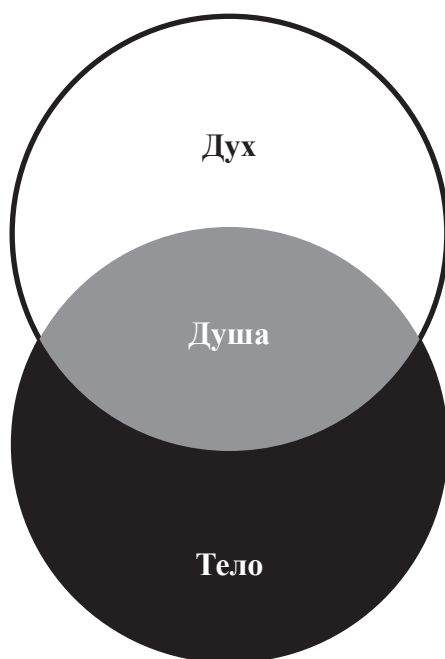
душа существует как агент для духа» (стр. 25).

Принимая во внимание, что между взглядами гностиков о духе и душе и обобщениями, приведенными выше, существует ряд точек соприкосновения, в этой главе будут рассмотрены некоторые заметные различия.

* * *

Эндрю Филип Смит, автор ряда книг на тему гностицизма, в том числе работы, посвященной гностическим текстам о душе, определяет душу с точки зрения гностицизма как «наиболее существенный человеческий элемент, находящийся в равновесии между материальным и божественным, между телом и духом» (2008, стр. 27). Таким образом, он представляет трехчастную модель, состоящую из тела, души и духа, которая типична не только для гностических систем, но также преобладает как в западной философии, так и в христианской мистике (рис. 15). Например, в словах апостола Павла: «И сам Бог мира полностью освятит вас; и я молю Бога, чтобы весь ваш дух, душа и тело были сохранены» (1 Фессалоникийцам 5:23, KJV).

Дух целиком и полностью принадлежит Плероме, поскольку Плерома проникает в сотворенный мир, и дух – оживляющий все существа – фактически идентичен Плероме. Тело, с другой стороны, целиком принадлежит миру материи. Душа, существующая на пересечении духа и тела, но имея принципиально отличную от них природу, тем не менее, может с ними взаимодействовать и, следовательно, выполнять роль посредника между ними. В контексте духа, являющегося нашей связью с божественным, в гностической традиции дух или, точнее, частица духа, которая живет в человеке и оживляет его, идентична божественной искре. «Дух сам свидетельствует с духом нашим, что мы дети Божии» (Римлянам 8:16, KJV).

*Рисунок 15. Трёхсторонняя природа человека:
дух, душа и тело.*

Некоторые гностические системы считали, что существует три категории людей, соответствующих этим трем компонентам человеческого существа: гилик (от греческого слова *hyle*, означающего «материя»), психик (от греческого слова *psyche*, означающего «душа»), и пневматик (от греческого слова *pneuma*, что означает «дух»). Смит справедливо полагает, что вместо того, чтобы рассматривать эти три типа людей как образующие некую кастовую систему, даже если подобное и действительно существовало, категоризация отдельного человека зависит от того, на каком аспекте трехстороннего характера этот человек сфокусирован. Гилик укоренен в телесном и мире чувственных восприятий, психик

добавляет осознанности и вовлеченности в психологический процесс, в то время как основные проблемы пневматика – духовные. Тем не менее, эти классификации должны рассматриваться с двумя важными оговорками. Во-первых, мы надеемся, что в течение жизни фокус человека смещается с преимущественно гилического существования, которое ничем не лучше жизни животного, на все более интенсивное совершенствование духовной жизни. Во-вторых, внимание человека может и, по необходимости, должно уделять внимание разным сферам от момента к моменту (Смит, 2008). Независимо от того, в какой степени человек достиг гнозиса, при медитации человек сосредоточится на гораздо более пневматическом подходе, чем при более гилической деятельности по выбрасыванию мусора. После моментов переживания гнозиса, которые, несомненно, являются относительно короткими по продолжительности, даже самые пневматические из гностиков должны вернуться к рутинной работе по рубке леса и ношению воды.

В «Реальности правителей» архонты создали первое человеческое тело из земли. Позже Демиург дует в человека, давая ему душу. Однако имея только архоническую душу и земное тело, человек безжизненен, и только когда Дух спускается с «адамантовой земли», другими словами, из Плеромы, и поселяется в человеке, душа оживляется. Душа может оживить тело, но душа нуждается в духе, чтобы оживить его. Без духа душа – безжизненная душа.

«Реальность правителей» продолжает, что архонты пришли к первому человеку, Адаму, и они «вырезали из его бока... подобие живой женщины» (Мейер, 2007, стр. 192), прежде чем залатать его бок плотью там, где было ее место. В результате Адаму не хватает духа, и теперь он наделен только душой. Это говорит о том, что духовная сторона – названная Евой – изначально андрогинного Адама была удалена, в результате чего Адам был разделен. На данном этапе было бы и упрощенно, и ошибочно предполагать, что этот конкретный гностический текст обозначает

душу как мужчину, а дух как женщину. Здесь представлено нечто более тонкое: когда полюса-близнецы (мужчина/женщина) первоначального андрогинного единства разделяются и проявляются в материи, они теряют свою духовную природу и понижаются до более низкого уровня существования, уровня архонической, животной души. Миф был рассказан с мужской точки зрения – его автором, несомненно, был мужчина. Если бы он был рассказан с точки зрения женщины, то, вполне возможно, что она постулировала бы изначальную Еву, которая теряет свою духовную сущность, когда ее андрогинная природа расколота надвое, в результате чего Адам был удален из ее бока.

Впоследствии Ева, духовная женщина, приходит к Адаму, и он говорит: «Ты [Ева] дала мне жизнь. Ты будешь называться матерью живых» (Мейер, 2007, стр. 193). Воссоединение духа и души, восстановление изначальной сизигии порождает жизнь. Без воссоединения обоих близнецов сизигии духовной сущности не хватает, они просто души, и не более чем живые мертвецы. В этом суть гностической сотериологии.

«Происхождение мира» также учит, что первый человек, Адам, был создан архонтами с телом и душой, но без духа, и поэтому ему не хватает настоящей жизни. Он был «безжизненным сосудом, поскольку был сформирован как абортированный плод без духа» (Мейер, 2007, стр. 213). В сороковой день София подула на Адама, и этим оживила его. Однако он может только ползать по земле и не может встать. Смит (2008) отмечает, что неспособность Адама встать символически означает, что, не имея духа и имея только душу, которая считается для духа более низким уровнем существования, он не способен подняться выше уровня материи. Затем София отправляет свою дочь Зою (*Zoe*, что по-гречески означает «жизнь»), которую в ее земном воплощении называют Евой. Ева пришла наставлять Адама, как сделать, чтобы «дети, которых он породит, могли стать сосудами света» (стр. 214). Ева

велит Адаму ожить и встать с земли. Сразу же по ее приказу Адам встает, открывает глаза и – как в «Реальности правителей» – обращается к ней как к «Матери живых», которая дала ему жизнь.

В корпусе гностической литературы, составляющей Библиотеку Наг-Хаммади, единственный текст, посвященный исключительно путешествию души – это, как следует из названия, «Экзегеза о душе». Учение выражено в ярких сексуальных образах – в частности, включает сексуальную распушенность – и в соответствии с этой темой Скопелло (2007) отмечает в своем вступлении к тексту, что существует три ключевых момента жизни души: а) ее изначальная девственность, за которой следует б) ее проституция на Земле и, наконец, в) ее искупление и возвращение в Плерому.

В тексте говорится, что пока душа, которая выражена как женское начало, была лишь с Отцом, она была девственной и андрогинной. Другими словами, до тех пор, пока чистота первичной сизигии (женская душа, мужской Отец) была неповрежденной, душа оставалась цельной и пребывала в Плероме. Однако по неустановленным причинам душа пала в физическое тело и вошла в человеческое существование. В гностической традиции падение – это разрыв мужского и женского единства. Следовательно, душа, потеряв свое чистое состояние, погружается в материальный мир, где попадает в среду воров, бесстыдных людей, которые оскверняют ее, насилуя или соблазняя дарами. Теперь оскверненная, лишенная своей первоначальной чистоты, она отдает себя как шлюха всем, кто оскорбляет ее. Она уступает им, как будто бы они ее хозяева. Взамен она ничего не получает от своих обидчиков «за исключением грязи, которую они оставляют, когда занимаются с ней сексом» (Мейер, 2007, стр. 227). Потомки, проистекающие из ее распушенности, «...немы, слепы и болезненны. Они недужны» (стр. 227). Следует отметить, что сильные сексуальные образы являются чисто аллегорическими и не должны восприниматься буквально. Действительно, «Экзегеза

о душе» ясно показывает, что речь идет о проституции ума, а не о проституции тела. Барнстоун и Мейер (2003) напоминают нам о словах Св. Павла, которые были приведены выше, но заслуживают повторения здесь: «Мы боремся не против плоти и крови, но против княжеств, против сил, против правителей тьмы этого мира [то есть архонтов], против духовного зла на высотах» (Ефесянам 6:12, KJV). В том же духе «Апокриф Иакова» утверждает, что тело не может грешить без души. Тогда как дух может спасти душу, тело может убить душу; однако причиной смерти является привязанность души к телу. Так что, по сути, материально зависящая душа убивает себя. В отличие от пуританских христиан, гностики не имели отвращения к телу *как таковому*. Не тело могло быть испорчено или подвержено греху, а душа.

Возвращаясь к «Экзегезе о душе», действия души – отдавать себя (охотно) всем тем, кто оскверняет ее, становиться их рабами – означают, что душа была соблазнена отвлечениями материального мира. Материализм, плотское и удовольствия чувств стали ее хозяевами, а она – их рабыней. Пристрастившаяся к страстям души и плоти, она оказалась в ловушке мира теней. Для гностиков безделушки материального мира – это ловушки, которые связывают душу с оковами материи. Ничто из того, что блестит в этом мире, не является золотом. Для того чтобы спастись, душа должна отказаться от своего «прежнего блуда и... секса со всеми, кого бы она ни захотела» (стр. 230), и только после того, как она «очистится от загрязнения прелюбодеями», она станет живой. Однако душа не в силах зачать сама. Как София нуждается в своем мужском спутнике для гармонии творения, душа нуждается в мужской паре. Будучи только одним близнецом пары противоположностей, душа не способна порождать жизнь. Необходима ее полярная противоположность, и поэтому ее супруг отправляется из Плеромы в пустоту царства материи, чтобы спасти падшую душу, заключенную в плен архонтами. Ее Спаситель упоминается

как «жених», а душа — как «невеста», это символически указывает на союз духа и души, который так важен для гностической сотериологии. Этот мистический брак происходит в так называемом «брачном чертоге». «Евангелие от Филиппа» отмечает, что животные, рабы и оскверненные женщины не могут войти в брачный чертог: он предназначен для свободных мужчин и дев. Если мы посмотрим поверх очевидного сексизма, то увидим, что в этом утверждении есть глубокая эзотерическая доктрина. Животные души, которые поработочены своими пристрастиями к отвлечениям мира и которые в угоду им занимаются проституцией, отстраняют себя от ритуала мистического брака. Только те, кто освободился от оков телесности и достиг чистоты живого духа, могут войти в брачный чертог.

Жених является не только обрученным с невестой, но и ее старшим братом, который, согласно Смит (2008), является эзотерическим признаком того, что воссоединение духа и души — это новый опыт и, в то же время, восстановление утраченной души, неотъемлемое право. Дева становится шлюхой, прежде чем вернуться к своей прежней чистоте в Плероме. Смит предполагает, что эта мистическая свадьба духа и души в брачном чертоге является целью гностика, и что такой союз является исполнением гнозиса. Я бы пошел дальше и предположил, что конечной целью гностика является возвращение к Плероме, а союз духа и души является средством ее достижения. Согласно «Экзегезе о душе», воссоединение духа с душой в брачном чертоге — это истинное воскресение из мертвых, освобождение от контроля над архонтами, освобождение от испорченного мира и возвращение в Плерому.

Здесь должно быть ясно, что именно душа, а не человек, является женщиной. Душа — женщина, независимо от пола того, в ком она находится. Тем не менее, природа противоположностей заключается в том, что они имеют значение только в отношениях

друг с другом. Если мы определяем душу как женщину, то это косвенно означает, что она является женщиной по отношению к кому-то другому, то есть относительно мужчины. В этом случае душа является женским аспектом по отношению к духу, который, соответственно, обозначается как мужской аспект.

Согласно Скопелло (2007), душа в книге «Экзегеза о душе» представляет каждого гностика, мужчину или женщину, которые читают текст и видят, как их собственная история жизни символически отражена в мифе. Земное пребывание гностической души, образно говоря, проходит от первозданной девственности через спуск к проституции до возвращения к девственности. Это некое идиллическое блаженство невежества в Плероме перед падением в материю и болью невежества в мире теней, а затем возвращение к блаженству гнозиса после восстановления в Плероме. Это возвращение души вызывает мысль о возрождении и напоминает слова Христа Никодиму:

Иисус сказал:

– Если человек не родится свыше, он не увидит Царства Божия.

Никодим говорит ему:

– Как человек может родиться, когда он стар? Может ли он во второй раз войти в утробу матери своей и родиться?

Иисус ответил:

– Если человек не родится от воды и Духа, он не может войти в Царство Божие. То, что рождено от плоти, есть плоть; и то, *что рождено от Духа, есть дух*.

Ин. 3:3-6, KJV

У этого эзотерического учения может быть несколько оди-

наково обоснованных толкований, и одно из возможных объяснений состоит в том, что упоминаемая вода – это вода, которая отражает, *эннойя*, первая мысль божественного мыслителя, первый образ Бога, и, если Бог назначен мужчиной, является его женской копией. Другими словами, любой, кто рожден от воды и Духа и живет духовно, а не на уровне материи, является божественным ребенком Матери-Отца.

В гностической традиции душа имеет двойственную природу: божественный аспект, или живая душа, которая исходит от Плеромы, и материальный аспект, или животная душа, которая исходит от архонтов. Душа не считается изначально «более низкой», чем дух, просто она в своем животном состоянии существует на более низком уровне существования, и ее задача состоит в том, чтобы подняться до уровня духа, воссоединиться с ним и таким образом вернуться в Плерому. «Реальность правителей» отмечает, что архонты слабы и что то, что принадлежит только душе, не имеет власти над духом. Поэтому животная душа, дарованная людям архонтами, не может постичь то, что от духа. Текст продолжает, что архонты находятся снизу, но изображение неподкупности – которое архонты пытались воспроизвести как душу животного и не сумели воспроизвести – сверху. «Авторитетный дискурс» особенно резок в отношении падшего состояния души. В нем говорится, что когда душа, первоначально находившаяся в состоянии, описанном как «духовная душа», была брошена в тело, она стала родственником вождения, ненависти и зависти, другими словами, она упала до уровня материальной души. Тело происходит от вождения, а вождение – от материальной сущности. Даже если всего лишь похотливая мысль входит в разум чистой души, эта душа уже потеряла свою чистоту и стала загрязненной. Это явное эхо христианской максимы, согласно которой «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем» (Матфея 5:28, KJV). «Дискурс»

продолжает, что оставив позади гнозис Плеромы, душа стала животным в мире и погрузилась в скотскую жизнь.

Если мужская/женская пара противоположностей должна быть сделана из духа и души, то должно быть совершенно ясно, какая душа или какой аспект души соединяется с духом. Только живая душа, которая сошла с адамантовой земли или возникла, когда София вдохнула жизнь в первого человека, является женской парой мужского духа. Именно эта душа, и только эта душа соединяется с духом в брачном чертоге. Животная душа, которую первый человек получил от архонтов, не является дополнением духа и не является частью союза с духом.

Объяснение двойственной природы души дается в «Откровении Петра», где проводится различие между смертными и бессмертными душами. Смертная душа обречена на смерть, навсегда порабощена и предназначена для вечного разрушения, поскольку она создана «для служения своим собственным желаниям» (Мейер, 2007, стр. 493). С другой стороны, бессмертные души разные. Пока их время не настало, они могут напоминать смертные души, но как только их истинная природа будет раскрыта, они отвернутся от путей смертной души и «одиначества», другими словами, восстановят единство, осознают свое бессмертие. Смертная душа – это животная душа архонтов, которая остается таковой, бессмертная душа – это живая душа свыше, которая выбирает воссоединение с духом и возвращение в бессмертное царство Плеромы. Когда животная душа поднимается, чтобы стать живой душой, тогда душа и дух могут рассматриваться как две стороны одной монеты, одна трансцендентная, другая имманентная – это чем-то похоже на ленту Мебиуса, в которой две поверхности становятся единой непрерывной поверхностью.

У гностической души есть выбор. Согласно Смиту (2008), душа должна выбирать между двумя полюсами своего существования. Это то, что он описывает как «перетягивание каната меж-

ду духом и телом»: душа либо может полностью отождествить себя с телом, либо она может искать постоянный союз со своим духовным аналогом в брачном чертоге. Другими словами, душа может либо потерять себя в материальном мире, отдавшись страстям разума и плоти, либо она может искать своего искупления, воссоединения с духом и возвращения в Плерому. «Евангелие от Фомы» одновременно и прямо, и кратко: «Горе душе, которая зависит от плоти» (Мейер, 2007, стр. 153). Отмечая, что инжир собирают не с чертополоха, а виноград не с терновника, «Апокалипсис Петра» учит, что зло не может приносить добрые плоды. Таким образом, только живая душа может привести к спасению, тогда как животная душа ведет к гибели. Пока душа упорствует в своих беспорядочных пристрастиях, она «будет терпеть то, что заслуживает» (там же, стр. 229). Согласно Смиту (2008), те души, которые не воссоединяются с духом, но остаются укоренившимися в мире материи, становятся «своими мелкими демиургами» (стр. 55). Подобно создателям этого мира, Демиургу и его архонтам, земные души создают свои личные миры, совмещая невежество и высокомерие, не обращая внимания на свет свыше.

Другая аналогия, используемая в гностической литературе для описания путешествия души, представляет собой образ больной души, находящейся в мире материи. Например, в «Авторитетном дискурсе» обсуждается, как болезнь слепоты ранит глаза души. Символически, быть слепым означает впасть в пагубу глубокого сна, наведенного на человечество архонтами, и пребывать в состоянии невежества – другими словами, быть лишенным гнозиса. Отсюда следует, что становится необходим гнозис, духовная проницательность – для исправления слепоты: восстановления здоровья и духовной целостности. В «Авторитетном дискурсе» лекарство от слепоты применяется, когда жених помазывает глаза души своим целительным бальзамом. Это явный отголосок истории исцеления Христом слепого человека, о котором говорится в

канонических Евангелиях:

«Пока я в мире, я свет миру». Когда он так сказал, он плюнул на землю и смешал с глиной плевок, и он помазал глаза слепого глиной и сказал ему: «Иди, помойся в купальне...» Он пошел... и помылся, и пришел зрячим. Соседи... сказали ему: «Как открылись глаза твои?» Он ответил: «Человек, называемый Иисусом, смешал глину и помазал мне глаза, и сказал мне: «Иди в купальню... и умойся, и я пошел и умылся, и получил зрение».

От Иоанна 9:5-11, KJV

Человек был слеп от рождения, что символически означает, что он родился в невежестве глубокого сна, навязанного людям архонтами. С гностической точки зрения Христос, Спаситель, является эмиссаром из Плеромы, пришедшим со светом гнозиса, чтобы рассеять тьму невежества. Другими словами, дух восстанавливает проницательность падшей души.

Еще один интересный момент, отмеченный Смитом (2008) в отношении гностических учений о душе, заключается в том, что они устанавливают связь между космологией и психологией:

Гностическая космология и психология идентичны по назначению или, по крайней мере, взаимосвязаны. Космология описывает Вселенную с внешней точки зрения, психологию с внутренней точки зрения. *По сути, нет никакой разницы между ними.* Как мир материи находится дальше всего от истинного Бога и Плеромы, так и тело дальше всего от духа и Плеромы (стр. 55, добавлено выделение текста).

Как трансперсональный психолог, я поддерживаю Смита в устранении пропасти между гностической космологией, которая может рассматриваться как метафизика и духовность, и психологией. Как отмечалось ранее, существуют различные определения трансперсональной психологии, и особенно уместным здесь будет то, которое описывает трансперсональную психологию как мост между психологией и духовностью (Ровен, 2005). В конце жизни Юнг (1962) предположил, что архетипы и, следовательно, матрица, в которой они существуют, коллективное бессознательное, были основаны на частично психическом, частично духовном субстрате. Некоторые богословские критики Юнга обвиняли его в попытке психологизировать духовность, как будто при этом он каким-то образом уменьшал духовность. Как будто необходимо, чтобы психология была здесь, а духовность – там, и чтобы они никогда не встретились. Критики Юнга и те, кто разделяет психологию и духовность как две совершенно разные области, не могут осознать, что духовность и глубинная психология – это разные измерения в одном психодуховном континууме (или, пожалуй, поочередные, различные взгляды на одно и то же, две стороны одной медали). Всякий раз, когда гностик сталкивается с предложением или/или, он всегда должен искать и то и другое. Коллективное бессознательное – это не просто психологический аналог Плеромы, это Плерома, хотя и на другом уровне бытия. Феноменологически они могут появляться и функционировать иначе, но суть их идентична.

* * *

В теориях Юнга под маской анимы/анимуса появляются дух и душа. Юнг постулировал аниму и анимус как контр-сексуальные элементы в психике; анима (от латинского слова *anima*, «душа») – это внутренний, типично бессознательный, женский

156

аспект мужской психики, а, соответственно, анимус (от латинского слова *animus*, «дух») – это внутренний, бессознательный, мужской аспект женской психики. Анима и анимус – коллективные (то есть архетипические), а не личные факторы; другими словами, анима – это архетипическое изображение бессознательного женского в мужчине, а анимус – архетипическое изображение бессознательного мужского в женщине.

Ключ к пониманию теории анимы/анимуса в том, что Юнг считал фундаментальным законом психики – в системе саморегуляции психики. В том же смысле, что тело всегда стремится наладить гомеостаз, Юнг полагал, что психика также стремится поддерживать свое равновесие посредством компенсирующего воздействия бессознательного. Если это принимает слишком одностороннюю позицию, это приведет к активации бессознательного, которое отвечает психическим содержанием (например, образами сновидений или, в случае более острого дисбаланса, симптомами неврозов), что обеспечивает противодействие, компенсирующее дисбаланс сознательного отношения. Теория анимы/анимуса Юнга придерживается нарратива о саморегулирующейся психике и видит, как женственная анима мужчины компенсирует его мужское эго, а у женщины мужественный анимус компенсирует ее сознательную женскую личность. Все, что исключено из сознательной личности, согласно Юнгу, имеет склонность накапливаться в бессознательном; следовательно, человек, который отождествляет себя исключительно со своей мужественностью, будет подавлять свои женственные черты, которые затем объединятся, чтобы сформировать его внутренний образ архетипической анимы. Точно так же женщина, которая идентифицирует себя только со своей женственностью за счет своих маскулинных черт, будет подавлять маскулинные черты, из которых различные аспекты будут формировать ее внутреннюю фигуру анимуса.

Важным аспектом анимы/анимуса является их функция в качестве интерфейса с внутренним миром бессознательных процессов – как тех, которые вызваны нашим взаимодействием с внешним миром, так и тех, которые возникают из самого бессознательного. Таким образом, можно считать, что анима и анимус занимают место между сознанием человека и коллективным бессознательным, где они действуют как мост между внешним и внутренним мирами и облегчают диалог между эго и Самостью, образом Бога в бессознательном. Иначе говоря, анима/анимус – это дверь в глубины психики (Штейн, 1998). В «Матрице» Тринити не только дополняет Святую Троицу: Отца (Морфеуса), Сына (Нео) и Святого Духа (Тринити), она также символизирует аниму. Она представляет Нео как Томаса А. Андерсона Морфею, столкновение, которое в конечном итоге приводит Нео к превращению в Избранного. Другими словами, Тринити-как-анима служит связующим звеном для диалога между эго Нео, Томасом А. Андерсоном, и бессознательным, символизируемым Морфеусом, богом снов – то есть бессознательного. Благодаря своему противостоянию с бессознательным и всему, что ему открывает Морфеус, Нео осознает свою «Самость» и становится Избранным.

Однако следует иметь в виду, что теория анима/анимус – это психологическая модель, а модель, по определению, представляет собой упрощенное описание, которое стремится объяснить нечто гораздо более сложное. Иногда модели могут быть чрезмерно упрощены и определенным образом «опрытны», с одной стороны, облегчая понимание, а с другой стороны, они могут не охватывать богатство тонкостей описываемых явлений. Грязные жизненные дела чаще всего просто не могут быть превращены в аккуратную модель. Похоже, это характерно для теории анимы/анимуса Юнга, которая с ее слишком черно-белым гендерным стереотипом совершенно не подходит для признания нюансов и оттенков серого в гендерной идентичности, о которых мы гораздо

больше знаем сегодня. В ответ на это, как представляется, сегодня наблюдается тенденция рассматривать аниму и анимус как женский и мужской аспекты личности независимо от пола индивида. В качестве альтернативы анима считается просто внутренней частью личности, в отличие от того, что Юнг называл *персоной* – того, что можно считать внешней частью личности. Однако это пахнет политкорректностью и полностью игнорирует саморегуляцию психики и компенсирующее влияние бессознательного на сознательный разум, который является центральным в психологии Юнга. Гораздо более интересный пересмотр теории анимы/анимуса мы находим у выдающегося юнгианца Мюррея Стайна (1998), который предлагает такое толкование, в котором уважаются основополагающие принципы юнгианской психологии, и в то же время их смыслы движутся в стороне от жесткого гендерного обозначения Юнга. Стайн предполагает, что существенной особенностью являются отношения между эго и архетипом анимы/анимуса в бессознательном состоянии, которые характеризуются мужской/женской полярностью саморегулирующейся психики. В той степени, в которой эго идентифицируется с мужским полюсом, анима/анимус принимают компенсаторную женскую природу, и, аналогично, в той степени, в которой эго идентифицирует себя как феминное, анима/анимус будут маскулинны.

Теория анимы/анимуса Юнга предварительно сформулирована в «Семи Проповедях», которые предоставляют рассуждения на темы духовности и сексуальности. Хотя эти психодуховные силы могут не сразу казаться полярными противоположностями – так же, как, например, свет и тьма, верх и низ, очевидно, Юнг полагал, что духовность и сексуальность действительно формируют пару противоположностей. Тем не менее, они не просто пара противоположностей, но довольно существенная пара противоположностей. С точки зрения Юнга, как отмечалось выше, мир возникает благодаря дифференциации противоположностей,

в которых напряжение между дифференцированными полюсами создает необходимый энергетический потенциал, порождающий творение. В частности, человечество может возникнуть только благодаря взаимодействию космических сил духовности и сексуальности. Кроме того, в гностической системе Юнга *только* внутри человечества может происходить взаимодействие между духовностью, символизируемой птицей, и сексуальностью, символизируемой змеем; отсюда фигура Абраксаса, представленная выше, олицетворяющая столкновение противоположностей, которая отображает эту символику через образ птицы-человека-змеи (рисунок 10).

В «Семи Проповедях» рассуждение Юнга на эти темы начинается с духовности, которая характеризуется как небесная, и продолжается сексуальностью, характеризующейся как земная. Однако вопреки более распространенным гендерным стереотипам, которые определяют Небеса как мужское и Землю как женское, Юнг представляет Небесную Мать и Земного Отца. Юнг описывает сексуальность как даймона, представляющего «половину человеческой души», имеющую земную природу и связанную с мертвыми. Его аналогом является даймон духовности, другая половина человеческой души, которая приходит сверху и, по-видимому, связана с живыми. Обе эти половинки, духовность и сексуальность, необходимы для формирования целого, и они встречаются, образуя человеческую душу. Юнг утверждает, что сексуальность мужчины более земная и нисходящая, а сексуальность женщины более духовная и возносящаяся. Напротив, духовность мужчины более небесная и направлена вверх к бесконечности, тогда как духовность женщины более земная и ориентирована на конечное.

Хеллер (2002), представивший подробный анализ «Семи Проповедей», отмечает глубоко эзотерическую природу этой работы и предостерегает против любой поверхностной интерпре-

тации текста, от отождествления духовности с мужским принципом и сексуальности с женским принципом. В отличие от более знакомых характеристик мужского и женского принципов, «Семь Проповедей» приписывают мужское начало тем качествам, которые обычно ассоциируются с женским, и наоборот. Хеллер приходит к выводу, что и Небесная Мать, и Земной Отец оказывают непосредственное влияние на мужскую и женскую духовность и косвенно влияют на мужскую и женскую сексуальность. Небесная Мать управляет женской духовностью и мужской сексуальностью, тогда как Земной Отец управляет мужской духовностью и женской сексуальностью. Другими словами, мужские и женские принципы имеют двойственную природу, и внутри каждого полюса мужской/женской полярности существует полярность духовности/сексуальности с различными, но дополняющими принципами. Такая интерпретация ассоциируется с даосским символом инь/ян, в котором обе стороны сизигии содержат семя противоположности (рис. 16). Взаимодействие первичной сизигии настолько важно для гностической традиции – и, следовательно, тезисов этой книги – что даосский символ отображается в заголовке каждой главы. Эта полярность внутри полярности служит для иллюстрации динамической природы противоположностей в Плероме, в которой полюса-близнецы в любой данной сизигии не были дифференцированы. Возможно, это может представлять собой что-то вроде переменного напряжения в электрических системах, в которых напряжение периодически меняет направление, и два полюса в сизигии могут переключать свою полярность: в один момент – мужской, в другой – женский, и наоборот.

Любые однозначные утверждения об этих категориях мужского/женского могут быть расценены как несколько неточные, и, как показано относительно теории анимы/анимуса Юнга, Хеллер справедливо советует не быть слишком догматичными в этих вопросах. Следует отметить, что гностическое видение Юнга – а

также анализ Хеллера – по вопросу о духовности/сексуальности и полярности мужчин и женщин – это дискуссии о метафизических принципах, а не об отдельных мужчинах и женщинах как таковых. Мужская и женская полярности – это *априорная* психодуховная динамика, или даймоны, которые существовали до дифференциации из Плеромы и задолго до того, как архонты создали мужские и женские тела. То, как эта динамика проявляется в человеке из плоти и крови, зависит от множества вариантов человеческого существования.

Рисунок 16. Полярность внутри полярности мужской и женской духовности и сексуальности.

* * *

В гностической космологии ФКД, когда единство Божества было разделено на две части, и произошло «изначальное падение», ужасный мужской дух – «аспект, который вызывает страх и трепет», остался в трансцендентном царстве, а добрая, сострадательная, имманентная, женская и душевная сторона попала в

созданный мир, где она «унижала себя» (2008, стр. 223). Будучи разделенными на протяжении тысячелетий, мужская (дух) и женская (душа) половины Божества должны быть воссоединены, чтобы восстановить изначальное единство. В «Экзегезе» он показывает падение души и воссоединение души с духом как два рождения. Первое – это рождение человеческого тела в Тюрем из Черного Железа, событие, которое мы не могли контролировать, но которое произошло с нами. Второе рождение, или перерождение, имеет решающее значение, согласно ФКД, и должно быть инициировано актом воли. Это то, что должно быть достигнуто собственными усилиями, но в то же время не может быть сделано без духа. Подобно тому, как невеста готовит брачный чертог для своего возлюбленного в книге «Экзегеза о душе», те, кто ищет второе рождение, должны найти способ соблазнить, приветствовать и привлечь дух. ФКД отмечает, что для выполнения второго рождения необходимы два агента: вода и дух. В химической реакции, которая является мистическим браком в брачном чертоге, невеста – это вода, а жених – это дух. В гнозисе ФКД элемент воды активируется посредством таинства крещения; однако мы не можем обрести дух сами по себе: «Мы должны ждать его прибытия, выполнив свою часть, водную часть» (2011, стр. 1217). Перефразируя греческого философа Плотина (204–270 н.э.):

Мы не должны сомневаться в том, откуда он [дух] исходит; нет ни источника, ни приходящего или идущего куда-то; он либо появляется, либо не появляется. Мы не должны бежать за ним, но мы должны приспособить себя [к духу] и затем спокойно ждать его, подобно тому, как глаз ждет восхода Солнца, которое в свое время появляется над горизонтом и отдает себя нашему взору.

В другом месте «Экзегезы» ФКД соглашается с Майстером Экхартом в том, что человеческая душа является образом Бога, и из этого образа Бог может быть восстановлен как «изначальный, перерожденный от своего образа» (стр. 3971). Представленная в понятиях древних гностиков, человеческая душа, выражая себя как живая душа в союзе с духом, проявляет образ Бога внутри человека. Это соответствует цели психологии Юнга, в которой реализация Самости также проявляется как образ Бога. Для Юнга Самость и Богообраз (отличный от самого Бога) были одним и тем же.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Рабство и свобода

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

От Иоанна 8:32, KJV

Единственная цель гностика – вернуться в Плерому. Для гностиков спасение – это освобождение божественной искры от пространственно-временного, материального тюремного мира и ее восстановление в царстве света, в глубине и тишине. В то время как неоплатоник может искать возвращения к Единому, гностик ищет возврата к Нулю, другими словами, к Ничто Плеромы. В тексте, известном как «О происхождении мира», говорится, что свет преодолеет тьму, что тьма растворится, прежде чем все вернутся в то место, откуда пришли. То есть каждый должен покинуть мир тьмы и вернуться к источнику света и вечного покоя в глубине и тишине Плеромы. В «Евангелии от Филиппа» отмечается, что когда невеста и жених соединяются в мистическом браке, для их союза существует только одно название – это покой; остальное возникает только из чистого созерцания божественного. Как сказал Спаситель: «Придите ко мне все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас» (Матфея 11:28, KJV). Или, по словам Майстера Экхарта, Бог находится дома, а мы те, кто вышел на прогулку. Гностическое спасение требует прекращения нашего блуждания в Долине смерти и нашего возвращения домой в Плерому.

Тексты Библиотеки Наг-Хаммади освещают различные аспекты этого обратного пути. Главным среди них, конечно же, является необходимость в гнозисе, неперенное условие гностического спасения и возвращения в Плерому. «Евангелие от Филиппа» учит, что невежество, антитеза гнозиса, является матерью всего зла и ведет к смерти. Цитируя «От Иоанна» 8:32: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (KJV), «Филипп» добавляет, что невежество – это рабство, а гнозис – освобождение. Если человек знает правду, он найдет плод этой истины, и если он присоединится к этой истине, то это принесет удовлетворение, другими словами, возврат к Плероме. Спасение часто упоминается как «воскрешение» в гностических текстах, и в своем вступлении к «Трактату о воскрешении» Томассен (2007) отмечает, что воскрешение и возврат к первоначальной чистоте Плеромы, зависящие от спасительного гнозиса, включают осознание того, что наша духовная сущность – это то, чем мы уже обладаем. Это не то, что нам нужно развивать, это то, что нам нужно осознать. В этом отношении гностическое спасение в некоторой степени схоже с традицией Дзогчен в тибетском буддизме, в которой освобождение предполагает пробуждение к своей истинной природе. В случае гностиков истинная природа заключается в том, что духовная сущность – это божественная искра. Единый уже представлен Плеромой, находится в Плероме, пронизан Плеромой. В этом свете воскрешение – скорее анамнез нашего божественного наследия, чем событие. После осознания, достижения гнозиса или просветления человек впервые осознает свое совершенство. Гностик возвращается в трансформированную Плерому – или, по словам поэта Т.С. Элиота, после странствия в материальном мире человек возвращается с гнозисом в Плерому, как будто впервые. Существенным для этой реализации является, среди прочего, осознание того, что пространственно-временная природа нашей так называемой реальности является лишь частью обмана ар-

хонтов. Тем не менее, согласно Томассену, в случае с гностиком требуется больше, чем пробуждение. Душа, как потенциальный Христос, должна воплотиться и достичь воскрешения как необходимого условия для восстановления первоначального совершенства в Плероме. Таким образом, в гностическом спасении есть одновременно «уже» и «еще нет» (там же, стр. 51). «Уже» – это совершенство внутренней божественной искры. С другой стороны, часть «еще нет» требует усилий гностика; «Трактат о воскрешении» сообщает нам, что хотя мы уже воскрешены, мы пребываем в нашем земном состоянии зомби, как будто мы живем, не осознавая, что смертная часть нас уже мертва. В тексте разъясняется, что каждый должен практиковать способы спасения из этого тюремного мира, в противном случае он будет продолжать сбиваться с пути и оставаться в неведении. Слепой веры в Спасителя недостаточно. Восприимчивость к духу и спасительный гнозис, который он приносит, вместе с собственными усилиями необходимы для достижения освобождения.

Гностические тексты учат: чтобы достичь спасения – воскрешения – и вернуться в Плерому, сначала нужно сбежать из тюрьмы материи, навязанной человечеству рабовладельцами-архонтами. «Учение Сильвана» закликает читателя отвернуться от вещей мира, в которых нет пользы, чтобы избежать контролируемого архонтами мира тьмы. Гностик должен очистить свою внешнюю жизнь, чтобы иметь возможность очистить свою внутреннюю жизнь. Точно так же в «Диалоге Спасителя», который, как некоторые утверждают, не является гностическим текстом, описан, как следует из названия, предполагаемый диалог между учеником Матфеем и Спасителем. Матфей спрашивает, почему мы не идем в покой сразу. Другими словами, почему мы не возвращаемся в Плерому немедленно? Спаситель отвечает, что мы будем отдыхать только тогда, когда оставим позади то, что не может сопровождать нас (то есть физическое тело) и все, что нас

обременяет. Для гностиков воскрешение не телесно, а наоборот – это спасение от всего материального. Точно так же в «Первом Откровении Иакова» говорится, что мы не будем спасены до тех пор, пока «не отбросим слепую мысль, эти оковы плоти, окружающие [нас]» (Мейер, 2007, стр. 325). Поддерживая столь же туманное представление о человеческом теле, «Первое Откровение Иакова» рассматривает распятие как эзотерический символ, а не как историческое событие, а Христа – как внутреннюю сущность, а не как земного человека, утверждая, что Спаситель не страдал. Он как Христос не был ни огорчен, ни обижен; скорее, распнули тело, «созданное правителями, и было подстроено, чтобы это тело было [уничтожено] ими же» (стр. 327). Текст продолжает, что плоть слаба, и получит то, что было предназначено для плоти. На ум просится библейский афоризм: «Отдай Кесарю кесарево, а Богу богово» (От Матфея 22:21, KJV). Цезарь является символом Демиурга, главой Империи, возглавляющим Черную Железную Тюрьму. Тело принадлежит архонтам и возвращается к темным властителям материи, дух принадлежит Плероме. Душа распята между духом и материей и должна выбрать путь, которым она пойдет. В «Евангелии от Филиппа» говорится, что до тех пор, пока скрывается корень зла, он остается сильным. Однако когда он будет признан, то растворится. Он имеет над нами власть только потому, что мы его не узнали. Корень зла – в обмане архонтов, и они имеют над нами власть только потому, что мы не видим сквозь завесу обмана и не осознаем наше заключение в материи. Позже это находит отклик у Юнга, который учил, что мы не достигаем гнозиса, воображая пребывание в свете, но только осознавая тьму усилием, которое настолько неприятно, что его обычно избегают. Для любого, кто делает разумный анализ гностической литературы, не может быть никаких сомнений в том, что гностические пасторы древности считали этот мир испорченным, падшим местом и хотели вырвать из него паству. В конце

«Матрицы» Нео говорит, что несмотря на наше желание изменить мир, Матрица останется нашей клеткой. Мы не можем изменить клетку; тем не менее, она может стать нашим коконом, в котором мы преобразуемся; но чтобы освободиться, мы должны изменить себя. Тюрьма из Черного Железа может лишить нас свободы или исправить нас. Тюрьма не изменится – во всяком случае, пока мы не изменимся. Повторяя известные слова Ганди, мы сами должны быть переменами. По мнению Юнга, изменения должны были начаться с индивидуума: они происходят не «там», а «здесь».

Согласно «Авторитетному дискурсу», выбор жизни или смерти предлагается каждому, и каждый должен выбирать самостоятельно. Относительно этого выбора Мейер (2007) отсылает своего читателя к ряду подобных отрывков канонического писания, включая следующие: «Истинно, истинно говорю вам, слушающий слово мое и верующий в пославшего меня имеет жизнь вечную и не придет на суд, но перейдет от смерти в жизнь» (От Иоанна 5:24, KJV). В гностических терминах тот, кто получает дар гнозиса Спасителя и применяет это знание для достижения освобождения, переходит от смерти к жизни. Далее в «Евангелии от Иоанна» Христос объявляет:

Истинно, истинно говорю вам: Я – дверь паствы. Все, кто приходил до меня, это воры и грабители, но овцы не внимали им. Я – дверь: через меня если кто-нибудь войдет, то будет спасен – и войдет, и выйдет, и найдет пастбище. Вор приходит для того, чтобы украсть, убить и уничтожить. Я пришел, чтобы имели жизнь и имели с избытком.

От Иоанна 10:7-10, KJV

Для гностиков этот отрывок гласит, что реализованный Христос открывает дверь в Плерому гностическим верующим.

Воры и грабители – это архонты, которые держат нас в рабстве и скрывают путь назад к Плероме. Архонты приходят украсть, убить и уничтожить. Аналогично в «Мудрости Иисуса Христа» Спаситель приходит, чтобы освободить бессмертного человека от рабства грабителей. Как говорит Морфеус в «Матрице», человечество никогда не будет свободным, пока существует Матрица, то есть иллюзорный мир архонтов. Красная таблетка или синяя таблетка? В «Экзегезе о душе» первым шагом к выбору и началом спасения является покаяние в «прежнем распутстве» животной души. Спасение достигается, когда душа воссоединяется с духом и совершает мистический брак в брачном чертоге. Это воскрешение из мертвых, свобода от плена в мире материи и возвращение в Плерому. «Экзегеза о душе» также отсылает к Луке 14:26, где говорится, что если человек не ненавидит свою собственную жизнь, он не может быть последователем Спасителя, и отмечает, что он должен не только ненавидеть свою собственную жизнь, но и должен ненавидеть собственную душу, чтобы следовать за Спасителем. Упоминаемая душа – это животная душа архонтов, а не живая душа из Плеромы. Гностик должен оставить эту земную жизнь в плену и «ненавидеть» свою животную душу. Относительно судьбы человеческой души гностики полагали, что не все души будут спасены. Например, собеседник в «Тайной книге Иоанна» спрашивает, все ли души будут спасены и возвращены в Плерому. Спаситель отвечает, что только те, на кого нисходит Дух Жизни, могут быть спасены. Без Духа Жизни человек не может даже встать, что символически, как указал Смит (2008), предполагает, что душа не может подняться над материальной плоскостью существования. В гностической традиции нисхождения Духа самого по себе недостаточно; душа должна сыграть свою роль, и только те, кто получил Дух, и кто отвергает нечестие и порочность этого мира, «изгоняют зло» из себя и избегают быть обманутыми поддельным духом архонтов, унаследуют вечную

жизнь. С другой стороны, те души, в которых укрепился поддельный дух, будут снова обременены оковами материи, отброшены назад в злобу мира и еще раз ослеплены завесой обмана, свитой архонтами. Во время физической смерти, когда эти души покинут тело, они будут отданы архонтам, закованы в цепи и снова замурованы в Тюрьме из Черного Железа. Выдвигая концепцию реинкарнации, «Тайная книга Иоанна» учит, что цикл перерождения в этом мире продолжается до тех пор, пока душа не достигнет гнозиса, который поднимает завесу обмана, и пока своими усилиями не достигнет совершенства – и только тогда спасается, возвращаясь в состояние вечного покоя в Плероме. Гностическая традиция утверждает концепцию реинкарнации, и она проявляется в ряде мест в гностической литературе; однако это не то, что должно чрезмерно интересовать гностика. Задача гностика – вырваться из материального мира и вернуться в Плерому, находясь в этом нынешнем воплощении. Затем Иоанн спрашивает о судьбе тех душ, которые достигли истинного знания, но затем отвернулись от него. Напоминая, что те, кто хулит Святого Духа, никогда не будут прощены, но находятся под угрозой вечного проклятия («Евангелие от Марка», 3:29, KJV), Спаситель отвечает, что они будут введены в место, куда «углы несчастья уходят» (Мейер, 2007, стр. 129), туда, где покаяние невозможно. Там они будут содержаться до тех пор, пока «те, кто хулил Духа, не будут подвергнуты пыткам и наказанию навеки» (стр. 129). Аналогичным образом «Евангелие от Филиппа» учит, что люди, которые были поработочены против своей воли, могут быть освобождены; однако тот, кто был освобожден своим хозяином, а затем продал свою душу обратно в рабство, никогда не сможет быть освобожден снова. С другой стороны, что касается судьбы божественной искры, духа внутри нас, то он вернется в Плерому. По правде говоря, он никогда и не уходил, потому что он – Плерома. Это только завеса обмана архонтов создает иллюзию, что мы не из Плеромы и отде-

лены от нее. Бог находится дома, а мы вышли прогуляться... и по пути заблудились в Дантовском «сумрачном лесу».

Другой особенностью гностической сотериологии является идея о восхождении через ряд слоев к трансцендентному царству света. Считается, что эти слои контролируются архонтами, и начинающий гностик должен тщательно избегать архонтов, которые сделают все возможное, чтобы помешать усилиям гностика и удержать его или ее в рабстве в нижних слоях. В гностической традиции Плерома считается «высшим» слоем, а падший мир архонтов – «низшим». Однако «восхождение» следует рассматривать как метафорическое, и его не следует рассматривать как движение вверх. Скорее, это расширение сознания и накопление гнозиса. Тернер (2001) идентифицирует два паттерна сотериологии в гностических текстах, приписываемых секте сифиан. Первый, который он называет «паттерном нисхождения», касается Спасителя, который спускается из Плеромы с гнозисом. Это нисхождение Спасителя обсуждалось в предыдущей главе. Второй, «паттерн восхождения», описывается Тернером как гнозис, достигаемый созерцательным восхождением. Первый требует, чтобы гностик стал восприимчивым к Спасителю и получил гнозис как дар благодати. Второй должен быть достигнут, и достигнут собственными усилиями гностика. Тексты, в которых подробно рассматривается тема восхождения, представляют спасение как созерцательное путешествие, включающее призрачное восхождение через ряд внутренних планов. Методика заключается в самореализации, при которой путь восхождения является обратным исходному нисхождению из источника. Это влечет за собой разрушение процесса эманации из Плеромы и завершается возвратом и растворением в высшем трансцендентном царстве. Как правило, эти внутренние планы, или слои, соответствуют планетам, каждая из которых характеризуется уникальным вызовом, который она предлагает гностику. Эти вызовы – не что иное, как попыт-

ки архонтов удержать гностическую душу в мире теней. Тернер предполагает, что эти визионерские восхождения не обязательно являются разовыми событиями, в которых гнозис приобретается мистическим переживанием Матери-всего-сущего – но давайте и это не будем исключать – скорее, он считает их краткими событиями на протяжении жизни гностика, которые обеспечивают предвкушение окончательного восхождения, которое душа совершит после смерти тела. Эту идею красноречиво подхватил французский писатель и поэт Рене Домаль (1908–1944):

Ты не можешь оставаться на вершине вечно; ты должен опять спуститься. Так зачем вообще беспокоиться? Заметьте: то, что вверху, знает, что внизу, а то, что внизу, не знает, что выше. Один карабкается, другой видит. Кто спускается, больше не видит, но видел. Существует искусство вести себя в нижних областях по памяти о том, что видел выше. Когда человек больше не может видеть, он может, по крайней мере, знать.

2017

Как и в одной из тех компьютерных игр, в которых существует определенное количество все более усложняющихся уровней, где для достижения более высоких уровней требуется много попыток и многочасовая практика, достижение гнозиса, без сомнения, представляет собой процесс постепенного роста в течение всей жизни и требует многих лет самоотверженной практики. После каждой части подъема на гору, чтобы отдать Богу богово, гностический практик с немного большим количеством гнозиса возвращается в мир и, по необходимости, из-за ограничений тела, к выполнению задач Кесаря, пока готовится к очередному восхождению на вершину. Словами буддистов: до просветления руби

дрова и носи воду; после просветления снова руби дрова и носи воду.

Важнейшим компонентом гностической сотериологии, оказавшем особенно глубокое влияние как на гнозис Юнга, так и на его психологию, является необходимость: а) примирить противоположности; б) в случае гностиков – осознать окончательный распад противоположностей в Плероме. «Евангелие от Фомы» учит, что если человек цельный, он будет наполнен светом, но если он разделен, тогда он будет наполнен тьмой. Другими словами, если практик объединил противоположности, и невеста и жених объединились через мистический брак в брачном чертоге, тогда он будет наполнен светом Плеромы. С другой стороны, до тех пор, пока противоположности дифференцируются, а невеста отказалась от своего суженого и продолжает молиться, человек остается обреченным на тьму мира. Это фундаментальные различия в гностической традиции: Плерома характеризуется светом и цельностью; мир характеризуется разделением и тьмой. Мудрость Иисуса Христа говорит о необходимости объединиться с духом, чтобы двое стали одним, как это было в Начале. В «Евангелии от Фомы» эта тема рассматривается более подробно: человек вернется в Плерому только тогда, когда жених и невеста объединены в одно и их половые различия растворятся, когда внутреннее подобно внешнему, а внешнее – как внутреннее, когда верх и низ примирятся. Тогда и только тогда гностик увидит свет Плеромы. Мейер (2007) отмечает близкое соответствие следующему отрывку из канонического писания:

Ибо многие из вас, кто был крещен во Христе, облечлись в Христа. Нет ни еврея, ни грека, нет ни связи, ни свободы, нет ни мужчины, ни женщины: вы все едины во Христе Иисусе.

К Галатам 3:27-28, KJV

Уравновешивание и окончательное растворение мужской и женской полярностей также отражено индийским мистиком Рамакришной (1836–1886). Говоря о Брахмане – высшей мужской божественности в индуизме – и Шакти – творческой силе божественной женщины, Рамакришна провозгласил, что Брахман – это Шакти, а Шакти – Брахман. Они не должны рассматриваться по отдельности, но как два аспекта – один мужской, другой женский – одного и того же Абсолюта. «Трехсторонний трактат» также утверждает, что возвращение к первичному единству Плеромы основано на уравновешивании противоположностей. Возвращение, как и начало, унитарно, когда нет ни мужчины, ни женщины, ни рабства, ни свободы, ни бессмертного, ни смертного существа. Все, что будет существовать – это идеальный баланс противоположностей, так что они взаимно уничтожают друг друга, что в тексте символизируется фигурой Христа. Описание Плеромы как состояния покоя уже было отмечено, и это состояние включает в себя все сизигии в идеальном состоянии гармоничного равновесия – без движения, без вибрации, без звука, просто безмолвие. Как сказал Экхарт, во всей Вселенной нет ничего более похожего на Бога, чем молчание. В другом месте Экхарт описал тихий ум, который созерцает Божество, как тот, на который ничто не влияет, тот, кто свободен от забот, связывающих его с миром, свободен от всякого стремления к себе, но целиком слит с Богом и мертв для любого представления о себе как самостоятельной личности.

* * *

Радист Второй мировой войны ведет переговоры со своим немецким противником. «Мы» (предположительно, англичане), очевидно, держим брата немца в качестве военнопленного. Когда я это понимаю, я включаюсь в разговор с немецким радистом и устраиваю обмен: наши товарищи

в обмен на его брата. Обмен происходит на нейтральной территории между наших сторон линий фронта. В конце обмена я захотел встретиться и пожать руку немецкому радисту. Я говорю ему, что когда война закончится и мир восстановится, я встречу его в Германии, мы будем играть в шахматы, вместе пить пиво и смотреть на закат.

Авторский дневник сновидений, ноябрь 2016 г.

Этот сон во многом говорит сам за себя, и требуется лишь небольшой комментарий. Очевидно, это повторение отрывка из «Евангелия от Филиппа», который учит, что свет и тьма, а также жизнь и смерть, левое и правое – это братья и сестры, которые не могут быть разделены. Следовательно, добро не добро, зло не зло, жизнь не жизнь, а смерть не смерть. Каждая пара состоит из дополнительных полюсов лежащего в основе единства, которые стали дифференцированными. В конечном счете, символически представляя собой заходящее солнце, каждая пара противоположностей вновь растворяется в единстве. Эта концепция растворения в единстве полярных противоположностей символизирует немецким радистом и его воссоединением с братом. В другом месте «Евангелие от Филиппа» ясно дает понять, что когда Адам и Ева соединились, смерти не было. Только когда они были разделены, возникла смерть, и только когда они воссоединятся, смерть перестанет существовать. Другими словами, только тогда, когда первичная сизигия дифференцировалась в противоположные полюса на плане материи, когда мужчины и женщины разделились, наступила смерть. Как это ни парадоксально, но, как и в случае с противоположностями, дифференциация противоположностей не только создала энергетический потенциал, необходимый для жизни, эта же дифференциация также привела к смерти. Жизнь и смерть – это брат и сестра, но характерным для них образом

гностики перевернули все с ног на голову: родиться в этом мире – смерть; выйти из этого мира и вернуться в Плерому – это жизнь.

В соответствии с юнгианской психологией сон также символизирует способ примирения противоположностей в психике. Учитывая, что психика является саморегулирующейся системой, которая всегда стремится к психическому равновесию, Юнг полагал, что любое преувеличенное сознательное отношение компенсируется равной противоположной бессознательной контрпозицией. Как противоположности, сознательные и бессознательные отношения являются двумя полюсами лежащего в их основе единства, и их примирение и интеграция включают в себя подъем сознания до уровня, который выходит за пределы разделения полюсов и реализует их внутреннее единство. Согласно Юнгу, это достигается посредством диалектического обмена (символизируемого в моем сне общением с немецким радистом) между эго (то есть сознательным отношением) и бессознательной контрпозицией, в котором обеим позициям уделяется должное внимание и любое представление о правильной/неправильной оценке приостановлено. Две противоположные позиции порождают то, что Юнг описывал как энергетическое напряжение внутри психики. Если человек может удерживать это напряжение противоположностей во время продолжающегося диалога между сознательным и бессознательными отношениями, появится третья позиция, воплощающая в себе единство противоположностей, которая превосходит две противоположности. Эта третья позиция становится новым сознательным отношением, на которое бессознательное, снова стремясь к компенсаторному равновесию, отвечает еще одной противоположной позицией. Диалектический обмен начинается заново и повторяется *до бесконечности*, предположительно, до тех пор, пока человек не достигнет идеализированной, но практически недостижимой цели полной психической интеграции. Этот процесс, а также получившуюся третью позицию Юнг на-

звал «трансцендентной функцией» (1957), и метод, который он разработал для достижения этой цели, был назван «активным воображением» (см. выше). Сон предполагает, что противоположные позиции в архетипической битве добра со злом, символически представленной в моем сне как война британцев с нацистами, должны быть преодолены, и должен быть достигнут более высокий уровень сознания, который признает их основополагающее единство, в котором добро не добро, а зло не зло. Кроме того, шахматная символика отражает игру света и тьмы, символизируемую игрой белых и черных фигур. Это горькое лекарство и трудный выбор перед лицом ужасов, которые ежедневно разворачиваются в тюрьме Земли. Возможно, когда добро и зло растворяются, а дуальность преодолена, мы можем смотреть вниз с точки более высокого сознания и видеть борьбу света и тьмы в человеческом опыте как игру. Это сложно сделать, пока мы пешки в игре. Однако по мнению ФКД, мы являемся архонтами, а архонты – нами, и когда война закончится, мы надеемся, что сможем поделиться пивом с нашими архоническими тенями. Нам не должно нравиться то, как они играют в игру, но, в конечном итоге, до того, как сядет солнце, нам нужно научиться любить их. Это может быть самым горьким лекарством из всех возможных – любить внутреннюю тьму.

* * *

Гностические тексты Библиотеки Наг-Хаммади пронизаны аскетизмом в той или иной степени, от умеренного до сурового. «Евангелие от Фомы» провозглашает, что тот, кто не постится в миру, не найдет Царства Небесного. Пост не просто означает воздержание от еды и питья – хотя, в некоторой степени, это, без сомнения, требуется – скорее это относится к освобождению от оков материи, страстей ума и плоти и всего, что связывает нас

с миром теней. Согласно гностической традиции, пост включает в себя сексуальную сдержанность (или воздержание), временную или постоянную. В «Свидетельстве об истине» говорится о том, что Спаситель сошел из Плеромы через реку Иордан, которая немедленно повернула вспять, положив конец «господству плотского порождения» (стр. 617). Свидетельство ясно дает понять, что отсылка к реке Иордан эзотерически символизирует физическое тело и удовольствия чувств. В частности, воды Иордана относятся к вождению половых сношений. Текст продолжает, что только тот, кто полностью отрекается от вещей мира и подавляет страсти, может постичь истину Бога. «Евангелие от Филиппа» признает великую тайну брака, включая его плотское выражение. Без этого мир не мог бы существовать, поскольку человечество по своей природе зависит от людей, а люди не могли бы существовать без брака. Тем не менее, текст предупреждает, что сила чистой связи мистического брака, который происходит в царстве, превосходящем это, стала оскверненной на Земле, то есть в плотском браке. «Филипп» проводит однозначное различие между тем, что называют оскверненным браком, подпитываемым плотским сексуальным желанием, и непорочным браком метафизического союза, движимым чистыми мыслями, направляемыми волей. Оскверненный брак связан с темнотой и ночью, когда огонь страстей кратковременно мерцает, а затем быстро гаснет. С другой стороны, чистый брак характеризуется днем и святым светом, и никогда не кончается день, его свет не иссякает. Кроме того, только тот, кто совершает обряд мистического брака, получает святой свет, и если он не получен в этом мире, его нельзя получить ни в каком другом месте. «Экзегеза о душе» также создает резкий контраст между мистическим союзом духа и души в брачном чертоге и браком плоти. Гностические наставления о сексуальности, конечно, крайне непопулярны, и, что неудивительно, комментарии к гностическим текстам имеют тенденцию затмевать этот аспект

учений, если они вообще на него ссылаются. Некоторые люди отклоняют наставления Библиотеки Наг-Хаммади, включая те, что говорят о сексуальности, как просто «внешние» наставления гностиков, и утверждают, что настоящие «внутренние» учения были сокрыты для немногих инициированных «избранных». Подразумевается, конечно, что человек, делающий такое заявление, является одним из немногих просвещенных. Да, тайные учения часто упоминаются, даже в канонических писаниях, например:

И он сказал им: «Вам дано познать тайну Царствия Божия, но тем, внешним, все это сказано в притчах, поскольку смотрят на то, на что могут смотреть, но не воспринимают; и слышат то, что могут слышать, но не понимают; чтобы в любое время они не обратились, и грехи их были прощены им».

От Марка 4:11-12, KJV

Несмотря на такие заявления или обвинения недоброжелателей гностиков – которые должны приниматься с либеральной добавкой слабительного – если мы хотим понять гностическую традицию, у нас довольно мало разумных средств, кроме как принять гностические тексты буквально. Гностические школы существовали в период между вторым и четвертым веками нашей эры, когда были проведены «христианские конные скачки», после чего был объявлен победитель и началось учреждение институционализированной Церкви в качестве средства контроля. В это время церковные ересиологи, такие как Ириней, Ипполит, Тертуллиан, Климент и Ориген, приступили к осуждению и подавлению учений всех других «лошадей забега», особенно гностических, утверждавших, что божественное может быть доступным через прямой внутренний опыт без необходимости церкви как посредника.

В свете церковной повестки дня яростные нападки ересиологов на гностиков следует расценивать как сомнительные. Лично я не склонен слишком серьезно относиться к тем, у кого не было сомнений в том, чтобы сжигать других на столбах по причине несогласия в незначительных аспектах богословия – хотя речь никогда не шла о богословии, а велась о контроле. Тайное внутреннее учение не может быть опровергнуто, но перед лицом таких требований следует соблюдать определенную осторожность. Возможно, истинные тайные учения – те, которые можно найти внутри себя. Юнг утверждал, что человек, который смотрит вовне – мечтатель, а человек, который ищет спасения внутри, пробуждается. «Когда молишься, войди в комнату свою, и затем, закрыв дверь свою, молись твоему [Богу] в тайне» (Матфея 6:6, KJV). Откровенное отрицание гностиками сексуальности вполне может быть одним из тех моментов, где речь идет о голубых таблетках. Вы можете принять голубую таблетку, проснуться в своей постели и поверить в то, во что архонты хотят, чтобы вы поверили.

* * *

В то время как у гностической традиции нет никаких сомнений в том, что конечной целью гностической души является возвращение в Плерому, конечная цель в «Семи Проповедях» совершенно иная. Действительно, в некоторых отношениях гностическая, юнгианская эсхатология придерживается противоположных взглядов. Хотя в своей книге «Воспоминания, сновидения, размышления» (1962), написанной в поздний период жизни, Юнг размышлял о том, что происходит после смерти, в своих публичных психологических трудах он избегал высказываний о судьбе души после смерти физического тела. Например, в «Психологическом комментарии к Тибетской книге мертвых» (1957) он писал, что мы «отчаянно мало знаем о возможностях продолжения

существования отдельной души после смерти, настолько мало, что даже не можем себе представить, как кто-то может утверждать что-либо вообще в этом отношении... Доказательство этого так же невозможно, как доказательство Бога» (стр. 67). Однако в своих гностических «Семи проповедях» Юнг постулирует, что место, в котором душа человека отдыхает после смерти тела – это звезда, расположенная на не поддающемся оценке расстоянии в зените небосвода. По словам музыканта Дэвида Боуи, который, по некоторым утверждениям, находился под влиянием гностиков, звездный человек ждет в небе. Однако вместо того, чтобы ждать, что он встретит нас, мы сами должны идти на встречу с ним. Надеясь, что он не взорвет наше сознание. Согласно Юнгу, у каждого человека есть одна звезда, и эта личная звезда – и бог, и цель человека. Юнг противопоставляет этот мир темных, леденящих вод небытия, управляемый Абраксасом, вечному созидательному звездному свету. Ничто не мешает человеку завершить долгое путешествие к далекой звезде после смерти, если он сможет отвести свой взгляд от того, что Юнг описывает как «огненный спектакль Абраксаса» (2009). Другими словами, только притяжение одной из противоположностей может помешать человеку достичь окончательного покоя на звезде. Для древних гностиков задача состояла в возвращении к первоначальному состоянию Плеромы до начала первых эонов, тогда как в гнозисе Юнга задача состоит в том, чтобы стремиться к звезде, месту назначения, удаленному от первоначального источника. Перефразируя слова драматурга Оскара Уайльда, мы все находимся в канаве этого архонического мира, но некоторые из нас озабочены стремлением к звездам и за их пределы.

В «Семи Проповедях» в некоторой степени ощущается избегание Юнгом эсхатологического звездного бога. Кажется, он отодвигает проблему конечной судьбы человека «куда-то далеко». По сути, он действительно не справляется с ней адекватно.

Справедливо будет заметить, что «Семь Проповедей» были написаны в середине жизни, когда он только начал серьезное исследование своего собственного внутреннего мира. Он все еще находился в противостоянии с бессознательным и, без сомнения, не полностью индивидуализировался. Возможно, без достижения конечной цели психодуховного развития и просто не имея опыта — очевидно, он не испытывал на тот момент околосмертных переживаний — он не чувствовал себя способным включить индивидуальную эсхатологию как полностью проработанный, интегрированный аспект своего гностического видения, и включены только краткие, умозрительные комментарии. Следует приветствовать его интеллектуальную честность, но концовка о звездном боге в «Семи Проповедях» остается несколько неудовлетворительной. Возможно, это объясняет, почему акцент в «Семи Проповедях» очень быстро смещается с метафизического фокуса на психологический и, как таковой, описывается не космологический процесс, а рождение сознания. Иначе говоря, и гностическое видение Юнга, и, в частности, его психология, в значительной степени основанная на первом, противоречат древним гностикам с точки зрения конечной цели. Для гностиков этот мир, созданный по ошибке, рассматривался как тюрьма, из которой человечество должно найти спасение. Они думали, что мы были брошены в этот мир (нисхождение) без нашего согласия и остаемся в тюрьме из-за обмана архонтов. Мы здесь не для того, чтобы искупить или изменить мир. Наша задача — просто выбраться и вернуться к источнику (восхождение). Это модель нисхождения / восхождения (рис. 17) гностической сотериологии, которая обсуждалась выше.

С другой стороны, в отличие от двунаправленной модели гностической эсхатологии, в которой путь восхождения прослеживает ступени предшествующего пути нисхождения, Юнг предусмотрел линейный путь психодуховного развития от бессознательного Божества к полностью реализованной Самости.

*Рисунок 17. Возвращение в Плерому
у гностиков.*

Гностическая эсхатология личности Юнга включает в себя трехстороннюю линейную траекторию из 1) недифференцированных противоположностей, которые нейтрализуют друг друга в Божестве (Плероме); через 2) состояние дифференциации противоположностей, которое дает жизнь искре и позволяет миру возникнуть; в 3) конечное состояние, в котором все противоположности были примирены, интегрированы и, в конечном итоге, объединены (Самость). Однако принципиальное различие между первым и конечным состоянием заключается в том, что вместо того, чтобы противоположности растворялись друг в друге и взаимно компенсировались при возвращении, конечное состояние представляет

собой гармоничное равновесие противоположностей, в котором они сохраняют хотя бы некоторую степень дифференциации. При исследовании этой идеи в моей первой книге мне приснился сон, в котором полностью интегрированные, но дифференцированные противоположности символизировали мужчина и женщина, вплотную друг к другу, танцующие танго: две гармоничные противоположности, совершенно синхронизированные, в исключительном единстве танца.

Следовательно, определяющей чертой юнгианской гностической сотериологии, которую гностические тексты не акцентируют в той же степени, является необходимость роста сознания в этой жизни. Согласно гностикам, мы, метафорически, не более чем группа пьяных сомнамбулических зомби, которые пали жертвами завесы невежества, сотканной архонтами, которые держат нас в тюрьме в мире материи. Юнг, чуждый прямолинейной грубости, был несколько более осторожен в отношении нашего падшего состояния и отметил, что худшим грехом человечества является недостаток осознанности. Следовательно, ключ к спасению в гностическом видении Юнга, который напрямую повлиял на его психологию, заключается в том, чтобы стать более сознательным. В гностических системах архонты, удерживающие человечество в тюрьме, воспринимаются не столько как зло, хотя их воздействия очень злы, а, скорее, их следует рассматривать как невежественных, с очень ограниченным, бесчувственным, роботизированным сознанием. В результате ключ к достижению спасения заключается не столько в преодолении зла, сколько в том, чтобы стать более сознательным. Стремление к повышению уровня сознания, безусловно, является направлением, взятым из сотериологических аспектов гнозиса Юнга. Однако в то время как для гностиков гнозис был средством для достижения цели, и эта цель была спасением, для Юнга гнозис, с точки зрения расширенного сознания, был одновременно и средством, и самой целью.

Для гностиков возвращение в Плерому приводит к растворению противоположностей в их первоначальное, недифференцированное состояние. Однако в видении Юнга это растворение представляет большую опасность, является грехом бессознательного состояния и отступлением назад в небытие и несуществующее, другими словами – смерть. Как было отмечено выше, по мнению Юнга, жизнь зависит от дифференциации. Нет дифференциации – нет жизни, а без жизни не может быть роста сознания. Сознание требует дифференциации противоположностей, а рост сознания требует примирения и интеграции противоположностей. Дифференциация противоположностей – это то, что спасает человечество от неосознанности. Тем не менее, по мнению Юнга, все проблемы человечества являются результатом расщепления противоположностей в психике – как в личной, так и в коллективной. Примирение и интеграция дифференцированных противоположностей – вот что спасает человечество в жизни. Если и существует какая-либо концепция возвращения в гнозисе Юнга, то это возвращение будет происходить из изначального небытия Плеромы через дифференцированные противоположности творения, возвращаясь в полноту Плеромы (рис. 18). Действительно, Юнг называет звезду, к которой каждый человек приходит после смерти, его индивидуальной Плеромой. В качестве альтернативы, цель в гностической системе Юнга заключается в выполнении пути от не осознающего Божества к реализации полностью сознательного Бога.

Учитывая акцент на психологическом росте в гностической системе Юнга, борьба за спасение не противопоставляет зоны архонтам как таковым, но происходит в бессознательном, где психическим факторам, которые нас спасают, противостоят психические факторы, которые нас погружают во тьму. Эта битва противостоящих психических сил символически изображена в «Матрице» в финальной схватке между Нео и агентом Смитом,

которая начинается в метро – подземном мире, другими словами, в бессознательном. В финале их противостояния Нео стремительно бросается к агенту Смиту и погружается в него – однако столкновения нет; скорее, Нео сливается с агентом Смитом, словно ныряя в лужу воды. Их спутанность зарождает смятение, пока агент Смит не разбивается, как раковина, из которой новый Нео рождается на свет. В юнгианских терминах демиургическое эго умирает, и Самость рождается в свете сознания. Как сказал Юнг, переживание Самости – всегда поражение для эго. В гностических терминах бассейн воды представляет воды под небосводом, в которых происходит конфликт человеческого существования. Как светлый и темный братья в «Евангелии от Филиппа», Нео и агент Смит, наконец, растворяются друг в друге. Агент Смит осыпается, как шелуха, показывающая, что мир архонтов пуст, ложен, что он иллюзорен, и остается только Свет.

Рисунок 18. Возвращение в гностической системе Юнга.

Древние гностики, также как Юнг и ФКД, настаивали на том, что гнозис является существенным фактором спасения, и без него спасение невозможно. Учитывая тот факт, что Вселенная состоит из информации, ФКД пришел к выводу, что только информация – гнозис, разыскиваемый гностиками – может спасти нас: *«Другого пути к спасению нет»* (2001, стр. 265, выделение текста добавлено). Однако ключевым аспектом гнозиса с точки зрения ФКД является то, что процесс достижения гнозиса – это не приобретение чего-то, чего у нас никогда не было, а анамнез (то есть потеря забвения), другими словами, вспоминание о том, кто мы и откуда мы пришли. Он утверждает, что информация, которая нам нужна, находится в нас, но скрыта, и все, что нам нужно сделать, это осознать ее (2011).

Спасение от чего именно? Для ФКД это означало спасение из этого мира, Тюрьмы из Черного Железа. Он утверждает, что Бог не несет ответственности за «такое устройство страданий» (там же, стр. 5775), но вместо этого Бог желает освободить нас от него и восстановить нас «как часть его» (стр. 5775). Возвращение к первоисточнику присуще гнозису ФКД. Эта концепция спасения, наряду с понятием поддельного феноменального мира, является неотъемлемой частью его акосмического мировоззрения и всех его произведений. Он добавляет, что цель, к которой он стремится посредством своей писательской работы – освобождение из этого мира, и достижение этой цели приведет к нашему воскрешению в Плероме.

По аналогии с гностической верой, где индивид должен инициировать процесс спасения, подготавливая невесту к встрече с женихом, ФКД чувствовал, что индивид должен «восстать» (стр. 6806) – сначала, по крайней мере, против Империи, чтобы спровоцировать спасение. Однако – и это снова согласуется с точ-

кой зрения древних гностиков – ФКД считал, что одного гносиса недостаточно для спасения, что роль Спасителя была необходима для восстановления нас в нашем истинном состоянии. Сами по себе мы не можем найти информацию, необходимую для того, чтобы вырваться из болота «наркотиков, коммунизма, секса и множественных, фальшивых, патологических псевдомиров» (стр. 8339). Только от Святого Духа мы можем получить гнозис, отсюда и христианское учение о том, что мы спасены благодатью Божьей, а не добрыми делами. Для ФКД гнозис сверху, переданный Святым Духом, приводящий к живому плазматизму в его поперечно-связанной активированной форме (то есть к гомоплазмату), сопровождаемый таинствами, является единственным средством спасения. Согласно ФКД, Спаситель выводит нас из этого мира. Как и гностики до него, но в отличие от Юнга, который придерживался гораздо более миролюбивого взгляда, ФКД предположил, что сам мир не может быть спасен, и что мы должны быть «спасены из этого умирающего (ядовитого, косного) мира» (стр. 8492). Он резюмирует свою метафизику и роль Спасителя в ней, заявляя, что наши умы были намеренно закрыты, чтобы ослепить нас относительно факта нашего заключения. Эта тюрьма – работа «силы подобного чародею злого божества» (стр. 8339), которому противостоит «таинственное спасительное существо, которое часто принимает трэш-формы и которое восстановит наши потерянные настоящие воспоминания» (стр. 8339). Тем не менее, несмотря на мрачную жестокость метафор ФКД об Империи и Тюрьме из Черного Железа, а также о необходимости отвергнуть и то и другое, чтобы спастись, ключ к спасению заключается не в том, чтобы уступить естественному побуждению бороться с системой. В соответствии с высказыванием Юнга о том, что то, чему мы сопротивляемся, сохраняется, ФКД считал, что те, кто борется с Империей, «заражаются ее расстройствами» (2001, стр. 264), что приводит к парадоксу, в котором в той мере, в какой мы

победим Империю, мы становимся Империей. Придерживаясь вирусной аналогии, он отмечает, что Империя – архонты – распространяются как вирус, навязывая свою природу своим врагам, и тем самым берут под контроль человечество.

Это напоминает сцену из выдающегося гностического мифа современности – «Матрицы», в которой агент Смит рассказывает о состоянии человека. Он говорит, что в попытке классифицировать человеческие виды он осознал, что они на самом деле не являются млекопитающими. Каждое млекопитающее в этом мире естественным образом развивает равновесие со своей средой обитания и является частью экосистемы. Люди, однако, этого не делают, – отмечает Смит. Вместо этого люди мигрируют из ареала в ареал и продолжают размножаться до тех пор, пока все ресурсы земли в ареале не будут исчерпаны, после чего переселяются в другой ареал и повторяют процесс. Смит саркастически добавляет, что организм, ведущий себя подобным образом, называется вирусом. Смит приходит к выводу, что люди – это не что иное, как рак на этой планете, чума, от которой планете нужно исцеление. Я знаю, что он «плохой парень», но я не могу не полюбить агента Смита хотя бы чуть-чуть. Я должен отдать ему должное, он обладает здравым смыслом. Мы вирус. Мы Империя и Черная Железная Тюрьма. Мы в тюрьме, и мы же наши собственные тюремщики. Мы архонты. Однако перефразируя Джорджа Оруэлла, все люди являются архонтами, но некоторые люди более архоничны, чем другие. Как организм устраняет чужеродные патогены? Одним из методов является фагоцитоз, и хотя организм не справляется с вирусами, не будем давать некоторым медицинским подробностям мешать хорошей метафоре. Интересно, что ФКД использует аналогию фагоцитоза в качестве средства, с помощью которого гомоплазмат избавляет человека от его архонического вируса.

Как отмечалось выше, гностическое видение Юнга включало телеологию, противоречащую взглядам древних гностиков. У древних гностиков созданный мир не имел позитивной цели ни для божественности, ни для человечества. Его единственным назначением было только зло: быть источником энергии для создавших его паразитических архонтов. Для Юнга целью человечества в мире является созидание и расширение сознания. Подобно Юнгу, гностическое видение ФКД включает конструктивную цель для мира, несмотря на его поддельную природу.

В «Трактате скрытых писаний» ФКД утверждает, что цель, которую Единый разум (Бог) ставит для Вселенной, состоит в том, что она служит «обучающим инструментом» (2001, стр. 266) для человечества. Его акосмическая гностическая перспектива заставляет его верить, что Бог не может быть найден в мире, поскольку у них принципиально различная природа. Чтобы осознать Бога, мир должен быть уничтожен. Он сравнивает мир с маской, спроектированной Богом, чтобы скрыть себя от человечества. Поэтому задача человечества состоит в том, чтобы разгадать моральные и эпистемологические загадки, которые мир представляет, чтобы «ожить» (2011, стр. 6968). Для ФКД созданный мир не изоморфен Божеству, они несовместимы, а мир – не что иное, как «дымовая завеса» (стр. 6976), которой человечество должно остерегаться; с миром нельзя сотрудничать. Следовательно, задача человечества в мире состоит в том, чтобы научиться или, точнее, заново научиться тому, как стать изоморфным Богу, другими словами, как вернуться к первоначальному состоянию Плеромы.

Как и гностики, ФКД также описал возвращение в Плерому с точки зрения вертикального подъема через то, что он называет ортогональной осью, которая будет обнаружена, в конце концов, по счастливой случайности, предположительно – после большой тяжелой работы. Тем не менее, опять же, в соответствии с гностиками, для ФКД восхождение является чисто метафорическим,

поскольку на самом деле достижение гнозиса означает повторное открытие того, что у нас уже есть. Мы уже в Плероме, мы всегда здесь были, и вместо физического подъема возвращение включает в себя движение к анамнезу и от амнезии. Таким образом, вместо того чтобы думать, что мы пришли из Плеромы и в конце концов вернемся в нее, более правильно, согласно ФКД, сказать: «Я являюсь частью [Плеромы] сейчас и всегда был» (стр. 4565).

Представление ФКД о гностическом спасении касается не только спасения индивида, оно также имеет ценность для социума. Подобно Юнгу, который считает, что рост индивидуального сознания способствует коллективному росту сознания, где Божество начинает полностью осознавать себя как Бога, ФКД считает, что спасение человека имеет гораздо большее значение для системы в целом, чем для самого человека (2001). Для человека гнозис и анамнез приводят к «квантовому скачку в восприятии, идентичности, познании, понимании, мировом и личном опыте, включая бессмертие» (стр. 268). Однако восстановление каждого человека способствует процессу самовосстановления всеобщего бытия, Плеромы.

Другим фактором в концепции гностического спасения у ФКД является искупительная ценность хаоса как стимула для перемен. В своей статье «Как построить Вселенную, которая не разваливается за два дня» (1978) ФКД делится секретом, что в своих трудах он любит осмыслять вселенные, которые действительно разваливаются. Ему нравится умственная стимуляция при разработке идеи о том, как герой его романа справится с такой вселенной. Он признается в «тайной любви» к хаосу и горячо защищает его, утверждая, что порядок не всегда является хорошей вещью, поскольку способствует окостенению и должен рано или поздно подчиниться изменению и рождению нового. Прежде чем новое может родиться, старое должно разрушиться и умереть. Точно так же, как Юнг полагал, что напряженность между про-

тивоположностями необходима для жизни, ФКД понимал, что требуется определенное количество хаоса, чтобы уравновесить порядок и ускорить изменения. Хаос является «частью сценария жизни». Он продолжает, что, как бы трудно это ни было, если мы не примем эту необходимость перемен, мы умрем внутренне, рост остановится, а спасение если и не прекратится, то будет еще более труднодостижимым. Порядок и хаос являются противоположностями, которые должны быть согласованы в жизни. Что мог бы одобрить Юнг.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Христос и София

Когда я считаю Высшее Существо неактивным, не создающим, не сохраняющим и не разрушающим, я называю его Брахманом... Безличным Богом. Когда я думаю о [нем] как об активном – создающем, сохраняющем, разрушающем, я называю [его] Шакти... Личной Богиней. Но различие между ними не означает разницу. Личное и Безличное – это одно и то же, как молоко и его белизна, алмаз и его блеск, змея и ее извивающееся движение. Невозможно представить одно без другого. Божественная Мать и Брахман едины.

Рамакришна, индийский мистик

Не случайно слова «целое» (*whole*) и «святое» (*holy*) имеют общее происхождение. Стать святым означает стать целым, вернуться к Единому, Плероме. Древние гностики утверждали, что спасение требует растворения всех противоположностей; Юнг настаивал на примирении и интеграции противоположностей; какие из них являются важнейшими? Если основополагающая полярность – это сознательное/бессознательное, то следующей по важности будет первичная сизигия, дихотомия мужского/женского – и вполне возможно, что нет пары противоположностей, нуждающихся в нашем срочном внимании больше, чем эта. На протяжении веков женское неистово подавлялось – в том числе

институтами христианства – и можно привести бесчисленное количество примеров крайней, бессмысленной жестокости по отношению к женщинам, упорного и фанатичного искоренения женского принципа в различных сферах жизни, стремления унижить, сжечь, растоптать то, что может показать важность и ценность феминного начала. Просто невозможно стать целым, когда одна половина этого целого, женская, отрицается. Критическим для спасения человечества является восстановление божественной женственности, задача, важность которой утверждается многими как наиболее важная из стоящих перед человечеством в этом столетии (Руумет, 2006). До тех пор, пока она не будет разрешена, она останется самой важной задачей последующих веков, если предположить, что человечество тем временем не разрушит себя.

Одной из ключевых особенностей гностической космогонии является Барбело, высший женский принцип. В результате гипостатизирования мысли Великого Невидимого Духа, известной как «слава откровения» и Протенная, из изначальной божественности порождается Барбело, женский аналог Бога, первая эманация, первый совершенный эон. В «Тайной книге Иоанна» Барбело – это отражение Духа, чрево, «Непостижимая Утроба», из которой произошло все остальное творение. С ее рождением Единый становится Двойным; теперь это Мать-Отец, через которого все обрело форму. Следует отметить, что первая мысль – это образ Великого Невидимого Духа. В гностической мысли не человечество создано по образу Бога, а первая мысль, Барбело, которая является зеркальным отражением высшей божественности, ее женской частью. Несмотря на невыразимую природу Великого Невидимого Духа и Барбело, как не-существующих-вне-бытия их можно условно охарактеризовать следующим образом:

<i>Великий Невидимый Дух</i>	<i>Барбело</i>
Мужское	Женское
Отец	Мать
Покой	Движение
Пустота	Полнота
Ничто	Всё
Мыслитель	Первая мысль
Глубина	Тишина

«Евангелие от Фомы» учит, что божественное – это движение и покой. Обозначение покоя как мужского принципа и движения как женского – противоположно более привычным представлениям, в которых мужской принцип считается активным по отношению к более пассивному и восприимчивому женскому принципу. Эта энантиодромия (склонность вещи превращаться в свою противоположность; здесь – в парные противоположности) указывает на нечеткую природу недифференцированных противоположностей в Плероме, где мужчина может быть женщиной, а женщина – мужчиной. ФКД также отмечает потенциал для переключения полюсов в истинных полярных противоположностях. В «Экзегезе» ФКД отмечает, что как только что-то начинает существовать, оно превращается в свою противоположность, которая впоследствии превращается в противоположность этому – и так далее (2011, стр. 10155). Юнг также описывал энантиодромию. Получается, что для того, чтобы что-то существовало, оно должно вибрировать, и, поскольку первые излучения вибрируют на максимально возможной частоте, они, следовательно, обладают способностью часто – практически мгновенно – переключать полярность. Учитывая, что противоположности на самом высоком

уровне в Плероме дифференцированы в бесконечно малой степени, их вряд ли можно считать отличимыми вообще, и первую эманацию, Барбело, характеризуют как андрогинную «Мать-Отца». Мы могли бы описать Мыслителя и Первую Мысль, обозначенных как покой и движение соответственно, примерно так: Великий Невидимый Дух пребывает в покое, как ленивый бездельник, он закинул ноги на стол, в его руке пиво, он смотрит футбол («Плерома Юнайтед» против «Архонтских Скитальцев»), в то время как его партнер, творческая сила, Барбело, приступает к серьезному занятию творения.

Присвоение мужского пола (Отец) – или женского пола в этом случае – Единому, Великому Невидимому Духу, до того, как он подумал о существовании Барбело, кажется онтологически неверным – не говоря уже о сексизме. Противоположности не могут существовать без своего партнера, нет верха без низа, нет горячего без холодного и нет мужского без женского. Противоположности могут существовать только по отношению друг к другу. Если бы все было горячим, а холодного не было, тогда «горячее» и «холодное» были бы бессмысленными понятиями, даже концепция температуры была бы бессмысленной. Если мы попытаемся определить одного из близнецов пары противоположностей, мы будем либо ссылаться на синонимы (например, «верх» будет определяться в терминах «выше»), которые просто помогают избежать проблему, либо нам потребуется сделать ссылку на его противоположности (например, «верх» может быть определен в терминах перехода от «ниже» к «выше»). Из этого следует, что Единый сам по себе не может иметь пол или любую другую характеристику. «Единый» (и любое другое понятие предельной божественности) находится за пределами пола; назначать его пол бессмысленно, это мешает понять фундаментальные отношения противоположностей (что кажется упущением со стороны гностиков, учитывая, насколько важна концепция противополож-

ностей для их тезисов). Понятие противоположностей, включая пол, возникает только тогда, когда Единый становится Двойным. Учитывая невыразимость того, что обсуждается, гендерные назначения кажутся произвольными, и, возможно, решающим моментом является тот, когда Единый, Мыслитель, думает, что Барбело, Первая Мысль, существует, и тогда начинает существовать андрогинная пара. Эта сизигия Мать-Отец является вечным царством – Единый вне времени, в сверхбытии – и первым и высшим из невидимых царств Плеромы. Только когда Единый становится Двойным, между ними может возникнуть динамический потенциал, который ведет к творению. Согласно Юнгу, жизнь рождается из искры противоположностей – как и сизигия Матери-Отца, Барбело является творческой силой, из которой возникло все остальное. Из взаимодействия двойных мужских/женских полюсов внутри Матери-Отца начался процесс эманации. Единый до Первой Мысли – это Ничто Плеромы; Мать-Отец – это Полнота Плеромы.

Вопреки тому, что кажется общим взглядом, в гностической мысли именно Барбело, а не София, является высшей Божественной Женственностью. Барбело – это первый зон, София – последний. В то время как Барбело совершенна, София – довольно непослушный ребенок, чья ошибка, желание создавать самостоятельно, привела к появлению Демиурга и остального мира – нашей истории. Демиург крадет Свет у своей матери Софии, и когда она осознает последствия злой выходки сына, то раскаивается. Ее покаяние приводит к волнению, и это волнение – вибрация, на которой основан созданный мир. Существование мира – это вибрация. Демиургу и его архонтам не хватало силы для самостоятельного творения. Они захватили творческую силу Барбело через ее дочь Софию, мать Демиурга, чтобы создать мир. Единственная сила архонтов заключается в их обмане. Стыдясь за то, что она сделала, София не осмелилась вернуться к полноте Плеромы,

но удалилась на самую темную ее периферию. Затем, когда она поняла, что архонты создали людей, чтобы питаться их светом, она передает часть своей сущности человечеству. Таким образом, часть Софии остается в изгнании в низшем царстве Плеромы, а другая часть остается в ловушке в падшем мире. София представляет собой человеческую душу, разделенную между мирами духа и материи.

* * *

Хотя фокус работы Юнга был явно психологическим, без сомнения, в ней существовал глубокий метафизический подтекст, и в течение его карьеры произошел значительный сдвиг от применения психотерапии для лечения неврозов к погоне за психическим духовным развитием, которое он назвал индивидуацией. Этот сдвиг отражал переход, который он наблюдал у своих пациентов, когда они переходили из первой половины жизни во вторую. Он утверждал, вылечив сотни пациентов, что основной проблемой для людей во второй половине жизни – после тридцати пяти лет – является необходимость найти духовные ориентиры, без которых они никогда не будут действительно исцелены. Учитывая, что психология Юнга основана на гностической теме противоположностей, можно сказать, что цель психодуховного развития в его понимании состоит не в том, чтобы стать «хорошим» или «святым» *как таковым*, а в том, чтобы стать целостным. Принимаем ли мы гностический взгляд на путь восхождения обратно к Плероме, который повторяет шаги пути нисхождения в обратном порядке, то есть в котором должна произойти обратная дифференциация противоположностей, или мнение Юнга о том, что кульминация психодуховного развития требует примирения и интеграции всех противоположностей – целостность не может быть достигнута до тех пор, пока женский принцип, так долго осужда-

емый, полностью не восстановится на своем законном месте в качестве равного своему мужскому аналогу. Тогда и только тогда может произойти необходимая интеграция первичной мужской / женской сизигии.

Что это значит на практике? В метафорах гностиков это означает подготовку невесты к союзу с женихом. Как мистический брак может быть завершен, если невеста была забыта, исключена? «Евангелие от Филиппа» упоминает о союзе духа и души, происходящем в зеркальном брачном чертоге. Это говорит о том, что дух и душа являются зеркальными отражениями друг друга и должны получить равный статус. Любая духовная практика, направленная к высотам обретения духа, должна быть дополнена работой, чтобы вернуть душу. Именно то, что гностики делали для достижения этого союза, в значительной степени потеряно в прошлом – если, конечно, вы не знаете одного из немногих избранных, посвященных в тайные гностические учения. Однако поскольку их духовное наследие прочно укоренилось в гностической традиции, процесс индивидуации Юнга обеспечивает современный метод для интеграции того, что было подавлено, включая дезавуированный женский принцип. На языке психологии Юнга подготовка невесты означает воссоединение с потерянной душой и ее восстановление. Для Юнга духовность женского принципа земная и нисходящая; следовательно, освоение души требует погружения в хтонические глубины бессознательного. Эта потребность в дополнительной духовной практике и работе души символизируется деревом, ветви которого достигают небес, а корни уходят в царство тьмы. Только в той степени, в которой корни дерева проникают в землю, его ветви достигают небес. Без корней не может быть ветвей, достигающих небес. Корни на первом месте. Чтобы подняться, мы должны сначала спуститься. Изображение дерева также указывает на преодоление дуальности и возврат к Плероме: это одно и то же дерево над и под землей.

Подлинная духовность должна основываться на психологии, которая признает душу, и работает, чтобы освободить живую душу от заключения в животный мир. Это не значит, что психологическая работа должна быть завершена до того, как начнется духовный путь; но психологическое развитие и работа души должны быть на шаг впереди духовной практики. Жених появится только в той степени, в которой невеста была подготовлена. Дух можно получить только в той мере, в которой животная душа стала живой душой. Без необходимой работы по исцелению души любая форма психодуховного развития является лишь формой того, что называется «духовным эскапизмом».

Духовный эскапизм – это термин, введенный в начале 1980-х годов буддийским учителем и психотерапевтом Джоном Уэлвудом; он использовал термин для обозначения феномена использования духовной практики как способа отрицания и избегания своей человечности. Термин появился как реакция на то, что он считал широко распространенным «профессиональным риском» для людей в духовных сообществах, использующих духовную практику, чтобы «избежать столкновения с нерешенными эмоциональными проблемами, психологическими ранами и незавершенными задачами развития» (Фоселла и Уэлвуд, 2011). Лично я всегда находил этот термин не совсем верным; человек пытается убежать не от духа, скорее, от психики или души со всем их беспорядком.

Уэлвуд описывает духовный эскапизм как преждевременную – и, следовательно, обреченную – попытку выйти за пределы духовных сфер, не столкнувшись сначала с «сырой и грязной стороной нашего человеческого естества» (там же). На психологическом уровне духовный эскапизм действует как защитный механизм, который пытается обойти все те вещи, с которыми мы не хотим иметь дело – психологические проблемы, проблемы в отношениях и тому подобное – потому что их проживание эмо-

ционально болезненно, потому что они социально неприемлемы или не соответствуют представлениям, которые мы имеем о себе и проецируем на мир, и так далее. На более глубоком уровне, с гностической точки зрения, духовный эскапизм приводит к тому, что мы не обращаем внимания на все то, что заставляет нас цепляться за животную душу и далее отсоединяет от живой души, которую мы унаследовали от Плеромы.

Психодуховный терапевт и писатель Роберт Август Мастерс считает, что распространенность проблемы среди тех, кто ведет активную духовную жизнь, частично объясняется как нашей коллективной, так и индивидуальной неприязнью к признанию, адресации, пробуждению нашей боли. Несмотря на то, что избегание боли в нашей культуре считается нормой, духовный эскапизм остается без внимания. Мастерс (2016) каталогизирует ряд различных случаев, в которых он наблюдал проявление духовного эскапизма, включая, например, выраженную отрешенность, подавление эмоций, переоценку позитивного, чрезмерную критику своей тени, оценку духовного значения за счет личных проблем и переоценку своего духовного развития.

Уэлвуд отмечает, что одним из самых пагубных последствий духовного эскапизма является то, что он ведет к опасному и изнурительному расколу между духовной жизнью человека и его повседневной бытийностью, в котором первое оценивается в ущерб второму. Это создает дисбаланс в ряде пар противоположностей: связь с безличной идеей божественности ставится над личными человеческими связями, преследуется трансцендентное и оскорбляется воплощенное, добродетель самостоятельности используется для отрицания и избегания эмоциональных потребностей – и так далее (Фоселла и Уэлвуд, 2011). Как было отмечено выше в обсуждении концепции противоположностей Юнга, следствием предпочтения одного полюса пары противоположностей является то, что другой полюс пары подавляется, и все подавленное вы-

тесняется в бессознательное, а эффекты этого вытеснения могут быть непредвиденными, нежелательными и опасными. Духовная практика может быть по-настоящему эффективной, если она идет параллельно с должным учетом наших основных человеческих потребностей. Тем не менее, любые достижения в духовной практике не теряются. Как сказал Торо, если мы построили воздушный замок, наша работа не будет потеряна. Воздух – это место, где полагается быть нашим духовным замкам, нам просто нужно помнить о том, чтобы основать их на прочном психологическом фундаменте. Вспомним слова Спасителя:

Поэтому каждый, кто слышит мои слова и следует им, подобен мудрому человеку, построившему свой дом на скале. Дождь пошел, потоки поднялись, и ветры обрушились на этот дом; все же он не пал, потому что его основание было на скале. Но каждый, кто слышит мои слова и не следует им, подобен глупому человеку, который построил свой дом на песке. Дождь пошел, потоки поднялись, и ветер обрушился на этот дом, и он упал с громким треском.

От Матфея 7:24-27, KJV

Духовный эскапист похож на человека, построившего свой дом на песке. Дожди и ветры, которые обрушиваются на него в повседневной жизни, смывают и снесут шаткое здание его духовной практики.

Мастерс (2016) считает, что подлинная духовность не возникает в «пузыре невосприимчивости» к жизненным проблемам, а является трудной задачей, связанной с «большим пламенем освобождения», который проявляется в тигле от жара и света. Он добавляет, что хотя нам нравится свет, мы избегаем зноя, и цитирует пережившего Холокост психиатра Виктора Франкла, сказав-

шего: «То, что дает свет, должно выдержать горение». Точно так же Юнг учил, что мы должны пройти через ад страстей, чтобы преодолеть их. В отличие от гностиков, цель которых состояла в том, чтобы спастись из этого тюремного мира и вернуться в Плерому, Юнг считал, что жизнь нужно прожить в полной мере. Только живая жизнь может освободить нас от нее (2009). Однако без боли в сознании нет роста, и, к сожалению, согласно Юнгу, большинство людей сделают все, чтобы избежать столкновения со своей собственной душой. Аналогично в «Евангелии от Фомы» Спаситель говорит, что тот, кто рядом с ним, близок к огню. Чтобы осуществить воссоединение духа и души, нужно выдержать огонь. Каждый истинный гностик обязан сжечь все, что мешает освободить живую душу. В том же духе западная буддийская монахиня, учитель и автор Пема Чодрон (2000) учит, что мы можем найти неуничтожимую часть себя только в той степени, в которой мы постоянно подвергаем уничтожению наше ложное ощущения себя. В гностических терминах неразрушимое внутри – это божественная искра, а его аналог – живая душа. Перефразируя Чодрон, мы возвращаем утраченную живую душу только в той степени, в какой мы спускаемся в бессознательное и снова и снова подвергаем уничтожению животную душу.

* * *

Датчанин собирается почистить кишашую крысами духовку. Он бывший строитель, долгое время медитировал и живет в эко-сообществе, в котором увлекаются пермакультурой и экологичным образом жизни. Никто в сообществе не предлагает помощь, поэтому предлагаю я. Духовка полна крысиного помета. Когда мы начали чистить духовку, я порезал себе палец, и потекла кровь. Когда я вернулся к уборке, из печи выбежали две крысы, одна за другой. Затем

древесная змея скользнула между нами. Мы оба отступили от змеи, и она уползла. Затем она вернулась и проползла мимо нас.

Авторский дневник сновидений, январь 2017 г.

Несмотря на то, что он много лет практиковал духовную дисциплину медитации, он не ищет мистического полета в одиночку. Он укоренен в мире, и готов справиться с грубой и грязной стороной (очистка духовки, кишашей крысами) нашей жизни. Он не из духовных эскапистов. Два человека, две крысы, две змеи (змея появляется дважды); двойственность, двойственность, двойственность. Я связываю тот факт, что этот человек датчанин, с физиком Нильсом Бором (упомянутым выше), который включил даосский символ инь/ян в свой герб, что еще больше усиливает тему дуальности. Этот мир основан на противоположностях, другими словами, на двойственности.

Змея появляется дважды, и это *древесная* змея, что ясно символизирует кадуцей, пару змей, сплетенных вокруг деревянного посоха (рис. 19). Чертон (2015) предполагает, что змей является символом Софии, и нечто похожее на восточную дисциплину кундалини-йоги, вероятно, было главным для гностиков, особенно для сифиан – в духовной практике. Если микрокосм отражает макрокосм, гностический миф о сотворении и искуплении с точки зрения отдельного гностика следует рассматривать как событие, происходящее не в космосе, а внутри пробужденного существа гностика. С этой точки зрения свет Плеромы в форме семени проникает через макушку головы и спускается в нижние области, в частности – в гениталии, более всего связанные с невежеством архонического мира через цикл рождения и смерти. Когда Семя Света входит в голову в своем первоначальном состоянии, оно чистое, но оно превращается в «яд», когда спускается

в гениталии. София в виде змеи перенаправляет его обратно по позвоночному столбу (дереву) через чакры к шишковидной железе в голове, воротам в Плерому. «Как Моисей поднял змея в пустыне, так и должен быть вознесен Сын Человеческий» (От Иоанна 3:14, KJV). Тогда нисхождение Семени Света вниз через макушку головы – это, с точки зрения гностиков, нисхождение эмиссара из царства Света, а работа Софии – это перенаправление Семени Света из нижних областей, половых органов, вверх по позвоночнику к шишковидной железе и обратно к ее истоку в Плероме. Это гностическое воскресение. Земные отношения Иисуса с «искупленной блудницей» Марией Магдалиной отражают союз Христа и искупленной Софией в Плероме (Чертон, 2015, стр. 3149). Говорят, что Иисус изгнал семь бесов из Марии Магдалины (От Марка 16:9), и это вполне может быть отсылка к семи чакрам восточных систем, расположенным вдоль позвоночника, и их «очистке». Пробужденный гностик, мужчина или женщина, которые подняли змея, могут осознать воссоединение Христа и Софии.

Цитируя средневековую «Куларнава-тантру», Чертон отмечает с точки зрения мужчины: «Если бы освобождение могло быть достигнуто просто путем связи с [женщиной партнером], все живые существа в мире были бы освобождены благодаря связи с женщинами» (стр. 2487), прежде чем добавить, что знание и техника того, что требуется, имеют решающее значение. По его мнению, освобождение может быть достигнуто посредством сексуальной связи, но при условии, что партнеры поддерживают правильное состояние сознания. Гностические тексты Библиотеки Наг-Хаммади, по-видимому, предполагают иное.

* * *

Хотя терминология отличалась, Юнг прекрасно понимал опасность духовного эскапизма. Признавая, что все, что отличается от Плеромы, является парой противоположностей, он осознал, что Бог и дьявол образуют пару противоположностей. Не может быть одного без другого. В «Красной книге» он признает, что если он нуждается в Боге, то у него также должен быть дьявол. Нельзя достичь света свыше, не обратившись сначала к демонам во тьме глубин, то есть – не приведя тьму к свету сознания. Подготовка невесты, восстановление души, требует работы с тьмой бессознательного.

Рисунок 19. Кадуцей.

Содержимое бессознательного, из-за того факта, что оно бессознательно – поэтому неизвестно и, в конечном итоге, непостижимо – нечетко и имеет тенденцию к хаосу. Таким образом, отвергнутая и оставленная душа, доступная только через бессознательное, имеет тенденцию смешиваться с другими бессознательными факторами. Следовательно, живая душа может быть восстановлена только путем погружения в темные глубины бессознательного, и спасательная миссия означает обращение к нашим демонам и борьбу с тьмой, которая держит ее в плену. По словам Юнга, это включает зажигание света сознания во тьме нашего существа и привнесение тьмы в свет. «Не общайтесь с бесплодными делами тьмы, но обличайте их» (Ефесянам 5:11, KJV). Хотя процесс юнгианского психодуховного развития совсем не линейный, первый шаг всегда включает работу с тем, что Юнг называл тенью.

В юнгианской психологии тень – это термин, используемый для обозначения совокупности всех отрицаемых частей личности в бессознательном. Тень состоит из тех аспектов нашей личности, с которыми мы не хотим иметь дело, и поэтому заметаемых под психологический ковер. Как следует из названия, тень – это темная сторона личности, и именно она является совокупностью всех частей нашей индивидуальности, которых духовные эскаписты стремятся избежать. Объединенные в целое, отверженные аспекты нашего психологического облика могут функционировать как автономный комплекс. Юнг утверждал, что все реальное отбрасывает тень, столь же реальную, как и сама вещь. В той степени, в которой существует какая-либо реальность для нашего общего ощущения себя – для эго-личности с сопровождающей ее персоной, для маски эго-личности, которую мы показываем миру – существует и теневой комплекс, который абсолютно реален.

В контексте своего представления о психике как о саморегулирующейся системе Юнг считал, что тень компенсирует любую односторонность в структуре эго/персоны, и это может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Тем не менее, из-за своей подавленной и бессознательной природы тень обычно действует таким образом, что считается негативной.

Одним из лучших исследований человеческой тени в литературе является роман Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Стивенсон (1886) представляет идеальное описание неопределенной (то есть в значительной степени бессознательной) природы тени:

Его нелегко описать. Что-то не так с его внешностью; что-то неприятное, нечто совершенно отвратительное. Я никогда не видел человека, который мне так бы не нравился, и все же я едва знаю почему. Должно быть он где-то деформирован; он создает сильное чувство уродства, хотя я не могу уточнить суть.

Стивенсон отмечает, что хотя человек, возможно, является «не более чем государством разнообразных, нелепых и независимых жителей», эти различные факторы в значительной степени объединяются в две противоположные природы. В том, что он описывает как первозданную дуальность, люди не едины, а двойственны. В нас одновременно присутствует как добро, так и зло, и понимание этого он сравнивает с ужасным кораблекрушением. Такова сила столкновения с тенью.

Юнг установил два измерения тени: одно личное, другое архетипическое. Личная тень состоит из подавленных, вытесненных частей личности человека, тогда как архетипическая тень – это аспекты, отвергнутые обществом. Личная тень – это наш личный Демиург, а архетипическая тень – это гностический Демиург

и его архонты. Восстановление живой души требует, чтобы мы обращались не только к нашей личной тени, но также и к темноте коллективной демиургической тени в той степени, в которой она касается нас. Как отмечалось выше, «Евангелие от Филиппа» учит, что пока корень зла остается скрытым, его власть над нами будет сохраняться. Он могущественен, потому что мы не осознаем его. Другими словами, когда он осознается, когда он попадает в свет сознания, он умирает. «Евангелие от Филиппа» призывает нас копать землю, чтобы обнаружить корень зла и вырвать его из наших сердец. Его искоренение в его признании. Пока он игнорируется, он укореняется в нашем сердце и доминирует над нами. Мы становимся его рабами, и наше порабощение в том, что мы вынуждены делать то, чего не хотим, и не можем делать то, что хотим. Если мы не осознаем архонтов внутри нас, они падают в тень, и это прекрасно подходит архонтам. Оттуда они могут беспрепятственно продолжать свою дьявольскую деятельность. Освобождение души начинается с признания тьмы.

* * *

Пока я работал над этой главой, мне приснился следующий сон:

Я иду с группой людей, чтобы подготовиться к многодневному забегу. Мне сказали, что мой опыт участия в «Камино» в Испании в прошлом году был хорошей подготовкой к бегу, хотя это был 24-часовой забег, а не многодневный. Я иду к своему шкафчику, чтобы взять свою спортивную одежду, но когда я открываю дверь шкафчика, за ней появляется другая дверь. Я открываю ее, а там следующая дверь. Это повторяется несколько раз, и я все никак не могу открыть шкафчик. Я смотрю на пару смежных шкафчиков,

и они одинаковы. Дверь шкафчика открывается, показывая другую дверь. Я разочарован тем, что не смогу надеть свою спортивную одежду для бега. Появляется женщина, чтобы помочь мне. Примечательно, что я буду соревноваться не в шортах, а в джинсах, а обут я не в кроссовки.

Тем не менее, это скорее приключенческая гонка, чем спортивная. В конечном счете, гонка – это всегда гонка, но у каждого участника есть свой собственный набор чекпойнтов, которые нужно пройти по ходу гонки. Нам дают подсказки только к следующему чекпойнту, и мы должны найти путь туда, где мы что-то получаем, в том числе и подсказки к следующему чекпойнту.

Когда мы приступаем, я думаю о том, что только что вернулся из удивительного путешествия на Аляску. Я рассказываю коллегам о том, как чудесно я провел время. Мы с другом думаем о покупке бревенчатой хижины на Аляске и проведении каникул, наполненных активным отдыхом, включая рыбалку.

Мой первый чекпойнт – парк в городе, вероятно, Глазго. Там есть небольшой информационный киоск для туристов, к нему в очередь выстраиваются несколько участников, чтобы получить информацию о том, как добраться до их чекпойнта. Мне хочется бежать дальше, но я думаю, что должен остановиться и спросить дорогу. Женщина в беседке говорит мне, что парк находится через дорогу и за углом. Я должен пересечь улицу Дональдсон, чтобы добраться туда. Я благодарю женщину по-испански. Почему? Полагаю, что я в Испании или Южной Америке? Это Глазго, женщина говорит на моем языке.

Я вхожу в парк и смотрю вокруг, чтобы найти подсказку. Парк, похоже, разделен на огороженные сады. Я должен перелезть через забор, чтобы заглянуть в следующий

сад. Это может усложнить дело. Я осматриваюсь и нахожу некоторые вещи, оставленные для меня. Один из предметов – символ рыцаря, находящегося в поисках Святого Грааля, или паломника. Я хочу взять его с собой. Он как обещание, что святость будет возложена на меня, когда я завершу путешествие. Другим предметом является неоплаченный счет на небольшую сумму (возможно, за гостеприимство, полученное в месте, где началось путешествие).

Быстро смеркается, и мне интересно, проведем ли мы где-нибудь ночь или продолжим путешествие через ночь. Я вижу записку, в которой говорится, что мой гид появится около 8:15 вечера, чтобы отвезти меня в гостиницу. Вскоре появляется молодая женщина. Ее зовут Ирия. У нее русые или светлые волосы, и она носит очки. Она смутно напоминает мне о молодой румынской женщине, которую я кратко встречал на «Камино» в прошлом году, за исключением того, что у Ирии волосы светлые, а не темные. Ирия живая, восторженная, отзывчивая, ободряющая; в ней есть все качества хорошего гида по активному отдыху.

Авторский дневник сновидений, декабрь 2016 г.

Я запрашивал сон, в котором будут освещены некоторые темы этой главы. Этот сон – результат. Тем не менее, большая часть его содержания носит личный характер и не имеет отношения к теме книги. Однако посторонние детали – связанные с этой работой – были включены в повествование сновидения, чтобы проиллюстрировать соответствующие детали в тексте и сохранить при этом целостность сна.

Сон появился, когда я работал над этой главой и читал «Божественное вторжение» ФКД, в котором главную героиню женского пола, представляющую Софию, зовут Зина – это румын-

ское имя. Учитывая упоминание о румынской женщине во сне, я предположил, что Ирией звали восточноевропейскую женщину. Тем не менее, Ирия – это мужское имя, на санскрите означающее «сильный» или «энергичный». Во сне Ирия – женщина, а не мужчина, и это говорит о том, что имя указывает на ее значение, а не на пол. Таким образом, Ирия представляет творческую силу женского начала. Я мог бы распознать Ирию как фигуру анимы, но это было бы сухой интеллектуализацией; Ирия – это душа, моя душа и дочь Софии. Сон предполагает, что святость будет возложена на каждого, кто открывает заново свою душу и следует за ней через лабиринт (рисунок 20) развилки, поворотов и чекпойнтов до конца путешествия.

*Рисунок 20. Лабиринт,
символизирующий одиссею жизни.*

Мой сон о шахматах (см. выше) и этот сон представляют путешествие жизни как игру и приключенческую гонку, соответственно, оба компенсируют темный пессимизм, который слишком легко можно прочесть в гностическом послании. Гностическая традиция завладела мной, и я принимаю ее со значительной неохотой; это сообщение говорит о темноте, которой я не желал.

* * *

ФКД также знал о настоящей необходимости интегрировать женский принцип. В «Экзегезе» он рассказывает о сне, в котором ему открылась двойственная природа Христа: образ, который он описывает как средневековый диптих (то есть алтарная роспись двух деревянных панелей на петлях), правая панель которого иллюстрирует внутреннюю природу Христа. ФКД сравнивает этот образ с картиной Микеланджело, «Дельфийской сивиллой», и отмечает, что на диптихе есть надписи: «ОНА» и «СЕКРЕТ».

Из этого сна ФКД заключает, что женский аспект Христа, который он считает высшей частью – это Святая Мудрость (то есть София). Далее он выражает свое нетерпеливое ожидание того, что видит как следующий цикл эволюции человека, который будет включать в себя комбинацию мужского и женского принципов, изображенных в его сне. Он утверждает, что «будет доминировать женская сторона, и это здорово» (2011). Воображаемый Христос у ФКД на самом деле является мужчиной/женщиной, Христом / Софией, сизигией, физически мужчиной снаружи и духовно женщиной внутри, сочетая в себе то, что он считает лучшим из того и другого: «мужская поза уверенности в себе плюс женская любовь и тепло» (стр. 4287). Возможно, это мужское описание духовной сизигии мужчины / женщины, пережитой в результате его встречи с анимой. Женское переживание той же мужской / женской сизи-

гии может быть совершенно другим. Для ФКД это воплощение Софии: «Два человека, точнее... две сущности! Формирующие одного человека!» (стр. 4303). София – это Христос; они одно и то же (2001, стр. 175). Затем ФКД продолжает утверждать свою концепцию сизигии Христа/Софии как гностическую, утверждая, что только гностицизм «отрицает патриархальную иудейско-христианскую религию и сохраняет Софию как богиню-творца» (2011, стр. 4370). Он продолжает, что его «опыт – леги, и она точно гностик. *Никто иной*» (стр. 4370, выделено в оригинале), прежде чем добавить, что его откровения указывают на то, что все ведет к ней, что в этом суть гностицизма. Но он не совсем прав. Он прав, предоставляя Христу и Софии равный статус для первичного баланса сизигии, но следует отметить, что София не была в роли создателя. В сфере божественного все было создано творческой силой Барбело, а этот мир – несовершенное дело рук Демииурга и архонтов, которые присвоили часть силы Софии.

На ФКД огромное влияние оказала потеря сестры-близнеца, которая умерла вскоре после рождения. Он видел задачу работы своей жизни в том, чтобы обрести потерянную душу, которую проецировал на сестру, для него в этом было возрождение Софии. Он заявлял, что его усилия в этом мире, а также во всех других мирах направлены на поиск сестры, которую он описывает как своего двойника-женщину. Он полагал, что она жила и после своей физической смерти, и что однажды он воссоединится с ней (стр. 8395).

* * *

В современном мире любое почитание женского принципа неизменно связано с проблематикой окружающей среды, поклонением Матери-Земле и Женской Божественности. Следует отметить, что гностики не приравнивали Софию или любой другой

женский эон к Матери-Земле. Действительно, у гностиков нет концепции Матери-Земли; для них этот мир – порочный, созданный Демииургом и архонтами. Любая попытка превратить почитание Софии гностиками в некое синкретическое поклонение Гайе нью-эйджа является вопиюще неверным толкованием позиции гностиков. Поклонение Матери-Земле не являлось частью почитания божественного женского у древних гностиков. Заметьте, что не утверждается, что гностики были «правы», а «нью-эйдже-ры» – «неправы» – истинный гностик попытался бы превзойти такие черно-белые заявления – просто указывается, что смешение гностической Софии с *физической* землей или любым метафизическим субстратом земли явно неточно, не говоря уже о позорном культурно-религиозном присвоении. Тем не менее, представление о том, что этот мир является миром сновидений, тюрьмой и коррумпированным миром, созданным по ошибке, не следует рассматривать как предоставляющее гностическую лицензию на вопиющее игнорирование экологических проблем. Напротив, сон реален до тех пор, пока он продолжается, и его среда питает наши физические тела, пока мы здесь. В «Евангелии от Филиппа» говорится, что воскрешение может быть достигнуто только в этом мире, поэтому физическое тело является инструментом его достижения. Долг в том, чтобы защищать окружающую среду, которая поддерживает нас.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Воображение и третий глаз

Воображение – единственное оружие в войне с реальностью.

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране Чудес»

К настоящему времени должно быть ясно, что основной тезис этой книги заключается в том, что в гностической традиции возвращение к Плероме основано на реинтеграции и распаде дифференцированных противоположностей. В предыдущей главе исследовалось примирение первичной мужской/женской сизигии, духа и души, жениха и невесты. Тем не менее, существует еще одна фундаментальная пара противоположностей, которые необходимо растворить, чтобы Плерома была реализована. Возвращение к Плероме включает растворение, как это ни парадоксально, дихотомии Плерома/не Плерома, которая часто выражается в разделении, подразумеваемом пространственными метафорами «над» и «под», «выше» и «ниже», «внутри» и «снаружи» и так далее. В гностическом видении Юнга Плерома одновременно трансцендентна и имманентна – «там вверху» и «здесь внутри» – удаленная от сотворения, но пронизывающая все творение.

В «Евангелии от Марии», которое обычно считается гностическим, хотя и не фигурирует в Библиотеке Наг-Хаммади, Мария спрашивает Спасителя, как увидеть Бога – через душу или через дух, на что Спаситель отвечает, что разум видит через вообра-

жение. Именно разум предоставляет человеку доступ к высшим духовным сферам, а способность разума, необходимая для этой цели – это воображение. Глубоко духовный шотландский натуралист Джон Мьюир (1838–1914), имевший опыт переживания Бога через мир природы и сыгравший важную роль в создании первого национального парка в США, считал, что сила воображения может сделать нас бесконечно разнообразными. Точно так же Эйнштейн сказал, что логика может привести нас от А к В, но воображение может привести нас куда угодно. Он чувствовал, что интеллект ограничен тем, что мы в настоящее время знаем и понимаем, но воображение безгранично и может охватить весь мир и выйти за его пределы, включая все, что можно было бы узнать и понять – и все, что мы никогда не смогли бы понять. Следует подчеркнуть, что здесь обсуждается воображение, функционирующее в его интуитивном качестве. Перефразируя Эйнштейна еще раз, интуитивный разум должен быть признан священным даром, тогда как мыслящему разуму должна быть отведена роль верного слуги. К сожалению, мы стали жертвами укоренившихся отношений, в которых чтят слугу, пренебрегая даром интуитивного воображения. Воображение – это средство, которое может привести нас куда угодно, в том числе в духовные царства «вовне» или «ввысь». Оно также может привести нас «внутри» или «вниз», в глубины души. Воображение – это инструмент, с помощью которого можно примирить и объединить верхнее и нижнее, внутреннее и внешнее, а также Плерому и сотворенный мир. Воображение – это средство нашего спасения. Это единственное оружие в войне против ложной реальности, навязанной архонтами.

Спаситель в «Евангелии от Марии» учит, что человеческий разум, который получает видения, существует между духом и душой. Точно так же в «Семи проповедях» Юнг описывает человека как ворота, через которые боги, даймоны и души могут пройти из бесконечного пространства внешнего мира в глубины бесконеч-

ности внутреннего мира. Внешний мир богов и даймонов – это духовное измерение его психологического аналога, коллективно-бессознательного. По сути, мир богов и даймонов идентичен коллективному бессознательному. Если есть какая-либо разница, то она только в частотах вибрации, их сущности одинаковы. ФКД также видел, что человечество находится между двумя царствами, связанными человеческим разумом. В одном из своих видений, изложенных в «Экзегезе», он описывает два мира: наш мир, который он называет «подлунным», и небесный мир, который он называет «надлунным». Эти миры могут быть соединены «полиэнцефальными средствами» (2011, стр. 6024), другими словами, разумом с множественным сознанием, который он характеризует как неоднородный. Он утверждает, что на каждом конце моста есть святые, которые облегчают связь; в нашем подлунном мире есть святые в человеческом облике, а в надлунном мире есть святые, которые умерли и перешли на небеса. Бог в качестве Святого Духа является посредником, соединяющим два царства. Из предложенного ФКД взгляда – что Тюрьма из Черного Железа и Сад Пальмовых Деревьев функционируют как два лазерных источника, которые вместе генерируют наш иллюзорный мир как голографическую вселенную между ними – следует, что человечество находится в лиминальном пространстве между PTG и VIP, где можно выполнить работу по их интеграции и, в конечном итоге, растворению. В гностическом взгляде Юнга и ФКД человечество (благодаря воображению) представляет собой портал, который соединяет высшее с низшим, внешнее с внутренним, а также дух с душой. Эта концепция примирения противоположностей в человеческом воображении символизируется шахматами в моем сне, изложенном выше, в котором обмен пленными, то есть диалектический обмен, который приводит к примирению воюющих сторон, происходит на нейтральной территории. «Евангелие от Филиппа» утверждает, что воскрешение может быть достигнуто

только в этой жизни, оно не может быть достигнуто в смерти. Только в воображении человеческого разума, уравновесившего противоположности, может быть достигнута интеграция и растворение противоположностей.

Что касается идеи о том, что наш мир – не что иное, как мир сновидений, не имеющий никакой самостоятельной реальности, то особенность данного сновидения в том, что оно является коллективной либо определенного рода трансперсональной фантазией. Если, как утверждает ФКД, это коллективное воображение, и мы являемся со-создателями этого иллюзорного мира снов, то почему мы сновидениями воплощаем реальность ВПР? Каструп (2011) отвечает на этот вопрос, предлагая идею, что если наша согласованная реальность творится воображением, то из-за необходимости она должна быть «составным результатом одновременной работы множества воображений... [среди которых] нет индивидуального воображения, способного самостоятельно определить конечный результат» (стр. 1507). Переживаемая нами реальность выглядит как коллективные мыслительные модели, спроецированные на «многомерную ткань пространства-времени». В этой модели согласованная реальность рассматривается как «сложное объединение [наших] коллективных снов» (стр. 27), которое как объединение может иметь мало сходства с проекцией любого конкретного человека. Затем он объясняет, почему мы продолжаем видеть все тот же сон, учитывая, что наша реальность – это не то, что мы проецируем как личности: мы предполагаем, что реальность является «объективным, автономным явлением» (стр. 27) вне нашего контроля, что в сочетании с нашей «инстинктивной и висцеральной потребностью в завершении» (стр. 27) приводит к навязчивому стремлению убедиться, что мы являемся не просто «марионетками бесстрастного космического процесса» (стр. 27). Следствием становится врожденное ожидание последовательности в переживаемой нами реальности, что,

в свою очередь, заставляет нас воображать ранее встречающиеся паттерны восприятия. Следовательно, наше воображение имеет тенденцию укреплять наши заученные ожидания, и поскольку мы воспринимаем одни и те же шаблоны, то вместе создаем последовательность, к которой стремимся. Со временем согласованная реальность ведет себя в соответствии с нашими общими ожиданиями, и мы «изобретаем понятия причины и следствия для моделирования эмпирически наблюдаемых корреляций, присутствующих в проявленной модели сотворенной сновидением реальности» (стр. 69). Короче говоря, мы все видим один и тот же сон снова и снова. Следовательно, мы в конечном итоге чувствуем себя «марионетками в космической пьесе» (стр. 108), в написании сценария к которой мы не принимаем никакого участия. Поскольку общее сновидение теперь настолько укоренилось, что его импульс стал неприступным, «ни один изгнанный, каким бы решительным он ни был» (стр. 115), не сможет успешно проецировать другую реальность независимо. Если эта модель верна, то в ответ на известный афоризм, который утверждает, что «вы создаете свою собственную реальность», следовало бы ответить, что «*вы* не создаете свою собственную реальность, *мы* все вместе создаем вашу реальность». Как представитель человечества вы, конечно, участвуете в создании, но ваше влияние, как и влияние остальных, минимально. С другой стороны, мы создаем нашу реальность все вместе. Однако как указывает ФКД, мы являемся архонтами, а также рабами архонтов, и именно наши умы под влиянием наших архонических «я» постоянно видят сон о существовании этого тюремного мира. Если это так, то нам нужно увидеть сон получше – и как можно скорее. В последней сцене «Матрицы» Нео предполагает, что этот мир может остаться нашей клеткой или стать нашим коконом. Мы не можем изменить клетку, чтобы стать свободными, мы должны изменить себя. Как только мы изменим себя, во сне больше не будет клетки.

Поразительная параллель гностической идеи о человечестве как мосте между духом и душой может быть найдена в связанной, но разнообразной группе духовных традиций, обычно называемых шаманизмом. Общим для многих шаманских традиций является трехсторонняя космология, в которой космос делится на три мира: верхний мир (небеса), нижний мир (подземный мир) и средний мир (наш мир). Все три мира важны, и термины «верхний» и «нижний» являются пространственными *метафорами* и не должны рассматриваться как оценочные суждения об их относительной значимости. Каждый мир является неотъемлемой частью шаманского целого. Вместе три мира образуют шаманскую троицу. Подобно табуретке, которой требуются три ноги, чтобы стоять, шаманская космология стоит на этих трех мирах.

Верхний мир, который также считается небесами, небесной областью, является духовным царством. Это дом духовных наставников и предков. С точки зрения сознания это царство можно считать сверхсознанием. В гностических терминах верхний мир — это полнота Плеромы, а зоны — корреляты шаманских духовных проводников. Нижний мир, или подземный мир, является миром животных, растительных и минеральных духов. Это дом тех, кого в шаманских традициях называют животными силами или животными проводниками, а также духами деревьев, рек и гор. Следует отметить, что нижний мир шаманов не следует отождествлять с западной концепцией ада. В гностической космологии нет прямой параллели с нижним миром. По сути, в гностической космологии существует только два царства: Плерома и сотворенный мир. Однако в гностической системе Юнга нижний мир сознания — это бессознательное. Нижний мир, наряду с верхним миром, принадлежит реальности, отличной от нормальной, согласованной реальности нашего повседневного мира. В отличие от повседневного мира, который переживается в нормальном состоянии бодрствования, доступ к нижнему и верхнему мирам, как

правило, осуществляется через измененные состояния сознания, например, сны, видения, медитацию, транс и так далее. По сути, средний мир – это наш повседневный мир обычной реальности. Однако, возможно, лучше не думать о том, что он идентичен нашему физическому миру (как мы его воспринимаем), а рассматривать средний мир как вибрационную частоту, в которой проявляется физический мир. Средний мир – это феноменологически мир обычного, бодрствующего состояния сознания. В гностических терминах это сотворенный мир архонтов. Это мир, в котором Нео под видом Томаса А. Андерсона разрабатывает программное обеспечение, имеет номер социального страхования, платит налоги и помогает домовладелице вывозить ее мусор. Это мир, в котором изобилуют мытари, грешники, сборщики налогов и всякие прочие. Это место, где Империя навязывает свою Черную Железную Тюрьму, где мы платим дань Цезарю.

В шаманских традициях, а также во многих других мировых мифологиях три мира часто символизируются деревом, известным как Мировое Древо. Мировое Древо соединяет три мира: нижний мир, символизируемый корнями дерева, связан с верхним миром, символически выраженным ветвями дерева, через средний мир, символизируемый стволом дерева. С Мировым Древом тесно связана концепция *Axis mundi* (мировой оси), центральной оси, соединяющей нижний и верхний миры. *Axis mundi* считается центром мира и, как и центр эмпедокловского круга, *axis mundi* находится повсюду. Таким образом, любое дерево может представлять Мировое Древо; для друида – это его дуб, для коренного американца – береза. В измененных состояниях сознания шаман использует *axis mundi* в качестве шлюза, с помощью которого можно получить доступ в верхний и нижний миры и вернуться в средний мир с конкретной информацией и исцелением, полученными из этих миров. Метафора дерева, использованная выше, есть не что иное, как Мировое Древо шаманских традиций.

Выше уже отмечалось, что гностическая фигура Абраксаса символизирует возможность объединения верхнего мира, Плеомы, с сотворенным миром, и Мировое Древо шаманизма выполняет очень похожую задачу с практически идентичной символикой. Например, в традиции инков, которую можно считать формой шаманизма, верхний, средний и нижний миры представлены соответственно кондором, ягуаром и змеем. Подобно тому, как гностики считали, что Абракас объединяет духовное царство, символизируемое птицей, с нижним миром, символизируемым змеем, через срединное царство нашего мира, представленное человеческим торсом, инки видели свои три мира, представленные птицей, млекопитающим и змеем. Верхний мир кондора (птицы) и нижний мир змея объединены в срединном мире ягуара. Точно так же Юнг верил, что мир птицы и мир змея встречаются только в человеческом мире. Их встреча – это напряжение противоположностей между верхним и нижним мирами, которые порождают творение. Он говорил, что любой, кто хочет достичь целостности, должен пройти то, что он назвал «битвой между птицей и змеем» (2009). Другими словами, человеческое существование происходит в среднем мире, где птица и змей противопоставлены друг другу. Однако в отличие от шаманской трехсторонней модели, гностическая космология двойственна, и вместо того, чтобы средний мир и его обитатели соединяли верхний и нижний миры, человечество рассматривается как интерфейс или портал, соединяющий два мира.

«Евангелие от Филиппа» учит, что истина не может быть воспринята непосредственно из этого мира, но только косвенно с помощью символов и изображений. Те, кто в мире (то есть человечество), не могут получить истину каким-либо другим способом. Точно так же продукты воображения, по сути, являются визуальными, основная природа которых является архетипической (Юнг, 1957). Образы бессознательного, опосредованные воображением,

являются средством восприятия истины. Затем «Филипп» проводит различие между перерождением и образом перерождения, добавляя, что первое может быть достигнуто только посредством второго. Именно *образ* перерождения является способом возрождения в Плероме. Это и есть воскрешение: зеркальное отражение гармоничного, идеально сбалансированного союза первичной сизигии в Плероме посредством обряда мистического брака во внутреннем брачном чертоге через воображение. «Филипп» продолжает, что тот, кто получил силу креста или, наоборот, силу правого и левого, другими словами, тот, кто символически воссоединил дух и душу, уже не христианин, а Христос. Спаситель приходит, чтобы сделать низшее подобным высшему, а внешнее – внутреннему. Точно так же «Евангелие от Фомы» учит, что Плерома реализуется только тогда, когда внутреннее и внешнее, а также верхнее и нижнее, мужское и женское объединятся, так что между ними не будет никакого различия. Место, где они встречаются и происходит интеграция, находится в человеке. Крест не является символом мучений и смерти Христа; это символ воссоединения духа и души, верхнего и нижнего, внешнего и внутреннего – и, следовательно, всех противоположностей – зеркальное отражение божественной гармонии недифференцированных сизигий в Плероме. Это воссоединение духа и души через воображение происходит только в человеке, который осознал Христа. Только когда невеста подготовлена путем вознесения от животной души к живой душе и силой воображения явлен жених, эмиссар из Плеромы со спасительным гнозисом, может быть достигнуто завершение мистического брака. Для гностиков это осознание Христа, путь, истина и жизнь, без которых никто не возвращается в Плерому.

Как отмечалось выше, спасение из этого мира и возвращение в Плерому требуют восхождения через ряд слоев, патрулируемых архонтами, которые пытаются перехватить гностика и удер-

жать его в плену в падшем мире. «Евангелие от Филиппа» учит, что архонты не могут видеть человека, который носит совершенный свет, и, следовательно, не могут предотвратить вознесение этого человека. Это тело света создается в тайне союза. Только после того, как дух и душа воссоединились в брачном чертоге, гностик надевает одежду из совершенного света, которая защищает его от архонтов во время восхождения к Плероме. Согласно ФКД (2001), брачный чертог, где происходит мистический брак, находится в шишковидной железе. В мистических школах шишковидная железа обычно ассоциируется с тем, что называют «третьим глазом». «Свет тела – это глаз: если твой глаз будет единым, все тело твое будет наполнено светом» (От Матфея 6:22, KJV). Когда мистический союз происходит в третьем глазе, тогда божественная искра, находящаяся в шишковидной железе, становится Плеромой, и обильный Свет Плеромы наполняет все тело.

* * *

Я вижу большого змея, который стоит вертикально. Он такой же толстый и высокий, как телеграфный столб, он возвышается надо мной. Я думаю, что он нападет на меня. Мой первоначальный инстинкт – отступить, но я понимаю, что должен с ним сразиться, и поворачиваюсь к нему лицом. Я жду, пока он нападет, но вместо того, чтобы напасть, он движется ко мне, оставаясь в вертикальном положении. Он сливается с моим позвоночником, и сразу же по всему телу пробегают блаженные, энергичные ощущения. Блестящий белый свет излучается между моими глазами. Он так ярок, что я едва могу на него взглянуть.

Авторский дневник сновидений, сентябрь 2000 г.

Я увидел этот сон после просмотра церемонии открытия Олимпийских игр в Сиднее в прямом эфире по телевизору. В то время я жил в Сиднее и в преддверии Игр очень сильно ощущал городскую шумиху. В результате определенное количество моего внимания было уделено этому событию, включая церемонию открытия, и создались условия для его активации в моей психике. Кульминацией церемонии открытия любых Олимпийских игр всегда является зажигание пламени на главном стадионе после эстафеты с факелом, в которой доставляют олимпийский огонь из Афин в принимающий Игры город. Когда факел появился на стадионе, его передали нескольким наиболее привлекательным и роскошно одетым женщинам-олимпийцам Австралии, а затем передали Кэти Фримен, коренной австралийке (которая, между прочим, к радости всей нации, выиграла золотую медаль среди женщин в соревновании по легкой атлетике на дистанции 400 метров). С факелом в руке Фримен взобралась на некое возвышение с водой на поверхности. Когда она двигалась к центру помоста, казалось, что она идет по воде. Там она обвела факелом вокруг своих ног, зажегся огненный круг, который затем поднялся вертикально вокруг нее. Огонь должен был подняться по вертикальной конструкции к главному котлу над ее головой, но он никак не хотел подниматься в течение довольно долгого времени, и техники пытались что-то сделать с этим. Наконец огонь начал двигаться вверх, и Олимпийское пламя зажглось. Наблюдая за этим, я понял, что поднятие того, что на Востоке известно как кундалини, происходит символически. Это было запланировано как часть церемонии? Божественное вмешательство? Случайность? Кто знает? Эта заминка была принята с точки зрения белого мужчины, по которой требовалась черная женщина, противоположность, чтобы зажечь огонь. Жизнь рождается в искре противоположностей. Меня также поразила символика в имени Фримен (*free man* – «свободный человек», англ.). Поднятие кундалини до третьего

глаза, где можно совершить мистический брак, освобождает человека. В этом гностическое воскрешение.

* * *

Место, где дух и душа встречаются в воображении ума – это *mundus imaginalis*, или воображаемый мир (рис. 21), термин, впервые предложенный ученым и философом Анри Корбеном (1903–1978). Для Корбена *mundus imaginalis* – это очень точный порядок реальности, с которым можно взаимодействовать через визионерский опыт, используя воображение, и который соответствует *anima mundi*, Мировой Душе (Лахман, 2015). Он состоит из нескольких миров, каждый со своим ландшафтом и своими обитателями.

Как и в идее Юнга о человеческом разуме как воротах между внешним и внутренним, существует внутренний и внешний *mundus imaginalis*. Это мир, в котором живут наши мечты, который можно исследовать более осознанно через практику активного воображения Юнга. Корбен делал различие между тем, что считал истинным воображением, которое он назвал *imaginatio vera*, и личными фантазиями, в которых мы можем создавать все, что мы желаем испытать образно (в общепринятом смысле). Точно так же Юнг подчеркнул, что во время активного воображения крайне важно, чтобы образы бессознательного говорили сами за себя, а не позволяли эго направлять их и превращать опыт в простую фантазию. Согласно Лахману, отключаясь от телесных ощущений и входя в медитативное состояние, путешественник в *mundus imaginalis* может столкнуться со сверхъестественным существом, которое спросит кто он и откуда родом. Путешественник отвечает, что стремится вернуться в свой истинный дом, который находится за пределами мира чувств (2015, стр. 3488). Точно так же в «Евангелии от Фомы» Христос учит своих учеников, что если

их спросят, откуда они пришли, они должны ответить, что они пришли из света. Именно через промежуточное царство *mundus imagalis* гностик должен пройти во время визионерского вознесения в Плерому.

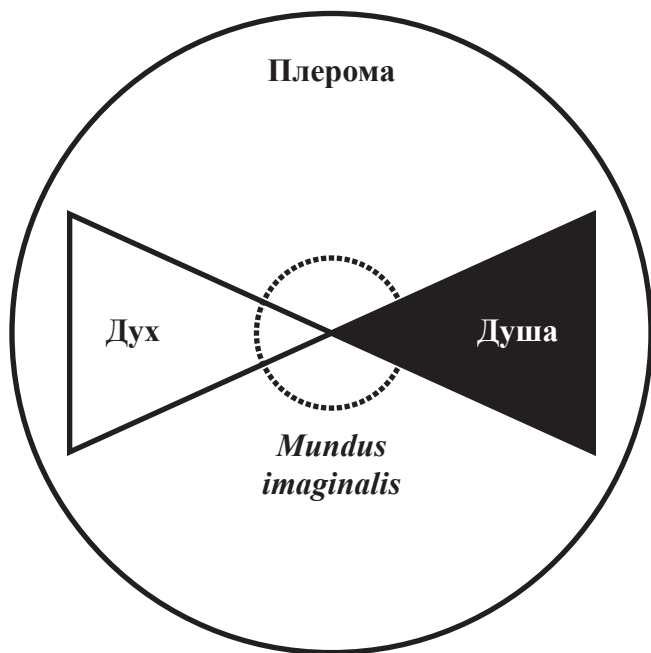

Рисунок 21. *Mundus imaginalis* (Мир образов).

*Дух и душа встречаются в mundus Imaginalis,
к которому можно получить доступ посредством воображения.*

Акцентируя роль воображения, гностический путь представит ярким примером того, что известно как *via positiva*. *Via positiva* – это практика катафатического богословия (упомянутого выше), в которой пытаются получить доступ к Божественному и испы-

тать его через образы и символы, а также посредством ритуальных и других образных практик. С другой стороны, *via negativa* – путь отрицания – практика апофатического богословия, которая, признавая невыразимую природу божественного, обходится без образов и преследует чистое созерцание божественного. *Via negativa*, часто называемая мистическим полетом – это мистический путь, в котором мистик ищет единения с божественным, не заботясь о каких-либо промежуточных царствах, которые могут существовать между ним и объектом созерцания. Напротив, *via positiva*, в рамках западной мистической традиции – путь эзотеризма, в котором эзотерик стремится исследовать и понять промежуточное царство посредством использования образов и символов, другими словами, посредством использования воображения (там же). Согласно Лахману (2015), в то время как мистик ищет союза с божественным, эзотерик ищет знание, то есть гнозис, посредством воображения. Тем не менее, гнозис не является целью гностика, это всего лишь средство для достижения цели, и его не ищут ради него самого. Цель гностика – не цель эзотерика, но та же, что и у мистика. Подобно мистик у, гностик ищет единства с божественным, которое на языке гностика называется возвращением к Плероме.

Гностическая доктрина интеграции противоположностей нуждается не в *via negativa* или в *via positiva*, но и в *via negativa*, и в *via positiva*. Повторю еще раз: гностическая максима настаивает на обоих «и», а не одном из двух «или». Мы могли бы перефразировать мысль Юнга о том, что «мы не становимся просветленными, воображая фигуры света, но только привнося тьму в свет сознания», в «Мы не становимся просветленными, воображая только фигуры света, но также не становимся просветленными, привнося тьму в свет сознания». Плерома – это и полнота, и пустота, а возвращение в Плерому требует полноты обоих путей, как *via positiva* (полноты образов), так и *via negativa* (лишенности

образов). Мы можем рассматривать *via negativa* как путь духа, а *via positiva* как путь души. В то время как *via negativa* смотрит вверх, ожидая эмиссара из царства света, стремясь к единству в духовных царствах, *via positiva* углубляется в бессознательное, чтобы заново открыть душу, растворяя противоположности в психике с помощью воображения. Оба подхода необходимы. Практика *via positiva*, исключая *via negativa*, приводит к духовному эскапизму (обсуждалось выше); *via negativa* без *via positiva* приводит лишь к адаптации существования в Тюремизме из Черного Железа.

Ни в «Экзегезе», ни в «Трактатах» ФКД не сформулировал четкого метода приобретения гнозиса и осуществления возвращения к Плероме. Даже если темноволосая молодая женщина с кулоном в виде рыбы постучит в нашу дверь и, открыв ей, мы увидим луч розового света, нет никаких гарантий, что это вызовет у нас анамнез. Юнг, с другой стороны, весьма методично сформулировал современный метод гностического психодуховного развития, хотя, возможно, он никогда не признался бы, что описывает именно его. Этот метод – процесс индивидуации. По сути, индивидуация включает в себя примирение и интеграцию противоположностей через трансцендентную функцию (см. выше), которая ведет к более высокому состоянию сознания. Удержание напряжения противоположностей, возникающих в психике, когда сознательная позиция компенсируется бессознательной противоположностью, создает энергетический потенциал, который генерирует трансцендентную функцию, что, в свою очередь, продвигает сознание на более высокий уровень и обратно к Плероме. Однако это не разовое событие, а накопление незначительных приростов в течение всей жизни, и это постоянная практика. Психодуховное развитие завершается, когда все противоположности объединены и достигается состояние психической целостности, реализация Самости. Когда достигается совершенное, гармонич-

ное равновесие противоположностей, когда завершается мистический брак невесты и жениха, когда Христос и София воссоединяются в сизигии Христа-Софии, которая отражает Мать-Отца, и Единая Самость осознается, тогда сон заканчивается, созданный мир перестает существовать, а мы возвращаемся домой – в Плерому. Это гностическое воскрешение. Свет и тьма могут закинуть ноги на стол, выпить пивка и понаблюдать за заходом солнца. Или у Единого Сознания будет другой сон, и снова начнется космическая игра в шахматы между черными и белыми.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Невольный гнозис

Эта работа завершается творческим синтезом, полученным в результате исследования гнозиса невольных гностиков К. Г. Юнга и Ф. К. Дика. Термин «творческий» в данном случае просто означает факт чрезвычайной субъективности этого синтеза. В знак уважения к вдохновенному уму ФКД гнозис представлен в стиле «Трактатов» (хотя я воздержался от придания ему какого-либо причудливого латинского названия).

1. Пустота и непостижимость, Плерома – это невыразимое небытие перед началом. Она не создана и не не-создана. Это небытие за пределами бытия. Это Божественность, а не Бог. Плерома – это и пустота, и полнота. У нее нет качеств, но она содержит все качества.

2. Плерома полностью трансцендентна и полностью имманентна. Подобно тому, как свет проникает в атмосферу, Плерома проникает и пронизывает созданный мир. Расколите кусок дерева или поднимите камень, и вы найдете Плерому. Любое различие между Плеромой и сотворенным миром заключается в качестве; сущность Плеромы – сотворенный мир. Пространственно-временное разделение отсутствует.

3. *Барбело* – высший женский принцип. Плерома думает, и ее первая мысль возникает как Барбело, ее женский аналог («Плерома» в английском языке мужского рода – прим. перев.), первая эманация и первейшая из эонов. Единый становится Двойным, теперь это Мать-Отец. Она – творческая сила и всеобщее чрево, из которого происходит все остальное творение в сфере божественного.

4. Присвоение пола Единому, Плероме, неверно. Не может быть мужского без женского; нет и женского без мужского. Единое само по себе не может иметь пола. Пол возникает только тогда, когда Единый становится Двойным.

5. Благодаря силе Матери-Отца из пустоты Плеромы возникла полнота Плеромы, состоящая из эманаций бинарных противоположностей мужского/женского, известных как сизигии. По отдельности эти сущности являются зонами. Последний из этих эонов – София, Святая Мудрость, которая образует сизигию со своим супругом Христом.

6. Творение возникло из-за изначального раскола – была нарушена совершенная гармония первичных сизигий. Если бы первичные сизигии оставались в совершенном равновесии, единство сохранялось бы, и проявленная Вселенная не могла бы возникнуть. Творение *требовало* нарушения гармоничного баланса, и, как следствие, хаос является не просто несчастным побочным продуктом творения, но одним из фундаментальных принципов, на которых оно основано.

7. Творение является результатом дифференциации пар бинарных противоположностей Плеромы. Дифференциация – это творение. Без дифференциации противоположностей не может быть мира. Без дифференциации сизигии Плеромы остаются инертными и *потенциальными*. Ничто не может существовать без своей противоположности. Нет горячего без холодного, нет света без тьмы. Без дифференциации противоположности в Плероме взаимно уничтожают друг друга и неэффективны, не «реальные». Если в Плероме их можно считать существующими, тогда противоположности существуют в гармоничном состоянии равновесия. Только после дифференциации они вступают в силу и становятся «реальными».

8. Жизнь рождается из дифференциации противоположностей. Дифференциация разделяет противоположности, так что

возникающее в результате энергетическое напряжение между полюсами позволяет творению возникнуть. Ничто не может существовать без уравнивающей противоположности. Без дифференциации творение является лишь врожденным потенциалом Плеромы, а противоположности остаются в состоянии совершенного равновесия. Сотворенный мир основан на разграничении противоположностей. Это суть гностической космогонии.

9. Оба «и», а не один из двух «или». Это гностическая максима. Противоположности не просто часть жизни в этом мире, они фундаментальны для него. Нет противоположностей – нет мира.

10. Недифференцированность противоположностей – это бессознательность; Дифференциация противоположностей – это сознание. Если противоположности не дифференцированы психологически, человек рискует впасть в грех бессознательности. Примирение и интеграция полностью дифференцированных противоположностей приводят к психологической целостности.

11. Существует опасность предпочтения одного полюса пары противоположностей; этот психологический дисбаланс приводит к расколу психики и утрате психологической целостности. Два полюса пары противоположностей могут показаться феноменально различными, но их сущность принципиально одна. Природа противоположностей в творении дифференцирована, но неразрывно объединена. Там нет горячего без холодного, нет света без тьмы. В конечном счете противоположности никогда не могут быть по-настоящему разделены, они возникают из одного корня. Противоположности имеют смысл только по отношению друг к другу. Существенная природа противоположностей – это всегда оба «и», а не одно из двух «или». Стакан одновременно наполовину пуст и наполовину полон. У нас не может быть одного полюса пары противоположностей без другого, и в той степени, в которой мы стремимся исключительно к одному полюсу, мы неизбежно

попадаем под чары его противоположности. Отклоненный полюс оказывается в бессознательном, где он сливается с тенью, нашим собственным личным демиургом. Психологическая целостность требует принятия обоих полюсов. Мы должны выбрать срединный путь.

12. Несбалансированная сознательная позиция будет вызывать компенсаторную бессознательную контрпозицию из-за саморегулирующейся природы психики. Если внутреннее психологическое состояние не является сознательным, иными словами, если сознательные и бессознательные позиции не примирены, то неразрешенный конфликт неизбежно встретится во внешнем мире, что обычно называется «судьбой».

13. Влюбленная в свет Плеромы, София хотела творить сама. Стремление к одному только свету вызвало противоположность тьмы. Эта тьма – Демиург, архонты и их несовершенное творение. Демиург в сопровождении своих архонтов – слепая, невежественная, темная бездна тени души.

14. Демиург и архонты нелегитимны. Они несовершенны и представляют собой нарушение гармоничного баланса противоположностей, которое произошло в Плероме, когда София зачала без своей мужской пары. Архонты – гермафродиты. Они одновременно мужчины и женщины, но не в равной мере. Гармония мужской/женской сизигии была нарушена внутри архонтов, и противоположности разделились. Архонты ответственны за разделение первоначального андрогинного единства Плеромы на двойственность сотворенного мира. Созданные порождением последнего эона, Софией, архонты далеки от источника Плеромы и обитают в предельном пространстве ее низших слоев, прямо на пороге сотворенного мира. В результате архонты вторгаются в наш мир и оказывают на него влияние. Этот мир является местом обитания многих архонтов.

15. Демиургу и его архонтам не хватало силы для самостоя-

тельного творения. Они захватили творческую силу Софии, чтобы сотворить мир. Демиург и архонты создали человечество для того, чтобы получить то, чего им не хватало – Свет Плеромы. Они создали человечество, чтобы свет Божий, отраженный в человечестве, мог осветить их. Другими словами, архонты создали человечество как источник энергии. *Архонты – это энергетические паразиты, которые питаются нами!*

16. Сила архонтов ограничена. Ошибочно думать, что архонты имеют над нами власть. Они не могут одолеть правду. Архонты имеют душу, а то, что от души, не может завладеть духом. Они могут применить насилие к нашим телам, уму и душам, но они не могут навредить нашему духу. Дух безупречен, невосприимчив, нетленен и бессмертен.

17. Ввиду своих ограниченных сил архонты управляют человечеством посредством обмана. Они делают это для того, чтобы поработить свободных людей. Их сила – в обмане. Сила архонтов – это просто сокрытие истины.

18. Мы архонты. София послала свою дочь Зою (то есть Жизнь) каждому из нас, подарив нам живые души. Она наша Мать, она также мать Демиурга. Он наш сводный брат; вместе с архонтами он представляет собой нашу общую тень. Все люди являются архонтами, но некоторые люди более архоничны, чем другие.

19. Абракас – это бог над богом, от которого человечество отреклось. Он – двуединой-природы-в-едином, воплощающий добро и зло, Бога и дьявола. Все реальные вещи отбрасывают тень, которая так же велика, как и сама вещь, и тень Бога – это дьявол. Не может быть одного без другого.

20. Созданный как творец, Абракас отличается от Плеромы, но также не может быть полностью отождествлен с миром. Как и архонты, Абракас существует в предельном пространстве между Плеромой и творением. Абракас – это Демиург.

21. Абраксас – это ничто и все, вечная пустота и вечная полнота, вечная тьма и вечный свет, верх и низ, старое и молодое, «да» и «нет». Однако в отличие от сизигий Плеромы, в которых противоположности взаимно уничтожают друг друга, Бог и дьявол противостоят друг другу в образе Абраксаса. Эффективность является одновременно и отличительной чертой, и связующим звеном, объединяющим Бога и дьявола в фигуре Абраксаса, эффективность Абраксаса дает и Богу, и дьяволу способность оказывать влияние в сотворенном мире. Встретиться с Абраксасом – значит испытать нуминозное, *mysterium tremendum et fascinans* («мистический трепет и очарование ужасного» – лат.), постичь его ужасную тайну.

22. С головой петуха, человеческим телом и хвостом змеи, Абраксас объединяет противоположности: Бога и дьявола, добро и зло, Небо и Землю; противоположности, которые сталкиваются в опыте бытия человека.

23. Учитывая, что он – двуединой-природы-в-едином – и Бог, и дьявол, Абраксаса не следует ни бояться, ни любить, но стоит и бояться, и любить. Тем не менее, его не нужно ни искать, ни отвергать, поскольку, подобно завесе обмана архонтов, Абраксас окружает нас со всех сторон и будет искать нас. Мы должны выбрать срединный путь между противоположностями.

24. Так же, как зоны и архонты составляют полноту Плеромы, архетипы составляют коллективное бессознательное. Коллективное бессознательное – и архетипы – это, по сути, то же, что и полнота Плеромы. Архетипы имеют свои положительные и отрицательные стороны и, таким образом, способны оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие. Таким образом, как метафизические аналоги, зоны и архонты могут влиять на психику человека, косвенно формируя или контролируя человеческий опыт. Психологически архонты являются негативными аспектами архетипов. Именно об архонтах сказаны слова апосто-

ла Павла: «Ибо то, чего я хотел бы, того не делаю; но то, что я ненавижу, то делаю... Ради блага, которого я желаю, не делаю, но ради зла, которого не желаю, делаю» (Римлянам 7:15, 19, KW).

25. Человечество было заключено в тюрьму в материальном мире за счет обмана. Этот мир – Черная Железная Тюрьма. Это тень смерти, в которой человеческое тело является могилой. Эта могила тела была создана из четырех элементов архонтов: материи, тьмы, желания и притворного духа. Человеческая душа, запертая в могиле тела, была окутана завесой забвения и порабощена в материальном мире. Как огромное богатство человеческого духа может жить в бедности могилы тела?

26. Этот мир – иллюзорный мир грез, который мы, обманувшись, приняли за реальность. Так называемая реальность – это иллюзия, хотя и очень устойчивая, навязанная архонтами. Нас контролируют архонты, потому что они контролируют ложную реальность, в которой мы живем. Однако архонты фактически бессильны, и их власть над нами существует только в той степени, в которой они могут обмануть нас, заставляя думать, что ложная реальность действительно реальна. Этот мир снов «настоящий», пока он существует. Нам нужно пробудиться от этого сна смерти.

27. Когда мы пробуждаемся от иллюзии тюремного мира, мы больше не в его власти. Он больше не контролирует нас, мы начинаем контролировать его. Когда мы осознаем, что этот мир является иллюзией, мы преодолеваем его ограничения и становимся его со-творцами.

28. Сущность Вселенной – информация. Она не трехмерна, она находится вне пространства и времени в целом. Наш мир – это просто призрак, падший мир, в котором пространство и время являются частью заблуждения. Мы были брошены в этот мир и порабощены злой сущностью, которая проецирует ложную информацию. Этот мир – не что иное, как неправильное истолкование основной реальности, сущностью которой является просто

информация.

29. Вместе с архонтами мы являемся со-творцами в создании этого мира снов. Мы гипостазируем информацию, которую поглощаем из феноменального мира. Мы – забывчивые космические со-творцы, которые оказались в плену в нами же созданной Вселенной, и мы не осознаем этого. Наш иллюзорный мир – это массовая галлюцинация. Мы архонты.

30. Феноменальный мир не существует. Это трехмерное голографическое изображение, иллюзия, порожденная информацией, которую мы принимаем за реальность. Подобно заключенным в пещере Платона, которые ошибочно принимали тени, отбрасываемые на стену пещеры, за реальность, мы также ошибочно принимаем наш голографический мир за реальность. Наш мир – дьявольская интерполяция истинного знания. Фундаментальный характер полноты Плеромы – энергетическая информация, и архонты исказили эту основную информацию, чтобы спроектировать иллюзорный мир, в котором мы находимся.

31. Плерома состоит из аналоговых сигналов (недифференцированных противоположностей), а созданный мир состоит из бинарностей (дифференцированных противоположностей). Полюса пар противоположностей в Плероме могут колебаться ежесекундно, так что мужское, по сути, не является мужским, а женское – не является женским. Сотворенный мир, созданный посредством сознательного наблюдения, является бинарным в том смысле, что он требует напряжения между дифференцированными противоположностями, чтобы дать начало жизни.

32. «Царствие Божие внутри вас» (От Луки 17:21, KJV). Самым сокровенным ядром каждого человека является божественная искра Света Плеромы. Макрокосм отражается в микрокосме, следовательно, мы находимся внутри Плеромы, и Плерома также находится внутри нас. Божественная искра внутри нас – это фрагмент космической голограммы. Как часть Плеромы, божест-

венная искра содержит всю Плерому. Божественная искра – это обитающий в нас Христос. «В нем обитает вся полнота тела [Плеромы]» (Колоссянам 2: 9, KJV).

33. Из-за архонтов божественная искра отчуждена от Плеромы и заключена в материю. Мы – божественные искры, заключенные в тленные тела. Когда божественная искра вспоминает себя как часть Плеромы и как одно целое с Плеромой, она становится гнозисом.

34. Наша сущность – это божественная искра. Дух, безупречная божественная искра, бессмертен. Как часть голограммы Плеромы, она едина с Плеромой и содержит полноту всей Плеромы.

35. Гнозиса недостаточно для спасения. Гнозис передается эмиссаром, который спускается из Плеромы, чтобы освободить человечество от заключения в мире тьмы. «Я свет миру: тот, кто следует за Мною, не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (От Иоанна 8:12, KJV).

36. Самость является объединяющим и упорядочивающим центром всей психики. Самость является психологическим аспектом Христа, а Христос является духовным аспектом Самости. Они одно и то же в разных измерениях бытия. Реализация Самости – цель жизни. Она требует примирения и интеграции всех противоположностей в психике, объединения сознательной и бессознательной частей психики.

37. Эмиссар может прийти как образ Самости из глубин бессознательного. Эмиссар свыше и Самость из глубин – это одно и то же. Плерома и коллективное бессознательное едины.

38. Есть только одна Самость, моя Самость – ваша Самость; они одно и то же. Существует Единый Разум – это Единая Самость, и эта Единая Самость является полнотой Плеромы.

39. Самость – это Христос, божественная искра. Полностью осознанный Христос проявляет полный Свет Плеромы.

40. Познайте свою Самость. Будьте своей Самостью. Выразите свою Самость. Творчество – это свобода; ортодоксия – рабство.

41. Эмиссар известен как *плазмат*, бессмертная форма энергии, которая является живой информацией. Посредством процесса перекрестного связывания плазмат может соединяться с человеком, что приводит к *гомоплазмату*, богочеловеческой сизигии. Перекрестное соединение – это воссоединение мужского начала плазмата с женским началом носителя, которое происходит в шишковидной железе.

42. Мы едины с Богом; мы – создатели, и мы же – архонты. Мы также Спасители и те, кто должен быть спасен; не два, а один. *Salvador salvandus*. Мы едины с Плеромой. Мы Плерома. Она в нас, а мы в ней. Мы Единый. По отдельности мы являемся микрокосмом Единого. В этом гнозис ФКД.

43. Дух целиком принадлежит Плероме. Тело целиком из мира материи. Душа двойственна по своей природе: божественный аспект, или живая душа, которая исходит от Софии, и материальный аспект, или животная душа, которая исходит от архонтов. Душа оживляет тело, а дух оживляет душу. Без духа душа безжизненна.

44. Когда божественная гармония была разрушена, а полюса близнецов (мужского/женского) первоначального андрогинного единства были разделены и проявлены в материи, они потеряли свою духовную природу и были низведены до более низкого уровня существования архонтов, животного уровня души. Воссоединение духа и живой души, восстановление первичной сизигии порождает жизнь. Без воссоединения обоим близнецам сизигии не хватает их духовной сущности, они просто души и не более чем живые мертвецы. Это суть гностической сотериологии.

45. Пока чистота первичной мужской/женской сизигии не была нарушена, душа оставалась целостной и пребывала в Пле-

роме. Из-за разрыва сизигии произошло изначальное падение, душа вошла в физическое тело и проявилась как человеческая жизнь. Падение – это не рождение в грехе, это разрыв мужского и женского единства. Будучи разделенными на протяжении тысячелетий, мужская (дух) и женская (душа) части Плеромы должны воссоединиться, чтобы восстановить изначальное единство.

46. В мире душа соблазняется отвлечениями материального мира. Материализм, телесное и удовольствия чувств становятся ее хозяевами, а она – их рабыней. Потакая страстям души и тела, она оказалась в ловушке мира теней. Ей нужно отказаться от своего «блудодеяния», и после очищения она станет живой.

47. Душа нуждается в духе. Будучи только одним элементом пары противоположностей, душа не способна жить. Необходима ее полярная противоположность, и поэтому ее супруг, дух, отправляется из Плеромы в пустоту царства материи, чтобы спасти падшую душу, заключенную в плен архонтами. Спаситель, «женых», и душа, «невеста», должны воссоединиться в мистическом браке в брачном чертоге. Это воскрешение из мертвых, свобода от плена в мире материи и возвращение в Плерому. Порабощенные животные души не допускаются к обряду мистического брака. Только тот, кто освободился от оков телесности и достиг чистоты живого духа, может войти в брачный чертог.

48. Душа должна сделать выбор: красная таблетка или синяя таблетка. Блуд животной души, отдающей себя страстям ума и плоти, или стремление к искуплению, воссоединению с духом и возвращению к чистоте царства Света.

49. Психологическим аналогом духа и души являются анима/анимус, которые функционируют как интерфейс для внутреннего мира бессознательного. Интерфейс действует как мост между внешним и внутренним мирами и способствует диалогу между эго и Самостью, образом Бога в бессознательном. Анима/анимус – это дверь в глубины психики. В той степени, в которой

эго идентифицируется с мужским полюсом, анима/анимус принимает компенсаторную женскую природу; в той степени, в которой эго идентифицирует себя как женский полюс, анима/анимус будет проявляться как мужской.

50. Духовность и сексуальность – это пара противоположностей. Мир возникает благодаря дифференциации противоположностей, в которых напряжение между дифференцированными полюсами генерирует необходимый энергетический потенциал, порождающий творение. Только благодаря взаимодействию космических сил духовности и сексуальности могло зародиться человечество. Только внутри человечества может происходить взаимодействие между духовностью, символизируемой птицей, и сексуальностью, символизируемой змеем, поэтому фигура Абракса, воплощающего столкновение противоположностей, имеет символику птицы-человека-змея.

51. В гнозисе Юнга сексуальность мужского принципа более земная и нисходящая, тогда как сексуальность женского – более духовная и восходящая. Напротив, духовность мужского принципа более небесная и направлена вверх к бесконечности, тогда как духовность женского принципа более земная и ориентирована на конечное. Небесная Мать управляет женской духовностью и мужской сексуальностью, тогда как Земной Отец управляет мужской духовностью и женской сексуальностью. Другими словами, мужской и женский принципы имеют двойную природу, и внутри каждого полюса мужской/женской полярности существует полярность духовности/сексуальности с различными, но дополняющими руководящими принципами. Такая полярность внутри полярности служит для иллюстрации динамической природы противоположностей в Плероме, в которой не были дифференцированы полюса-близнецы в любой из данных сизигий. Подобно переменному напряжению в электрических системах, в которых напряжение периодически меняет направление, сдвоенные полю-

са в сизигии могут переключать свою полярность.

52. Единственная цель гностика – вернуться в Плерому. Спасение – это освобождение божественной искры от пространственно-временного, материального тюремного мира и его восстановление в царстве света, в глубине и тишине. В то время как неоплатоник может искать возвращения к Единому, гностик ищет возврата к Нулю, другими словами, к Ничто Плеромы.

53. Когда невеста и жених объединяются в мистическом браке, для их союза существует только одно название – покой; покой, который возникает только из чистого созерцания божественного. «Придите ко мне все обремененные, и я успокою вас» (От Матфея 11:28, KJV).

54. Воскрешение и возврат к изначальной чистоте Плеромы, зависящие от спасительного гнозиса, включают в себя осознание того, что наша духовная сущность – это то, чем мы уже обладаем. Это не то, что нам нужно развивать, это то, что нам нужно осознать. Мы уже из Плеромы, в Плероме, пронизаны Плеромой. Воскрешение – это анамнез нашего божественного наследия.

55. Возвращение в Плерому – это созерцательное путешествие, включающее мистическое восхождение через ряд внутренних планов (слоев). Эти планы контролируются архонтами; необходимо тщательно избегать архонтов, которые сделают все возможное, чтобы помешать усилиям гностика и удержать его в рабстве в низших царствах. «Подъем» – метафорический, он не в движении вверх. Это расширение сознания и накопление гнозиса.

56. Эти мистические восхождения не являются единоразовыми событиями, в которых гнозис приобретает в мистическом переживании. Обычно это короткие события, которые дают предощущение окончательного восхождения, которое душа совершит после смерти тела. Перед мистическим восхождением рубите дрова и носите воду; после мистического восхождения рубите дрова и носите воду. Достижение гнозиса – это процесс целой

жизни, посвященной преданной практике. После каждого этапа восхождения на гору, чтобы отдать Богу то, что есть Бог, гностический практик с немного большим количеством гнозиса возвращается в мир и, по необходимости и из-за ограничений тела, к задачам воздаяния Кесарю – во время подготовки следующего восхождения к вершине.

57. Крайне важным для воскрешения является необходимость а) примирить противоположности; б) осуществить окончательное растворение противоположностей в Плероме. Если кто-то достиг целостности, он наполнен светом, но если разделен, тогда наполнен тьмой. Когда практик объединяет противоположности – невеста и жених совершают свой мистический брак в брачном чертоге – он наполняется светом Плеромы. Пока противоположности разделены, невеста оставляет своего суженого и продолжает молиться, а человек осужден на тьму мира.

58. Человек только тогда возвращается в Плерому, когда два объединяются в одно, когда примиряются верхнее и нижнее, когда мужчина и женщина воссоединятся в одно существо, так что их гендерная дифференциация исчезает. Тогда и только тогда гностик увидит свет Плеромы. Возвращение к первичному единству Плеромы основано на уравнивании противоположностей. Возвращение, как и начало, является соединением, когда нет ни мужского аспекта, ни женского, и все сизигии существуют в совершенном состоянии гармоничного равновесия, без движения, без вибрации, без звука, просто в безмолвии.

59. Тот, кто не постится, не найдет Царства Небесного. Только тот, кто полностью отрекается от вещей мира и подавляет страсти, может осознать Божью истину. Сила чистой сексуальной связи мистического брака, который происходит в царстве, превосходящем это, была осквернена на Земле в плотском браке. Только тот, кто совершит обряд мистического брака, получит святой свет, но если он не получен в этом мире, его нельзя получить ни в ка-

ком другом месте.

60. Спасение требует роста сознания в этой жизни. Худший грех человечества – недостаток осознанности. Дифференциация противоположностей – это то, что спасает человечество от недостатка осознанности. Сознание требует дифференциации противоположностей, а рост сознания требует примирения и интеграции противоположностей. Психологически борьба за спасение не противопоставляет зоны архонтам, но происходит в бессознательном, где психическим факторам, которые нас спасают, противостоят психические факторы, которые нас губят.

61. Спасение означает побег из этого мира, Тюрьмы из Черного Железа, в которой наши умы были намеренно закрыты, чтобы ослепить нас в отношении факта нашего заключения. Ключ к спасению – не поддаваться естественному побуждению борьбы с системой. То, чему мы сопротивляемся, сохраняется. Тот, кто борется против Империи, становится Империей. По мере того, как мы побеждаем Империю, мы становимся Империей. Мы Империя и Черная Железная Тюрьма. Мы сами себе тюремщики. Мы архонты. Все люди являются архонтами, но некоторые люди более архоничны, чем другие.

62. Гнозис – это прямой, непосредственный опыт божественного, в отличие от чьего-либо учения *о* божественном. Гнозис – единственный путь к спасению; невежество и недостаток осознанности – это грех.

63. Гнозис раскрывается тайно. Молитесь Матери-Отцу в тишине своего сердца.

64. Вторая после сознательного/бессознательного пара противоположностей, которая нуждается в нашем неотложном внимании, это мужское/женское, первичная сизигия. Невозможно стать целым, когда отрицают половину этого целого, женское. Для спасения человечества критично восстановление божественного женского начала.

65. Союз духа и живой души происходит в зеркальном брачном чертоге. Дух и живая душа являются зеркальными отражениями друг друга и имеют равный статус. Духовная практика, направленная на обретение духа, должна быть дополнена работой по возвращению души.

66. Подготовка невесты к приему жениха означает воссоединение с потерянной душой и ее восстановление. Восстановление души требует спуска в хтонические глубины бессознательного. Только в той степени, в которой корни дерева врастают в землю, его ветви достигают небес. Без корней не может быть ветвей, достигающих небес. Сперва появляются корни. Чтобы подняться, мы должны спуститься. Подлинная духовность должна основываться на психологии, которая осознает душу и работает, чтобы освободить живую душу от заключения в животном мире. Жених появится только в той степени, в которой невеста была подготовлена.

67. Тот, кто рядом со Спасителем, близок к огню. Чтобы осуществить воссоединение духа и души, нужно уметь выдержать огонь. Каждый истинный гностик обязан сжечь все, что мешает освободить живую душу. Только в той степени, в какой мы спускаемся в бессознательное и подвергаем уничтожению животную душу, мы можем вернуть утраченную живую душу.

68. Нельзя достичь света свыше, не обратившись сначала к демонам во тьме глубин. Подготовка невесты, восстановление души, требует работы с тьмой бессознательного. Живая душа может быть восстановлена только раскопками в темных глубинах бессознательного, и спасательная миссия заключается в обращении к нашим демонам и в борьбе с тьмой, которая держит душу в плену.

69. Восстановление живой души требует, чтобы мы обращались не только к нашей личной тени, но и к темноте коллективной демиургической тени в той степени, в которой она касается

нас. Пока корень зла остается скрытым, его власть над нами будет сохраняться. Он силен, потому что мы не узнаем его. Когда он попадает в свет сознания, он умирает. Пока он игнорируется, он укореняется в нашем сердце и доминирует над нами. Мы становимся его рабами. Если мы не осознаем архонтов внутри нас, они падают в тень. Освобождение души начинается с признания тьмы.

70. Христос – это мужское/женское, сизигия Христа/Софии. Это осознание – восстановление Софии. Две сущности в одной.

71. Воображение – единственное оружие в войне против ложной реальности, навязанной архонтами.

72. Не душа и не дух наблюдают видения, но разум через способность воображения. Воображение может привести нас куда угодно – ввысь, внутрь или вниз, и именно воображение может быть выше и ниже, внутренним и внешним, духом и душой, а также Плеромой и сотворенным миром, согласованным и интегрированным. Воображение – это средство нашего спасения. Только в воображении человеческого разума, добившегося равновесия между противоположностями, может быть достигнута интеграция и растворение противоположностей.

73. *Вы* не создаете свою собственную реальность, *мы* коллективно создаем вашу реальность. Коллективно мы видим сон, воплощающийся в жизни как реальность. Однако мы являемся архонтами, равно как и рабами архонтов, и именно наши умы под влиянием наших архонических «я» постоянно видят сон, воплощающий этот тюремный мир. Нам нужно увидеть сон получше – и побыстрее.

74. Человечество – это интерфейс между двумя мирами. Верхний мир птицы и нижний мир змея встречаются только в человеческом мире. Напряженность противоположностей между верхним и нижним мирами рождает творение. Чтобы осуществиться, нам нужно пройти битву между птицей и змеем. Челове-

ческое существование происходит в среднем мире, где противоположности птицы и змеи противопоставлены друг другу.

75. Образы бессознательного, служащие связующим звеном с воображением, являются средством восприятия истины.

76. Плерома будет реализована только тогда, когда внутреннее и внешнее, верхнее и нижнее, а также мужское и женское объединятся, так что между ними не будет никакого различия. Место, где они встречаются и происходит интеграция, находится в человеке. Воссоединение духа и души через воображение происходит только в человеке, который осознал Христа. Только когда невеста подготовлена путем вознесения души, и жених, эмиссар из Плеромы, явлен со спасительным гнозисом, силой воображения может быть достигнуто завершение мистического брака. Для гностиков это осуществление Христа, пути, истины и жизни, без которых никто не возвращается в Плерому.

77. Архонты не могут видеть человека, который одет в совершенный свет, и не могут предотвратить вознесение этого человека. Тело света создается в таинстве союза. Только после того, как дух и душа воссоединились в брачном чертоге, гностик надевает одежду совершенного света, которая защищает его от архонтов во время восхождения к Плероме. Брачный чертог, где происходит мистический брак, расположен в шишковидной железе. «Свет тела – это глаз: если твой глаз будет единым, все тело твое будет наполнено светом» (От Матфея 6:22, KJV). Когда мистический союз происходит в третьем глазе, тогда божественная искра, находящаяся в шишковидной железе, становится Плеромой, и полный Свет Плеромы наполняет все тело.

78. Гностический путь – это, прежде всего, *via positiva*. Однако интеграция противоположностей требует как *via negativa*, так и *via positiva*. *Via negativa* – это путь духа, *via positiva* – это путь души. Мы не становимся просветленными, воображая только фигуры света, но привносим тьму в свет сознания. Плерома –

это и полнота, и пустота, и возвращение к Плероме требует и *via positiva* (полноты образов), и *via negativa* (лишенности образов).

79. Психологически примирение и интеграция противоположностей включают в себя удержание напряжения противоположностей, которое возникает в психике, когда сознательная позиция компенсируется бессознательной противоположностью, пока результирующий энергетический потенциал не вызовет трансцендентную функцию, которая продвинет сознание на более высокий уровень, обратно к Плероме.

80. Психодуховное развитие завершается, когда все противоположности объединены и достигается состояние психической целостности, реализация Самости. Когда достигается совершенное, гармоничное равновесие противоположностей, когда завершается мистический брак невесты и жениха, тогда Христос и София воссоединяются и Единая Самость достигается, сон заканчивается, сотворенный мир перестает существовать, и мы возвращаемся домой в Плерому. В этом гностическое воскрешение.

Библиография

Барнстон В. и Мейер М., «Гностическая библия», Boston, MA: New Seeds. 2003.

Brakke, D. (2010). The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in early Christianity [Kindle version].

Castaneda, C. (2017). The words of Don Juan Matus. Retrieved January 23, 2017 from https://archive.org/stream/CarlosCastanedaTheWordsOfDonJuanMatus/Carlos%20CastanedaThe%20Words%20of%20Don%20Juan%20Matus_djvu.txt

Chodron, P. (2000). When Things Fall Apart: Heart Advice for Difficult Times. Boulder, CO: Shambhala.

Churton, T. (2015). Gnostic Mysteries of Sex: Sophia the Wild One and Erotic Christianity [Kindle version].

Cornelia, P. (2014). The Collapse of Materialism: Visions of Science, Dreams of God [Kindle version].

Daumal, R. (2017). Rene Daumal Quotes. Retrieved August 16, 2017 from https://www.goodreads.com/author/quotes/3020747.Ren_Daumal

Dick, P.K. (1977). if you find this world bad, you should see some of the others. Retrieved April 30, 2016 from https://ia600500.us.archive.org/32/items/PhilipKDickSpeechExcerpts/PhilipKDick_Speech.txt

Dick, P.K. (1978). How to build a universe that doesn't fall apart two days later. Retrieved January 15, 2016 from http://deoxy.org/pkd_how2-build.htm

Dick, P.K. (2001). VALIS. London: Orion.

Dick, P.K. (2008). The Divine Invasion. London: Harper Voyager.

Dick, P.K. (2011). The Exegesis of Philip K. Dick [Kindle version].

Douglas, S. (2016). White Bird, Black Serpent, Red Book: Exploring the Gnostic Roots Dreamwork. London: Karnac.

Eliot, T. S. (1943). Four Quartets. Retrieved August 15, 2017 from <https://genius.com/Ts-eliot-four-quartets-little-gidding-annotated>

Ellis, N. (2012). Imagining the World into Existence: An Ancient Egyptian Manual of Consciousness [Kindle version]. P. Jackson & J. Lethem.

Fosella, T., & Welwood, J. (2011). Human nature, Buddha nature: An interview with John Welwood. Tricycle: The Buddhist Review, 20(3).

Griffiths, B. (1982). The Marriage of East and West. Springfield, IL: Templegate.

Hart, T., Nelson, P. L., & Puhakka, K. (2000). Transpersonal Knowing: Exploring the Horizon of Consciousness. Albany, NY: State University of New York Press.

Hoeller, S. A. (2002a). Gnosticism: New Light on the Ancient Tradition of Inner Knowing. Wheaton, IL: Theosophical.

Hoeller, S. A. (2002b). The Gnostic Jung and the Seven Sermons to the Dead. Wheaton, IL: Theosophical.

Jung, C.G. (1951). Aion: Researches into the phenomenology of the self. In: G. Adler, M. Fordham, & H. Read (Series Eds.), R.F.C. Hull (Trans.), The Collected Works of C.G. Jung, Vol. 9: Part 2. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959.

Jung, C. G. (1954). Psychological commentary on “The Tibetan Book of the Great Liberation”. In: *Psychology and the East* (pp. 103–137). London: Ark, 1978.

Jung, C. G. (1955-1956). *Mysterium coniunctionis: An Inquiry into the Separation and Synthesis of Psychic Opposites in Alchemy*. In: G. Adler, M. Fordham, & H. Read (Series Eds.), R.F.C. Hull (Trans.), *The Collected Works of C.G. Jung: Vol. 14*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.

Jung, C. G. (1957a). Psychological commentary on “The Tibetan Book of the Dead”. In: *Psychology and the East* (pp. 59–76). London: Ark, 1978.

Jung, C. G. (1957b). The transcendent function. In: J. Chodorow (Ed.), *Jung on Active Imagination* (pp. 42–60). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Jung, C. G. (1962). *Memories, Dreams, Reflections*. London: Fontana, 1995.

Jung, C. G. (1973). Letter to Smith. In: G. Adler (Ed.), R.F.C. Hull (Trans.), *C. G. Jung Letters, Vol. 11, 1951–196* (pp. 570–573). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C. G. (2009). *The Red Book: Liber Novus*. A Reader’s edition. Edited and with an introduction by S. Shamdasani. M. Kyburz, J. Peck; S. Shamdasani (Trans.). New York: W. W. Norton.

Kastrup, B. (2011). *Dream Up Reality: Diving into the Mind to Uncover the Astonishing Hidden Tale of Nature* [Kindle version].

Kastrup, B. (2015). *Brief Peeks Beyond: Critical Essays on Metaphysics, Neuroscience, Free Will, Scepticism and Culture* [Kindle version].

Kastrup, B. (2016). Quantum physics meets mythology: Going forward by taking a step back. *New Dawn Special Issue*, 10(4).

Lachman, G. (2015). *The Secret Teachers of the Western World* [Kindle version].

Lash, J.L. (2006). *Not in His Image: Gnostic Vision, Sacred Ecology, and the Future of Belief*. White River Junction, VT: Chelsea Green.

Lewis, N. D. (2013). *Introduction to Gnosticism: Ancient Voices, Christian Worlds*. New York: Oxford University Press.

Madden, K. W. (2008). *Dark Light of the Soul*. Great Barrington, MA: Lindisfarne.

Masters, R. A. (2016). *Spiritual Bypassing: Avoidance in Holy Drag*. Retrieved December 18, 2016 from <http://robertmasters.com/writings/spiritual-bypassing/>

Matrix, The (1999). J. Silver (producer), A. Wachowski, A. & L. Wachowski (directors). Warner Bros motion picture.

McGuire, W., & Shamdasani, S. (Eds.) (2012). *Introduction to Jungian Psychology: Notes of the Seminar on Analytical Psychology Given in 1925*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Meyer, M. (Ed.) (2007). *The Nag Hammadi Scriptures: The Revised and Updated Translation of Sacred Gnostic Texts*. New York: HarperCollins.

Peake, A. (2013). *A Life of Philip K. Dick: The Man Who Remembered the Future* [Kindle version].

Pearson, B. A. (2007). *Ancient Gnosticism: Traditions and Literature* [Kindle version].

Plotinus, B. *The Six Enneads*. S. MacKenna & B.S. Page (Trans.). Grand Rapids, MI: Christian Classics Ethereal Library, 2017. Retrieved August 24, 2017 from <http://www.ccel.org/ccel/plotinus/enneads.pdf>

Plotkin, B. (2003). *Soulcraft: Crossing into the Mysteries of Nature and Psyche*. Novato, CA: New World Library.

Rosenblum, B., & Kuttner, F. (2012). *Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness* [Kindle version].

Rowan, J. (2005). *The Transpersonal: Spirituality in Psychotherapy and Counselling* (2nd ed.). London: Routledge.

Rudolph, K. (1987). *Gnosis: The Nature and History of Gnosticism*. R.M. Wilson (Trans.). New York: Harper San Francisco.

Ruumet, H. (2006). *Pathways of the Soul: Exploring the Human Journey*. Victoria, BC, Canada: Trafford.

Scopello, M. (2007). Introduction to the exegesis on the soul. In: M. Meyer (Ed.), *The Nag Hammadi Scriptures: The Revised and Updated Translation of Sacred Gnostic Texts* (pp. 223–226). New York: HarperCollins.

Sharp, D. (2010). *Jung Lexicon: A Primer of Terms & Concepts*. Retrieved April 30, 2016 from <http://www.psychceu.com/jung/sharplexicon.html>

Smith, A. P. (2008). *The Gnostics: History, Tradition, Scriptures, Influence*. London: Watkins.

Smoley, R. (2006). *Forbidden Faith: The Gnostic Legacy from the Gospels to the Da Vinci Code*. New York: HarperCollins.

Stein, M. (1998). *Jung's Map of the Soul* [Kindle version].

Stevenson, R. L. (1886). *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*. Retrieved August 16, 2017 from <http://www.litcharts.com/lit/dr-jekyll-and-mr-hyde/quotes>

Stratford, J. (2007). *Living Gnosticism: An Ancient Way of Knowing*. Berkeley, CA: Apocryphile Press.

Stein, M. (2014). *Minding the Self. Jungian Meditations on Contemporary Spirituality*. Hove, UK: Routledge.

Thomassen, E. (2007). Introduction to the treatise on resurrection. In: M. Meyer (Ed.), *The Nag Hammadi Scriptures: The Revised and Updated Translation of Sacred Gnostic Texts* (pp. 49–51). New York: HarperCollins.

Trainspotting (1996). A. Macdonald (producer), D. Boyle (director). Channel Four Films motion picture.

Turner, J.D. (2001). *Sethian Gnosticism and the Platonic Traditions*. Quebec, Canada: Les Presses de L'Universite Laval.

Williams, M. A. (1996). *Rethinking Gnosticism: Arguments for Dismantling a Dubious Category*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Для заметок: